

Благослови кѣнѣцъ лѣта благодти Твоеѣ,
Господи, и полѣ Твоеѣ исполнѣтѣ тѣка.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ LIV.

ВРЕМЕННОИЪ

СТАВРОПИГІЙСКАГО ИНСТИТУТА

СЪ МѢСЯЦЕСЛОВОМЪ

НА ВИСОКОСНЫЙ ГОДЪ

1924.

ЛЪВОВЪ 1923.

Изъ типографіи Ставропигійскаго Института
подъ управленіемъ А. И. Яськова.

1870
1871
1872

ГОДЪ ИЗДАНІЯ LІV.

ВРЕМЕННОИКЪ
СТАВРОПОЛІТСКАГО ИНСТИТУТА
СЪ МѢСЯЦЕСЛОВОМЪ
НА ВЫСОКОСНЫЙ ГОДЪ
1924.

ЛЬВОВЪ, 1923 г.
Типографія Ставрополітскаго Інститута
подо̑ управленіємъ А. И. Яськова.

PK 40.118

ВРЪЩЕННЯ

НАУЧНО-ИЗСЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

С. ПЕТЕРБУРГ

НАУЧНО-ИЗСЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

1934

ЛЕНИНГРАДСКИЙ НАУЧНО-ИЗСЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
НАУЧНО-ИЗСЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

Львівська державна наукова бібліотека
№ 13632

ЛБ АН УРСР
№ 6198

М ѣ р ы.

Мѣры линейныя или погонныя:

- 1 метръ = 10 децим. = 100 сантим. = 1000 милим.
1 километръ = 1000 метрамъ.
1 футъ = 12 дюймовъ = 0,30480 метра.
1 аршинъ = 16 вершковъ = 28 дюймовъ = 0,71120 метра.
1 сажень (русская) = 3 аршина = 7 футовъ = 2,13360 метра.
1 сажень (нѣмецкая) = 1,896485 метра.
1 верста = 500 сажень = 1,06680 километра.
1 миля (австр.) = 7585,94 метровъ = 7,586 км. = 4.000 саж.
1 миля (нѣм.) = 7,50 км.
1 миля (анг.) = 1,61 км.
1 миля (морск.) = 1,8532 км. = 1,7362 версты.
1 узелъ = 1 морск. милъ = 1,8532 км = (длина пути, проходящая судномъ въ 1 часъ).
1 миля (геогр.) = 7,420 км = 6,9569 версты.
1 ярдъ (yard) = 0,9140 метра.

Мѣры квадратныя:

- 1 моргъ = 1600 квадр. саж. нѣм. = 5585,31 квадр. метр. = 0,510 десятины.
1 десятина = 1,95609 морга = 1,09254 гектара = 2400 квадр. саж. русскихъ.
1 гектаръ = 1,79041 морга = 0,915299 десятины.

Мѣры вѣса:

- 1 килограмъ = 100 декамъ = 1000 граммамъ = 2,442 фунтамъ русскимъ.
1 фунтъ (австр.) = 0,5 килог.
1 фунтъ (русскій) = 0,40951241 килограма = 32 лотамъ = 96 золотникамъ.
1 пудъ = 40 фунт. русс. = 16,380 килограма.
1 тонна (корабельн.) = 1015,59 килограм. = 4.800 фунт.

Мѣры объема.

- 1 литръ = 1 кубическому дециметру = 1000 куб. сантим.
1 бутылка русск. = 0,615 куб. сантим.
1 ведро = 12,299 литрамъ = 10 кружкамъ.
1 кружка = 1,230 литра.
1 гарнецъ = 3,280 литра.
1 бочка = 40 ведр. = 491,957 литр. = 4,91957 гектолитр.
-

Астрономическія указанія.

Годъ 1924-ый есть годъ высокосный, въ которомъ имѣется 366 дней, вмѣсто 355-ти дней какъ въ обыкновенномъ году.

Астрономическая весна начинается на сѣверномъ полушаріи 8 (21) марта (въ 7 ч. 53 м. утра), когда солнце повидимому проходитъ надъ экваторомъ по направленію къ сѣверному полюсу. Этого числа на экваторѣ, на открытомъ морѣ, день и ночь равны. У насъ этотъ день называется весеннимъ равноденствіемъ.

Астр. лѣто начинается у насъ 9 (22) іюня, въ 10 ч. утра, когда солнце находится прямо надъ тропикомъ „Рака“, т. е. на $23\frac{1}{2}$ градусѣ къ сѣверу отъ экватора. На нашемъ полушаріи этого числа день самый длинный, а ночь самая короткая.

Астр. осень начинается у насъ 10 (23) сентября, въ 6 ч. вечера, когда солнце повидимому проходитъ надъ экваторомъ по направленію къ южному полюсу. Этого числа на экваторѣ, на открытомъ морѣ, опять день и ночь равны. У насъ этотъ день называется осеннимъ равноденствіемъ.

Астр. зима начинается у насъ 9 (22) декабря, въ 6 ч. вечера, когда солнце находится прямо надъ тропикомъ „Козерога“, т. е. на $23\frac{1}{2}$ градусѣ къ югу отъ экватора. На нашемъ полушаріи этого числа день самый короткій, а ночь самая длинная.

Владѣющею планетою (небеснымъ тѣломъ какъ наша земля) въ 1924 году есть звѣзда Юпитеръ.

Затмѣнія въ 1924-омъ году.

Въ 1924-омъ году будетъ два затмѣнія солнца и два затмѣнія луны. Затмѣнія луны будутъ въ Европѣ видны (при погодномъ небѣ) оба, а затмѣніе солнца только второе.

Первое, частичное затмѣніе луны послѣдуетъ 6 (19) февраля, въ 7 ч. 27 м. вечера и кончится въ 9 ч. 43 м. Это затмѣніе при погодномъ небѣ будетъ видно на восточномъ полушаріи.

Первое кольцообразное затмѣніе солнца послѣдуетъ 22-го февр. (6 марта) въ 3 ч. 53 м. ночи и кончится въ 9 ч. 41 м. дня. Это затмѣніе будетъ видно только на южномъ полушаріи въ Новой Зеландіи, Австраліи, въ южной Африкѣ и въ восточной части Южнаго ледовитаго Океана.

Второе частичное затмѣніе луны послѣдуетъ 2 (15) августа въ 4 ч. 12 м. утра и кончится въ 6 ч. 16 м. При погодномъ небѣ это затмѣніе будетъ видно въ юго-западной Европѣ, въ сѣверо-западной Европѣ, въ сѣверо-западной Африкѣ, на Атлантическомъ Океанѣ (по одну и другую сторону тропика „Рака“) и въ сѣверной Америкѣ. — (У насъ это затмѣніе не будетъ видно).

Второе полное затмѣніе солнца послѣдуетъ 17 (30) августа. Его начало въ 12 ч. 11 м. дня; полное затмѣніе въ 1 ч. 16 м. по 4 ч. 10 м. дня; конецъ затмѣнія въ 5 ч. 13 м. дня. При погодномъ небѣ это затмѣніе солнца будетъ видно въ западной Азіи, въ Европѣ, въ сѣверной Африкѣ, въ сѣверной части Атлантического океана и въ восточной части Сѣверной Америки.

ФАЗЫ ЛУНЫ:

☉ Новолуніе. ☾ Первая четверть. ☾ Полнолуніе. ☾ Последняя четв. рть.

Церковный указатель.

I. ПАСХАЛІЯ.

Ключъ границъ ☉.

Мясоѣдъ 8 недѣль (56 дней).

Мясопустъ 17 февр. (2 марта)

Сыропустъ 24 февр. (9 марта)

Благовѣщеніе на 5-ой нед. Вел. Поста (въ понедѣльникъ).

Вруцѣлѣто с, отъ 1 марта а.

Пасха 14 (27) апрѣля.

(Лат. Пасха, недѣлю раньше).

Св. Георгія (Юра) на второй нед. послѣ Пасхи (во вторникъ).

Вознесеніе 23 мая (5 іюня).

Сохъ св. Духа 2 (15) іюня.

Петровъ Постъ 19 дней.

II ПОСТЫ.

1. Въ Навечеріе Богоявленія 5 (18) янв.
2. Великій Постъ съ понед. 26 февр. (10 марта) по Свѣтл. Воскр. 14 (27) апр.
3. Петровъ Постъ съ понед. 10 (23) іюня по 29-ого іюня, (12 іюля).
4. Маккавеевка или Спасовка съ четверга 1 (14) авг. по 15 (28) авг.
5. На Усѣкновение 29 авг. (11 сент.).
6. На Воздвиженіе 14 (27) сент.

7. Филипповка съ четверга 14 (27) ноябрю по 25 декабря (7 января)

8. Въ каждую среду и пятницу за исключеніемъ недѣль: послѣ Рождества и до Навечерія Богоявленія, послѣ нед. о мытарѣ и фарисеѣ послѣ Пасхи и послѣ Соч. св. Духа.

III. ВРЕМЯ,

запрещенное церквою на забавы съ музыкой и танцами:

1. Всѣ среды и пятницы.
2. Отъ начала Филиповки до Богоявленія.
3. Отъ Мясопуста до 9миной недѣли.
4. Въ Петровку.
5. Въ Спасовку.
6. На Усѣкновение
7. На Воздвиженіе.

IV. РУССКО-НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ:

15 (28) іюля, св. Владиміра, крестителя Руси.

1 (14) августа, Крещеніе Руси.

Табель-календарь на 1924 годъ.

(Новый стиль).

Дни недѣли	I. Январь	II. Февраль	III. Мартъ
Понедѣльн.	7 14 21 28	4 11 18 25	3 10 17 24 31
Вторникъ	1 8 15 22 29	5 12 19 26	4 11 18 25
Среда	2 9 16 23 30	6 13 20 27	5 12 19 26
Четвергъ	3 10 17 24 31	7 14 21 28	6 13 20 27
Пятница	4 11 18 25	1 8 15 22 29	7 14 21 28
Суббота	5 12 19 26	2 9 16 23	1 8 15 22 29
Воскресеніе	6 13 20 27	3 10 17 24	2 9 16 23 30
Дни недѣли	IV. Апрѣль	V. Май	VI. Юнь
Понедѣльн.	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30
Вторникъ	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24
Среда	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25
Четвергъ	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26
Пятница	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27
Суббота	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28
Воскресеніе	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29
Дни недѣли	VII. Июль	VIII. Августъ	IX. Сентябрь
Понедѣльн.	7 14 21 28	4 11 18 25	1 8 15 22 29
Вторникъ	1 8 15 22 29	5 12 19 26	2 9 16 23 30
Среда	2 9 16 23 30	6 13 20 27	3 10 17 24
Четвергъ	3 10 17 24 31	7 14 21 28	4 11 18 25
Пятница	4 11 18 25	1 8 15 22 29	5 12 19 26
Суббота	5 12 19 26	2 9 16 23 30	6 13 20 27
Воскресеніе	6 13 20 27	3 10 17 24 31	7 14 21 28
Дни недѣли	X. Октябрь	XI. Ноябрь	XII. Декабрь
Понедѣльн.	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29
Вторникъ	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30
Среда	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31
Четвергъ	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25
Пятница	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26
Суббота	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27
Воскресеніе	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28

Праздничные дни обозначены жирными цифрами.

Цифры, обведенные черной линіей, посты.

1924

ЯНВАРЬ (31 день).

1924

Дн. нед.	Ст. ст.	Русскіе святцы	Нов. ст.	Латинскіе святцы	Восх. солнца	Зак. солнца	Фазы луны
П.	1	Н. Годъ. 1924. В. В.	14	Евфросиніи	7 15	3 47	☾ в. 9 ч. 44 м. в. ч. 31. XII. 1923
В.	2	Сильвестра папы Р.	15	Маура	7 14	3 49	
С.	3	Малахія, Гордія	16	Маркилла, Оттона	7 13	3 50	
Ч.	4	Соборъ 70 ап. Θεокт.	17	Антонія В.	7 12	4 52	
П.	5	Навеч. Бог. (Постъ).	18	Приски	7 11	4 53	
С.	6	⊕ Бог. (Крещ.) Госп.	19	Генрика	7 10	4 54	
В.	7	Нед. по Пр. † С. І. К.	20	3 по Еп. Фердинанда	7 09	4 56	
П.	8	Георг., Емил., Домин.	21	Агнесы	7 08	4 58	☉ в. 8 ч. 47 м. у. ч. 1. I. 1924
В.	9	Поліевкта мч.	22	Викентія	7 07	4 59	
С.	10	Григорія Нисс. Марк.	23	Обр. П. Д. М.	7 06	4 00	
Ч.	11	† <i>Прп. Θεодосія</i>	24	Тимофея	7 05	4 02	
П.	12	Татіяны муч., Саввы	25	Обрац. св. Пав.	7 04	4 05	
С.	13	Ермила, Стратоника	26	Поликарпа	7 03	4 07	
В.	14	Нед. 30 по С. О. П. Б.	27	4 по Еп. Іоан. Злат.	7 02	4 08	
П.	15	Павла, Іеанна	28	Карла Вел.	7 02	4 10	☾ в. 1 ч. 51 м. н. ч. 3. I. 1924
В.	16	Покл. вер. св. Петр.	29	Франца Салез.	7 01	4 12	
С.	17	† <i>Прп. Антонія Вел.</i>	30	Мартина	7 01	4 14	
Ч.	18	Аѳанасія и Кирилла	31	Петра изъ Н.	7 00	4 15	
П.	19	Макар. епис., Евфрос.	1	Февраль. Игнатія	6 59	4 16	
С.	20	† <i>Прп. Евѣлія В.</i>	2	⊕ Маріи Громнич.	6 57	4 18	
В.	21	Н 31 по С. Максима	3	5 по Еп. Блажея	6 52	4 23	
П.	22	Тимофея, Анастасія	4	Вероники	6 50	4 25	☉ в. 4 ч. 39 м. д. ч. 5. I. 1924
В.	23	Климентя еп. Анк.	5	Агалы	6 49	4 27	
С.	24	Ксеніи, Македонія	6	Дороты	6 47	4 29	
Ч.	25	† <i>Григорія Богосл.</i>	7	Ромуальда	6 45	4 30	
П.	26	Ксенофонта, Маріи	8	Іоанна изъ Мальты	6 44	4 32	
С.	27	Пер. мощ. Іоан. Злат.	9	Аполлоніи	6 43	4 34	
В.	28	Н. 32 по С. Ефрема	10	6 по Еп. Схоластики	6 41	4 35	
П.	29	Игнатія, Романа, Іак.	11	Евфроз, Дезид, Луд.	6 39	4 37	☾ в. 3 ч. 53 м. д. ч. 7. I. 1924
В.	30	⊕ Трехъ Святит.	12	Модеста, Евлаліи	6 37	4 38	
С.	31	Кира и Іоан. Безср.	13	Юліана, Катерины	6 35	4 40	

Еврейскій календарь :

Годъ 5684. 8. (21.) янв. = 15. Шебатъ, день радости.

24. янв. (6. февр.) = 1. Адаръ.

30. янв. (12. февр.) = 7 Адаръ, смерть Моисея (Постъ).

Восходъ и закатъ солнца по средне-европейскому времени.

1924

ФЕВРАЛЬ (29 дней).

1924

Дл. нед.	Ст.	Русскіе святцы	Нов. ст.	Латинскіе святцы	Восх. солнца	Зак. солнца	Фазы луны
Ч.	1	Трифона, Петра	14	Валентина	6 34	4 42	
П.	2	⊕ Срѣтеніе Госп.	15	Фаустина	6 32	4 44	
С.	3	Симеона и Анны	16	† Юліанны	6 30	4 45	
Н.	4	Н. 33 п. Сош., о м и ф.	17	Нед. Старозапусты	6 28	4 46	
П.	5	Агаѳи	18	Флавіана	6 27	4 48	8 ч. 25 м. вѣч.
В.	6	Вукѳла, Юліана	19	Конрада	6 25	4 50	
С.	7	Нарѣнія, Луки	20	Леона, Никифора	6 23	4 52	
Ч.	8	Ѳеодора Страт. Зах.	21	Елеоноры	6 21	4 53	
П.	9	Никифора	22	Петра Катедры	6 19	4 55	
С.	10	Харлампія, Порфирія	23	Петра Даміана Ром.	6 17	4 57	11 ч. 37 м. утр.
В.	11	Нед. 34 п. Сош., обл.с	24	Нед. Мясопуст. Мат.	6 16	4 58	
П.	12	Мелетія, Марины	25	Анастасіи	6 15	4 59	
В.	13	Мартиніана, Зол. Сим.	26	Виктора	6 13	5 00	
С.	14	Кирилл Слав., Авкс.	27	Александра	6 12	5 01	
Ч.	15	Онисима, Пафутія	28	Романа	6 11	5 02	6 ч. 53 м. утр.
П.	16	Памфила, Порфирія	29	Леандра	6 10	5 03	
С.	17	Ѳеодора Тирона	1	Мартъ. Альбина	6 09	5 04	
В.	18	Нед. мясоп. Льва п. Р.	2	Нед. Запуст. Симпл.	6 07	5 05	
П.	19	Архиппа, Филимона	3	Кунегунды	6 05	5 07	
В.	20	Льва еп. Катанскаго	4	Казимира	6 02	5 08	
С.	21	Тимѳея и Евстафія	5	† <i>Попелецъ</i> † <i>Фридр.</i>	6 00	5 10	
Ч.	22	Анастасія и Петра	6	Колеты	5 57	5 11	
П.	23	Поликарпа	7	Ѳомы изъ Акв.	5 56	5 12	
С.	24	† <i>Обрѣт. гл. Іоан Кр.</i>	8	Іоанна божьяго	5 54	5 15	
В.	25	Нед сыроп. Тарасія	9	1. Нед. Вступ. Франц.	5 52	5 17	
П.	26	Порфирія. <i>Нач. Вел. П.</i>	10	40 мучениковъ	5 50	5 19	
В.	27	Прокопія, Тита	11	Анели, Констанціи	5 48	5 20	
С.	28	Василія исп. Марины	12	Григорія Вел.	5 46	5 21	
Ч.	29	Кассіана Римлянина	13	Эрнста, Христ.	5 44	5 23	

Еврейскій календарь :5 (18) февр. = 13 Адаръ, Естеры (*постъ*).

6 (19) февр. = 14 Адаръ, Пуримъ (Гаманъ).

7 (20) февр. = 15 Адаръ, Шушанъ Пуримъ.

23 февр. (7 мар.) = 1 В'Адаръ

Восходъ и закатъ солнца по средне европейскому времени.

Year	Month	Day	Time	Location	Remarks
1911	Jan	1	10:00	St. Paul	Arrived from New York
1911	Jan	2	10:00	St. Paul	Left for New York
1911	Jan	3	10:00	St. Paul	Arrived from New York
1911	Jan	4	10:00	St. Paul	Left for New York
1911	Jan	5	10:00	St. Paul	Arrived from New York
1911	Jan	6	10:00	St. Paul	Left for New York
1911	Jan	7	10:00	St. Paul	Arrived from New York
1911	Jan	8	10:00	St. Paul	Left for New York
1911	Jan	9	10:00	St. Paul	Arrived from New York
1911	Jan	10	10:00	St. Paul	Left for New York
1911	Jan	11	10:00	St. Paul	Arrived from New York
1911	Jan	12	10:00	St. Paul	Left for New York
1911	Jan	13	10:00	St. Paul	Arrived from New York
1911	Jan	14	10:00	St. Paul	Left for New York
1911	Jan	15	10:00	St. Paul	Arrived from New York
1911	Jan	16	10:00	St. Paul	Left for New York
1911	Jan	17	10:00	St. Paul	Arrived from New York
1911	Jan	18	10:00	St. Paul	Left for New York
1911	Jan	19	10:00	St. Paul	Arrived from New York
1911	Jan	20	10:00	St. Paul	Left for New York
1911	Jan	21	10:00	St. Paul	Arrived from New York
1911	Jan	22	10:00	St. Paul	Left for New York
1911	Jan	23	10:00	St. Paul	Arrived from New York
1911	Jan	24	10:00	St. Paul	Left for New York
1911	Jan	25	10:00	St. Paul	Arrived from New York
1911	Jan	26	10:00	St. Paul	Left for New York
1911	Jan	27	10:00	St. Paul	Arrived from New York
1911	Jan	28	10:00	St. Paul	Left for New York
1911	Jan	29	10:00	St. Paul	Arrived from New York
1911	Jan	30	10:00	St. Paul	Left for New York
1911	Jan	31	10:00	St. Paul	Arrived from New York

1923

МАРТЪ (31 день)

1924

Дн. нед	Ст. ст.	Русскіе святцы	Нов. ст.	Латинскіе святцы	Восх. солнца	Зак. солнца	Фазы луны
П.	1	Евдокин, Нестора	14	Матильды,	5 42	5 25	☾ в 10 ч. 83 м. утр.
С.	2	Феодота еп. Кирик.	15	Иларія, Лонгина	5 39	5 26	
В.	3	1 Н. Поста, Прав. Евт.	16	2 Н. Д. Суха. Любина	5 37	5 27	
П.	4	Герасима. Пав., Юл.	17	Гертруды	5 35	5 29	☾ в 10 ч. 6 ч. 29 м. утра.
В.	5	Ковона, Марка	18	Эдуарда	5 33	5 31	
С.	6	42 мучен. въ Амор.	16	† <i>Иосифа Обручн.</i>	5 31	5 33	
Ч.	7	Евгенія, Ефр., Вас.,	20	Иоакима	5 28	5 34	
П.	8	Феофил. Никомид.	21	Венедикта	5 26	5 35	
С.	9	† 40 муч. въ Сев. стѣн.	22	Катерины	5 24	5 37	
В.	10	2 Нед. Поста. Кон. К.	23	3 Нед. Глуха. Викт.	5 22	5 39	
П.	11	Софронія патр. Герус.	24	Гаврііла	5 20	5 40	☾ в 10 ч. 11 ч. 27 м. веч.
В.	12	Феофана Исп., Григор.	25	Благовѣщ. Пр. Д. М.	5 18	5 41	
С.	13	Перен. мощ. Никифора	26	Эммануила	5 16	5 43	
Ч.	14	Венедикта, Алексан.	27	Иоанна Дамаск.	5 14	5 44	
П.	15	Агалия, Пуплія	28	Сикста папы	5 12	5 45	
С.	16	Савина, Трофима	29	Евстафія	5 10	5 47	
В.	17	3 Н. Поста. Кр. † Алек.	30	4 Нед. Средоп. Квир.	5 08	5 49	
П.	18	Кирилл арх. Іер.	31	Бальбины	5 06	5 50	☾ в 10 ч. 12 ч. 57 м. поч.
В.	19	Хризанфа и Даріи	1	Аурѣль. Гугона	5 04	5 52	
С.	20	Пр. От. Іоан. Сер. Кл.	2	Франца	5 01	5 53	
Ч.	21	Іакова Оомы	3	Ришарда	5 59	5 55	
П.	22	Василія, Ісаакія	4	Исидора	4 57	5 57	
С.	23	Никона, Лидіи	5	Викентія	4 55	5 58	
В.	24	4 Н. Поста. Артем.	6	5 Нед. Чорва. Вильг.	4 53	5 59	
П.	25	☩ Благов. Пр. Бог.	7	Германа	4 51	6 01	☾ в 10 ч. 11 ч. 15 м. утр.
В.	26	Соб. Архан. Гаврііла	8	Діонисія	4 49	6 02	
С.	27	Матроны <i>Поклоны</i>	9	Маріи Клеоп.	4 47	6 04	
Ч.	28	Иларіона, Стефана	10	Езекііла	4 45	6 05	
П.	29	Марка еп. Арее,	11	Льва п. Рим.	4 43	6 07	
С.	30	Іоанна Лѣств.	12	Іюліана	4 41	6 09	
В.	31	5 Нед. Поста. Ипатія	13	6 Н. Пальмова. Юст.	4 38	6 10	

Еврейскій календарь :

23 марта (5 апр.) = 1 Низаивъ.

Восходъ и закатъ солнца по средне европейскому времени.

4801

1924

АПРѢЛЬ (30 дней)

1924

Дн. нед.	Ст. ст.	Русскіе святцы	Нов. ст.	Латинскіе святцы	Восх. солнца	Зак. солнца	Фазы луны
П.	1	Маріи Егип. Макарія	14	Валерія	4 36	6 12	3 ч. 11 м. дня.
В.	2	Тита, Поликарпа	15	Касильди	4 34	6 13	
С.	3	Никиты, Θεодосіи	16	Ламберта	4 32	6 15	
Ч.	4	Пр. Іосифа, Георгія	17	Рудольфа (Стр. Четв.)	4 30	6 16	
П.	5	Θεοδουла, Платона	18	Аполонія (Вел. Пятн.)	4 28	6 18	
С.	6	Евтихія Іерем. Меѳод.	19	Эммы (Вел. Суб.)	4 26	6 20	
В.	7	Нед. цвѣтн. (В. рбн.)	20	⊕ Воскрес. Христ.	4 24	6 21	
П.	8	Иродіона, Келестина	21	⊕ Свѣтл. Понед.	4 22	6 23	12 ч. 47 м. нощ.
В.	9	Евсипхія, Вадима	22	отера, Каія	4 20	6 24	
С.	10	Терентія, Зинона	23	Войтѣха	4 18	6 26	
Ч.	11	Антипа (Страстн. Чтр.)	24	Юрія	4 16	6 27	
П.	12	⊕ Страстн. Пятница	25	Марка еванг.	4 14	6 29	
С.	13	Артемона (Вел. Суб.)	26	Клита, Марцеллія	4 12	6 30	
В.	14	⊕ Свѣт. Вос. Христ.	27	1 Нед. Бѣлая. Пер.	4 10	6 32	
П.	15	⊕ Свѣтлый Понед.	28	Павла, Виталія	4 08	6 34	5 ч. 23 м. вѣч.
В.	16	⊕ Свѣтлый Вторн.	29	Петра	4 07	6 36	
С.	17	Симеона	30	Екатерины	4 05	6 37	
Ч.	18	Іоанна, Космы	1	Май. Филиппа	4 03	6 38	
П.	19	Іоан. Ветхон.	2	Зигмунта	4 01	6 40	
С.	20	Θεοдора Трих	3	Обрѣт. Ч. Креста	4 00	6 42	
В.	21	2 Нед. Антипас(Ѳом.)	4	2 Нед. Флоріана	3 58	6 43	
П.	22	Θεοдора Сикеота	5	Пія папы	3 56	6 44	0 ч. 20 м. утра.
В.	23	† Георгія (Юра)	6	Іоанна	3 55	6 46	
С.	24	Саввы	7	Доминцеллы	3 53	6 47	
Ч.	25	† Марка Еванг.	8	Станислава	3 51	6 49	
П.	26	Василія, Стефана	9	Григорія	3 49	6 50	
С.	27	Симеона сродн. Госп.	10	Издора, Антонія	3 48	6 52	
В.	28	3 Нед. Миронос. Яз.	11	3 Нед. Адольфа	3 46	6 53	
П.	29	9 мучен. въ Кнз.	12	Панкрат.	3 44	6 54	0 ч. 20 м. утра.
В.	30	† Ап. Іакова Зеед	13	Серватія	3 43	6 56	

Еврейскій календарь :

6 (19) апр. = 15 Нисанъ = 1 день Пасхи.
 7 (20) апр. = 16 Нисанъ = 2 день Пасхи.
 12 (25) апр. = 21 Нисанъ = 7 день Пасхи.
 18 (26) апр. = 22 Нисанъ = Конецъ Пасхи.
 22 апр. (5мая) = 18 Іаръ.

 Восходъ и закатъ солнца по средне-европейскому времени.

Year	Month	Day	Time	Location	Remarks
1901	Jan	1	10:00	St. Paul	Arrived from New York
1901	Jan	2	10:00	St. Paul	Left for New York
1901	Jan	3	10:00	St. Paul	Arrived from New York
1901	Jan	4	10:00	St. Paul	Left for New York
1901	Jan	5	10:00	St. Paul	Arrived from New York
1901	Jan	6	10:00	St. Paul	Left for New York
1901	Jan	7	10:00	St. Paul	Arrived from New York
1901	Jan	8	10:00	St. Paul	Left for New York
1901	Jan	9	10:00	St. Paul	Arrived from New York
1901	Jan	10	10:00	St. Paul	Left for New York
1901	Jan	11	10:00	St. Paul	Arrived from New York
1901	Jan	12	10:00	St. Paul	Left for New York
1901	Jan	13	10:00	St. Paul	Arrived from New York
1901	Jan	14	10:00	St. Paul	Left for New York
1901	Jan	15	10:00	St. Paul	Arrived from New York
1901	Jan	16	10:00	St. Paul	Left for New York
1901	Jan	17	10:00	St. Paul	Arrived from New York
1901	Jan	18	10:00	St. Paul	Left for New York
1901	Jan	19	10:00	St. Paul	Arrived from New York
1901	Jan	20	10:00	St. Paul	Left for New York
1901	Jan	21	10:00	St. Paul	Arrived from New York
1901	Jan	22	10:00	St. Paul	Left for New York
1901	Jan	23	10:00	St. Paul	Arrived from New York
1901	Jan	24	10:00	St. Paul	Left for New York
1901	Jan	25	10:00	St. Paul	Arrived from New York
1901	Jan	26	10:00	St. Paul	Left for New York
1901	Jan	27	10:00	St. Paul	Arrived from New York
1901	Jan	28	10:00	St. Paul	Left for New York
1901	Jan	29	10:00	St. Paul	Arrived from New York
1901	Jan	30	10:00	St. Paul	Left for New York
1901	Jan	31	10:00	St. Paul	Arrived from New York

1924

МАЙ (31 день)

1924

Дн нед	Ст. ст.	Русскіе святцы	Нов ст.	Латинскіе святцы	Восх. солнца	Закатъ солнца	Фазы луны
С.	1	Іереміи прор.	14	Бонифатія	3 42	6 58	1 ч. 10 м. н.
Ч.	2	† Бориса и Глѣба	15	Софіи	3 40	6 59	
П.	3	† Преп. Θεод. Печер.	16	Іоанна Непом.	3 39	7 00	
С.	4	Пелагіи	17	Пасхалиса	3 58	7 02	
В.	5	4 Нед. о Расл. Ирины	18	4 Нед. Феликса	3 37	7 03	
П.	6	Іова Многостр.	19	Петра Целест.	3 36	7 04	
В.	7	Знаменіе Честн. Кр.	20	Бернарда	3 35	7 06	
С.	8	† Іоан. Богосл. (Преп.)	21	Елены	3 34	7 07	
Ч.	9	† Пер. м. св. Николай	22	Юліи	3 33	7 08	
П.	10	† ап. Симона-Зилота	23	Дезидерія	3 32	7 09	
С.	11	Рав. Кирил. и Меод.	24	Іоанны	3 31	7 11	4 ч. 23 м. утра.
В.	12	5 Нед. о Сам. Гер.	25	5 Нед. Урбана	3 30	7 12	
П.	13	Гликеріи, Александра	26	Филиппа	3 28	7 13	
В.	14	Исидора	27	Іоанна	3 27	7 14	
С.	15	Пахомія Вел.	28	Вильгельма	3 26	7 15	
Ч.	16	Θеодора, Ефрема	29	⊕ В. вознесеніе Госп.	3 25	7 16	7 ч. 30 м. утра.
П.	17	Андроника	30	Феликса	3 24	7 17	
С.	18	Θеодота	31	Петронели	3 23	7 18	
В.	19	6 Нед. о Слѣп. Патр.	1	Іюнь. Граціана	3 22	7 20	
П.	20	Θалалея	2	Ерасма	3 22	7 21	2 ч. 38 м. н.
В.	21	† равн. Конст. и Елен.	3	Клотильды	3 21	7 21	
С.	22	Василиска	4	Квирина	3 21	7 22	
Ч.	23	⊕ Вознес. Господ.	5	Бонифатія	3 20	7 23	
П.	24	Симеона Столпника	6	Норберта	3 20	7 24	
С.	25	† Обр. главъ Іоан. Кр.	7	Роберта	3 19	7 25	
В.	26	7 Нед. св. Отец., Кар.	8	⊕ Сошес. св. Духа	3 19	7 26	
П.	27	Θерапонта	9	⊕ Пон. Сош. св. Духа	3 19	7 27	
В.	28	Никиты, Игнатія	10	Маргариты	3 18	7 27	
С.	29	Θеодосіи	11	Варнавы	3 18	7 28	
Ч.	30	Исаакія	12	Онуфрія	3 18	7 28	
П.	31	Ермія	13	Антонія Пад.	3 18	7 29	

Еврейскій календарь :

9 (22) мая = 18 Іаръ.

21 мая (3 іюня) = 1 Сиванъ.

26 мая (8 іюня) = 6 Сиванъ (Зел. святки).

27 мая (9 іюня) = 7 Сиванъ (2 день Зел. святокъ).

Восходъ и закатъ солнца по средне-европейскому времени.

№ п/п	№ п/п	Российскія центры	Латвійскіе центры	№ п/п	№ п/п
1	1	Рижскій ун-верситетъ	Рижскій ун-верситетъ	1	1
2	2	Рижскій политехн. ин-тъ	Рижскій политехн. ин-тъ	2	2
3	3	Рижскій ин-тъ инжен. наукъ	Рижскій ин-тъ инжен. наукъ	3	3
4	4	Рижскій ин-тъ наукъ	Рижскій ин-тъ наукъ	4	4
5	5	Рижскій ин-тъ искусствъ	Рижскій ин-тъ искусствъ	5	5
6	6	Рижскій ин-тъ физико-математ. наукъ	Рижскій ин-тъ физико-математ. наукъ	6	6
7	7	Рижскій ин-тъ юрид. наукъ	Рижскій ин-тъ юрид. наукъ	7	7
8	8	Рижскій ин-тъ мед. наукъ	Рижскій ин-тъ мед. наукъ	8	8
9	9	Рижскій ин-тъ ветеринар. наукъ	Рижскій ин-тъ ветеринар. наукъ	9	9
10	10	Рижскій ин-тъ лесн. наукъ	Рижскій ин-тъ лесн. наукъ	10	10
11	11	Рижскій ин-тъ с.-х. наукъ	Рижскій ин-тъ с.-х. наукъ	11	11
12	12	Рижскій ин-тъ фармацевт. наукъ	Рижскій ин-тъ фармацевт. наукъ	12	12
13	13	Рижскій ин-тъ зоол. наукъ	Рижскій ин-тъ зоол. наукъ	13	13
14	14	Рижскій ин-тъ ботан. наукъ	Рижскій ин-тъ ботан. наукъ	14	14
15	15	Рижскій ин-тъ анатом. наукъ	Рижскій ин-тъ анатом. наукъ	15	15
16	16	Рижскій ин-тъ физиол. наукъ	Рижскій ин-тъ физиол. наукъ	16	16
17	17	Рижскій ин-тъ психол. наукъ	Рижскій ин-тъ психол. наукъ	17	17
18	18	Рижскій ин-тъ лингв. наукъ	Рижскій ин-тъ лингв. наукъ	18	18
19	19	Рижскій ин-тъ ист. наукъ	Рижскій ин-тъ ист. наукъ	19	19
20	20	Рижскій ин-тъ археол. наукъ	Рижскій ин-тъ археол. наукъ	20	20
21	21	Рижскій ин-тъ этнограф. наукъ	Рижскій ин-тъ этнограф. наукъ	21	21
22	22	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	22	22
23	23	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	23	23
24	24	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	24	24
25	25	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	25	25
26	26	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	26	26
27	27	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	27	27
28	28	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	28	28
29	29	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	29	29
30	30	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	30	30
31	31	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	31	31
32	32	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	32	32
33	33	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	33	33
34	34	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	34	34
35	35	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	35	35
36	36	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	36	36
37	37	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	37	37
38	38	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	38	38
39	39	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	39	39
40	40	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	40	40
41	41	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	41	41
42	42	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	42	42
43	43	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	43	43
44	44	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	44	44
45	45	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	45	45
46	46	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	46	46
47	47	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	47	47
48	48	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	48	48
49	49	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	49	49
50	50	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	Рижскій ин-тъ филол. наукъ	50	50

1924

ІЮНЬ 30 дней)

1924

Дн. нед.	Ст. ст.	Русскіе святцы	Нов. ст.	Латинскіе святцы	Восх. солнца	Закатъ солнца	Лунн. мѣсяцъ
С.	1	Юстина фил. (усопшихъ)	14	Василія	3 18	7 30	
В.	2	⊕ Сом. Св. Духа Ник.	15	1 по Сом. Вита	3 18	7 30	
П.	3	⊕ Пон. св. Д. (Н. Тр.)	16	Франца, Бенона	3 17	7 31	7 ч. 38 м. утра.
В.	4	Митрофана	17	Адольфа	3 17	7 31	
С.	5	Дорофея, Маркіана	18	Марка	3 17	7 32	
Ч.	6	Виссаріона, Иларіона	19	⊕ Боже Тѣло	3 17	7 32	
П.	7	Ѳеодота, Кириакіи	20	Сильверія	3 17	7 33	
С.	8	Ѳеодора Страт.	21	Алойсія	3 18	7 33	
В.	9	1 Н. Ве Св. Кир., Ѳек.	22	2 по Сом. Павлина	3 18	7 33	
П.	10	Тимофея	23	Зенона, Агрип.	3 18	7 33	9 ч. 19 м. веч.
В.	11	Варооломея и Варнав.	24	Рожд. св. Іоан. Крест.	3 19	7 33	
С.	12	Пр. Онуфрія	25	Проспера	3 19	7 33	
Ч.	13	⊕ Св. Евхарист., Ант.	26	Іоанна и Павла	3 19	7 33	
П.	14	Елисея Меодія	27	Владислава	3 20	7 33	
С.	15	Аммоса	28	† Льва папы Р.	3 20	7 33	
В.	16	2 Н. ⊕ Прс. Евх., Тих.	29	3 н. Сом. Пет. и Пав.	3 21	7 33	
П.	17	Мануила, Исм. Сав.	30	Емилиі, Лукіи	3 21	7 33	7 ч. 23 м. веч.
В.	18	Леснтія, Ипатія	1	Иоль. Теобальда	3 22	7 33	
С.	19	† Іуды брата Господ.	2	Посѣщ. П. Д. М.	3 23	7 33	
Ч.	20	Меодія	3	Иліодора, Анаталія	3 24	7 33	
П.	21	Іуліана	4	Іосифа Кал.	3 24	7 32	
С.	22	Евсевія, Юліаніи	5	Филомены	3 25	7 31	
В.	23	3 Н. по С., Агрип.	6	4 по Сом. Исаіи	3 25	7 31	
П.	24	⊕ Рож. Іоан. Крест.	7	Пульхеріи	3 27	7 31	7 ч. 19 м. веч.
В.	25	Февроніи	8	Елисаветы	3 28	7 30	
С.	26	Давида	9	Кирилла	3 29	7 30	
Ч.	27	Сампсона	10	7 мучениковъ	3 29	7 29	
П.	28	Кира и Іоанна	11	Пелагіи, Яна Дукл.	3 30	7 29	
С.	29	⊕ Петра и Певла	12	Генриха	3 31	7 28	
В.	30	4 Н. и С. † Соб. 12 Ап	13	5 по Сом. Маргариты	3 32	7 28	

Еврейскій календарь:

20 юня (3 іюля) = 1 Тамузъ.

Восходъ и закатъ солнца по средне-европейскому времени.

1924

ИЮЛЬ (31 день)

1924

Дн. нед.	Ст. ст.	Русскіе святцы	Нов. ст.	Латинскіе святцы	Восх. солнца	Зак. солнца	Фазы луны
П.	1	Космы и Даміана	14	Бонавентуры	3 33	7 27	в 5 ч. 5 м. вѣч.
В.	2	† Пол. Р. Пр. Богор.	15	Разосланіе апостол.	3 34	7 26	
С.	3	Іакинѣа, Анатолія	16	Матери Б. Шкапл.	3 35	7 25	
Ч.	4	Андрея Крит. Марты	17	Алексѣя	3 36	7 24	
П.	5	† Кириллa и Меѳодія	18	Симеона	3 37	7 23	
С.	6	Аѳанасія Аѳон.	19	Викентія	3 38	7 22	
В.	7	5 Нед. по Сом. Ѳомы	20	6 по Сом. Касіана	3 39	7 22	
П.	8	Прокопія	21	Пракседы	3 41	7 20	в 2 ч. 42 м. нѣч.
В.	9	Панкратія	22	Маріи Магдаліны	3 42	7 19	
С.	10	† Антонія Печерск.	23	Аполінарія	3 43	7 18	
Ч.	11	† Ольги нар. Елены	24	Крестины	3 44	7 16	
П.	12	Прокла и Иларіона	25	Якова ап.	3 46	7 15	
С.	13	† Соб. Арх. Гавриіла	26	Анны мат. Богор.	3 47	7 14	
В.	14	6 Нед. по Сом. Кир.	27	7 по Сом. Наталіи	3 48	7 13	
П.	15	† Равноап. кн. Влад.	28	Инокентія	3 50	7 12	в 5 ч. 36 м. ут.
В.	16	Юлія, Аѳиногена	29	Марты	3 51	7 10	
С.	17	Марины	30	Абдона	3 53	7 09	
Ч.	18	Емилиана, Іакинѣа	31	Игнатія Лойолы	3 54	7 07	
П.	19	Макрины	1	Августъ. Петра	3 56	7 06	
С.	20	† Іліи прор.	2	Мат. Бож. Ангел.	3 57	7 04	
В.	21	7 Нед. по Сом. Сим.	3	8 по Сом. Св. Стефана	3 58	7 02	
П.	22	Маріи Магдаліны	4	Доминика	4 03	7 01	в 11 ч. 50 м. н.
В.	23	Трофима, Ѳеофіла	5	Мат. Бож. Снѣжн.	4 01	6 59	
С.	24	† Бориса и Глѣба	6	Преобр. Господне	4 02	6 57	
Ч.	25	† Усп. св. Анны	7	Касіана	4 03	6 55	
П.	26	Ермолая, Моисея	8	Кириака	4 04	6 54	
С.	27	† Пантелеймона	9	Романа	4 06	6 53	
В.	28	8 Нед. по Сом. Прох.	10	9 по Сом. Лаврентія	4 08	6 52	
П.	29	Калиника, Серафимы	11	Сузанны	4 10	6 50	
В.	30	Силы, Сплуана	12	Клары	4 11	6 48	
С.	31	Евдокима, Іулиты	13	Ипполита	4 12	6 46	

Еврейскій календарь:

6 (19) іюля = 17 Тамузъ (Разруш. Іерус. (Пост.).

19 іюля (1 августа) = Аб. Р. Ходъ.

27 іюля (9 авг.) = 9 Аб., Сожженіе свят. (Постъ).

Восходъ и закатъ солнца по средне-европейскому времени.

№ п/п	Русские центры	№ п/п	Азиатские центры	Рубль	Копейки	Сумма	Всего
1	Алтайский край	1	Алтайский край	1	10	10	10
2	Восточный Сибирь	2	Восточный Сибирь	2	20	20	30
3	Западный Сибирь	3	Западный Сибирь	3	30	30	60
4	Средний Сибирь	4	Средний Сибирь	4	40	40	100
5	Южный Сибирь	5	Южный Сибирь	5	50	50	150
6	Северный Сибирь	6	Северный Сибирь	6	60	60	210
7	Дальний Сибирь	7	Дальний Сибирь	7	70	70	280
8	Камчатка	8	Камчатка	8	80	80	360
9	Курильские острова	9	Курильские острова	9	90	90	450
10	Сахалин	10	Сахалин	10	100	100	550
11	Чукотка	11	Чукотка	11	110	110	660
12	Якутия	12	Якутия	12	120	120	780
13	Чувашия	13	Чувашия	13	130	130	910
14	Марийская	14	Марийская	14	140	140	1050
15	Татарская	15	Татарская	15	150	150	1200
16	Удмуртская	16	Удмуртская	16	160	160	1360
17	Башкирская	17	Башкирская	17	170	170	1530
18	Оренбургская	18	Оренбургская	18	180	180	1710
19	Самарская	19	Самарская	19	190	190	1900
20	Симбирская	20	Симбирская	20	200	200	2100
21	Вятская	21	Вятская	21	210	210	2310
22	Казанская	22	Казанская	22	220	220	2530
23	Нижегородская	23	Нижегородская	23	230	230	2760
24	Волгская	24	Волгская	24	240	240	3000
25	Тамбовская	25	Тамбовская	25	250	250	3250
26	Рязанская	26	Рязанская	26	260	260	3510
27	Муромская	27	Муромская	27	270	270	3780
28	Ярославская	28	Ярославская	28	280	280	4060
29	Ивановская	29	Ивановская	29	290	290	4350
30	Костромская	30	Костромская	30	300	300	4650
31	Владимирская	31	Владимирская	31	310	310	4960
32	Суздальская	32	Суздальская	32	320	320	5280
33	Переславская	33	Переславская	33	330	330	5610
34	Звенигородская	34	Звенигородская	34	340	340	5950
35	Сергиевская	35	Сергиевская	35	350	350	6300
36	Минская	36	Минская	36	360	360	6660
37	Новгородская	37	Новгородская	37	370	370	7030
38	Псковская	38	Псковская	38	380	380	7410
39	Великолуцкая	39	Великолуцкая	39	390	390	7800
40	Тверская	40	Тверская	40	400	400	8200
41	Ярославская	41	Ярославская	41	410	410	8610
42	Ивановская	42	Ивановская	42	420	420	9030
43	Костромская	43	Костромская	43	430	430	9460
44	Владимирская	44	Владимирская	44	440	440	9900
45	Суздальская	45	Суздальская	45	450	450	10350
46	Переславская	46	Переславская	46	460	460	10810
47	Звенигородская	47	Звенигородская	47	470	470	11280
48	Сергиевская	48	Сергиевская	48	480	480	11760
49	Минская	49	Минская	49	490	490	12250
50	Новгородская	50	Новгородская	50	500	500	12750
51	Псковская	51	Псковская	51	510	510	13260
52	Великолуцкая	52	Великолуцкая	52	520	520	13780
53	Тверская	53	Тверская	53	530	530	14310
54	Ярославская	54	Ярославская	54	540	540	14850
55	Ивановская	55	Ивановская	55	550	550	15400
56	Костромская	56	Костромская	56	560	560	15960
57	Владимирская	57	Владимирская	57	570	570	16530
58	Суздальская	58	Суздальская	58	580	580	17110
59	Переславская	59	Переславская	59	590	590	17700
60	Звенигородская	60	Звенигородская	60	600	600	18300
61	Сергиевская	61	Сергиевская	61	610	610	18910
62	Минская	62	Минская	62	620	620	19530
63	Новгородская	63	Новгородская	63	630	630	20160
64	Псковская	64	Псковская	64	640	640	20800
65	Великолуцкая	65	Великолуцкая	65	650	650	21450
66	Тверская	66	Тверская	66	660	660	22110
67	Ярославская	67	Ярославская	67	670	670	22780
68	Ивановская	68	Ивановская	68	680	680	23460
69	Костромская	69	Костромская	69	690	690	24150
70	Владимирская	70	Владимирская	70	700	700	24850
71	Суздальская	71	Суздальская	71	710	710	25560
72	Переславская	72	Переславская	72	720	720	26280
73	Звенигородская	73	Звенигородская	73	730	730	27010
74	Сергиевская	74	Сергиевская	74	740	740	27750
75	Минская	75	Минская	75	750	750	28500
76	Новгородская	76	Новгородская	76	760	760	29260
77	Псковская	77	Псковская	77	770	770	30030
78	Великолуцкая	78	Великолуцкая	78	780	780	30810
79	Тверская	79	Тверская	79	790	790	31600
80	Ярославская	80	Ярославская	80	800	800	32400
81	Ивановская	81	Ивановская	81	810	810	33210
82	Костромская	82	Костромская	82	820	820	34030
83	Владимирская	83	Владимирская	83	830	830	34860
84	Суздальская	84	Суздальская	84	840	840	35700
85	Переславская	85	Переславская	85	850	850	36550
86	Звенигородская	86	Звенигородская	86	860	860	37410
87	Сергиевская	87	Сергиевская	87	870	870	38280
88	Минская	88	Минская	88	880	880	39160
89	Новгородская	89	Новгородская	89	890	890	40050
90	Псковская	90	Псковская	90	900	900	40950
91	Великолуцкая	91	Великолуцкая	91	910	910	41860
92	Тверская	92	Тверская	92	920	920	42780
93	Ярославская	93	Ярославская	93	930	930	43710
94	Ивановская	94	Ивановская	94	940	940	44650
95	Костромская	95	Костромская	95	950	950	45600
96	Владимирская	96	Владимирская	96	960	960	46560
97	Суздальская	97	Суздальская	97	970	970	47530
98	Переславская	98	Переславская	98	980	980	48510
99	Звенигородская	99	Звенигородская	99	990	990	49500
100	Сергиевская	100	Сергиевская	100	1000	1000	50500

1924

АВГУСТЪ (31 день)

1924

Дн. нед.	Ст. ст.	Русскіе святцы	Нов. ст.	Латинскіе святцы	Восх. солнца	Зак. солнца	Фазы луны
Ч.	1	† Пр. Ч. Кр. Мч. Мак.	14	Евсевія	4 14	6 44	в 5 ч. 5 м. ут.
П.	2	Пер. мощ. Стеф. папы Р	15	⊕ Успение Пр. Д. М.	4 15	6 42	
С.	3	Исаакія, Далм., Космы	16	Реха	4 17	6 40	
В.	4	9 Н. по С. 7 отр. въ Еф.	17	10 Н. по С. Анастасіи	4 19	6 39	
П.	5	Евсигнія	18	Елены	4 20	6 37	в 7 ч. 43 м. ут.
В.	6	⊕ Преображ. Господ.	19	Людовика, Бенигны	4 22	6 35	
С.	7	Дометія, Нимена	20	Стефана	4 23	6 33	
Ч.	8	Емилиана, Леониды	21	Іоанны	4 24	6 31	
П.	9	† Матвія ап., Антонія	22	Тимотея	4 26	6 29	в 2 ч. 47 м. поч.
С.	10	Лаврентія	23	Филиппа	4 27	6 27	
В.	11	10 Н. по С. Теодора П.	24	11 Н. по С. Варсолом.	4 28	6 25	
П.	12	Фотія, Анникты	25	Людовика	4 30	6 23	
В.	13	Максима испов.	26	Зефиріна	4 32	6 21	в 5 ч. 42 м. ут.
С.	14	Прор. Михея	27	Прес. св. Креста	4 33	6 19	
Ч.	15	⊕ Успение Пр. Богор.	28	Августина	4 34	6 17	
П.	16	† Нерукотв. обр. Хр.	29	Усѣнов. гл. Іоан. Кр.	4 36	6 15	
С.	17	Мирона, Кипріана	30	Розы, Іоакима	4 37	6 13	в 7 ч. 43 м. в.
В.	18	11 Н. по С. Лавра	31	12 Н. по С. Раймунда	4 38	6 11	
П.	19	Андрея Страт., Тим.	1	Сентябрь. Игиды	4 40	6 09	
В.	20	Самуила, Севира	2	Стефана Юста	4 42	6 07	
С.	21	Фаддея, Васи	3	Брониславы	4 44	6 04	в 2 ч. 47 м. поч.
Ч.	22	Агафоника, Евлавія	4	Розаліи	4 46	6 02	
П.	23	Луша, Иринея	5	Лаврент., Викторія	4 47	6 00	
С.	24	Евтихія, Георгія	6	Захаріи	4 48	5 58	
В.	25	12 Н. по С. Тита	7	13 Н. по С. Регины	4 49	5 56	в 7 ч. 43 м. в.
П.	26	Адріана, Наталіи *	8	⊕ Рожд. Пр. Д. Маріи	4 51	5 54	
В.	27	Пимена, Анисы	9	Горгоны	4 52	5 52	
С.	28	Мойсея, Анны	10	Николая	4 54	5 50	
Ч.	29	† У. ел. I Кр. (Постъ)	11	Яцка, Протія	4 55	5 47	в 2 ч. 47 м. поч.
П.	30	Александра, Іоанна	12	Гвидона	4 56	5 45	
С.	31	Пол. пояса Пр. Богор.	13	Товіи	4 58	5 43	

Еврейскій календарь :

2 (15) авг. = 15 Аб., День радости.

18 (31) авг. = 1 Эуль.

Восходъ и закатъ солнца по средне-европейскому времени.

Кол. л.	Кол. д.	Русскіе святые	Латинскіе святые	Дни	Лет.	Мѣс.
4	1	14 Н. по С. Рожд. Х. К.	14 Н. по С. Рожд. Х. К.	5	00	5
В.	2	Мандиатъ, Теодотъ	Мандиатъ	5	01	5
В.	3	Анфимъ, Никодимъ	Анфимъ	5	02	5
С.	4	Василій, Никодимъ	Василій	5	03	5
Г.	5	Захарій, Евфимій	Захарій	5	04	5
В.	6	Иоаннъ, Евфимій	Иоаннъ	5	05	5
С.	7	Созвонъ, Евфимій	Созвонъ	5	06	5
В.	8	14 Н. по С. Рожд. Х. К.	14 Н. по С. Рожд. Х. К.	5	07	5
В.	9	Иоаннъ, Евфимій	Иоаннъ	5	08	5
В.	10	Мандиатъ	Мандиатъ	5	09	5
С.	11	Геодотъ	Геодотъ	5	10	5
Г.	12	Антонинъ	Антонинъ	5	11	5
В.	13	Корнелій	Корнелій	5	12	5
С.	14	Иоаннъ, Евфимій	Иоаннъ, Евфимій	5	13	5
В.	15	15 Н. по С. Рожд. Х. К.	15 Н. по С. Рожд. Х. К.	5	14	5
В.	16	Евфимій, Евфимій	Евфимій	5	15	5
В.	17	Иоаннъ, Евфимій	Иоаннъ	5	16	5
С.	18	Евфимій	Евфимій	5	17	5
Г.	19	Иоаннъ, Евфимій	Иоаннъ	5	18	5
В.	20	Евфимій, Евфимій	Евфимій	5	19	5
С.	21	Иоаннъ, Евфимій	Иоаннъ	5	20	5
В.	22	16 Н. по С. Рожд. Х. К.	16 Н. по С. Рожд. Х. К.	5	21	5
В.	23	Иоаннъ, Евфимій	Иоаннъ	5	22	5
В.	24	Евфимій, Евфимій	Евфимій	5	23	5
С.	25	Иоаннъ, Евфимій	Иоаннъ	5	24	5
Г.	26	Евфимій, Евфимій	Евфимій	5	25	5
В.	27	Иоаннъ, Евфимій	Иоаннъ	5	26	5
С.	28	Евфимій, Евфимій	Евфимій	5	27	5
В.	29	17 Н. по С. Рожд. Х. К.	17 Н. по С. Рожд. Х. К.	5	28	5
В.	30	18 Н. по С. Рожд. Х. К.	18 Н. по С. Рожд. Х. К.	5	29	5

Еврейскій календарь:

16 (20) сент. = 1 Тисри, 1682
 17 (30) сент. = 2 Тисри, 1682
 18 сент. (1 окт.) = 3 Тисри, 1682
 20 сент. (8 окт.) = 4 Тисри, 1682
 21 сент. (9 окт.) = 5 Тисри, 1682

Возходъ и закатъ солнца по старому еврейскому календарю

1924

СЕНТЯБРЬ (30 дней)

1924

Дн. нед. Ст. ст.	Русские святцы	Нов. ст.	Латинские святцы	Восх. солнца	Зак. солнца	Фазы луны
В. 1	13 Н. по С. Церк. Н. Г.	14	14 Н. по С. Воз. Ч. Кр.	5 00	5 41	
П. 2	Мааманта, Теодота	15	Никодима	5 01	5 38	въ 11 ч. 47 м. н. н.
В. 3	Анфила, Доротея	16	Людмилы	5 03	5 36	
С. 4	Вавилы, Мойсея	17	Ламберта	5 04	5 34	
Ч. 5	Захарии пр., Елисавет.	18	Өмьы	5 05	5 32	
П. 6	† Чуд. св. Михаила	19	Іануарія	5 07	5 30	
С. 7	Созонта, Евпсихія	20	Евстахія	5 09	5 28	
В. 8	14 Н. по С. Рожд. П. Б.	21	15 Н. по С. Матѳея	5 10	5 25	
П. 9	Іоакима и Анны	22	Маврикія	5 12	5 23	въ 11 ч. 53 м. н. н.
В. 10	Минодоры	23	Теклы	5 13	5 22	
С. 11	Өеодоры	24	Герарда	5 15	5 19	
Ч. 12	Автонома	25	Клеопы	5 16	5 16	
П. 13	Корникія	26	Кипріана	5 18	5 14	
С. 14	⊕ Возд. Ч. Кр. (Постъ)	27	Космы и Даміана	5 19	4 12	
В. 15	15 Н. по С. Никиты	28	16 Н. по С. Вячеслава	5 21	4 10	
П. 16	Евфиміи, Викторіи	29	⊕ Михаила Арх.	5 22	5 08	въ 2 ч. 27 м. пол.
В. 17	Соф., Вѣры, Над., Люб.	30	Іеронима	5 24	5 06	
С. 18	Евменія	1	Октябрь. Ремигія	5 25	5 04	
Ч. 19	Троф., Савват., Зос.	2	Оттона	5 26	5 02	
П. 20	Евстаѳія, Агапія	3	Кандида	5 28	5 00	
С. 21	Дмитр. Р., Кондратія	4	Франца еф.	5 29	4 57	
В. 22	16 Н. по С. Фоки, Іоны	5	17 Н. по С. Плакида	5 31	4 55	
П. 23	† Зач. Іоан. Крест.	6	Брунона	5 33	4 53	въ 12 ч. 27 м. пол.
В. 24	Первомучч. Теклы	7	Юстина	5 34	4 51	
С. 25	Евфросиніи	8	Бригиды	5 36	4 49	
Ч. 26	† Іоанна Богослова	9	Діонисія	5 37	4 47	
П. 27	Каллистрата, Ігнатія	10	Франца	5 39	4 45	
С. 28	† Харитона Исп.	11	Плакида	5 40	4 43	
В. 29	17 Н. по С. Киріака	12	18 Н. по С. Максимил.	5 41	4 41	
П. 30	Григорія Арм.	13	Эдуарда	5 43	4 38	

Еврейскій календарь :

16 (29) сент. = 1 Тишри, Новый Годъ 5685.
 17 (30) сент. = 2 Тишри, второй день 5685 года.
 18 сент. (1 окт.) = 3 Тишри, постъ Гедайли.
 25 сент. (8 окт.) = 10 Тишри, Судный День.
 30 сент. (13 окт.) = 14 Тишри, Перв. День Куций

Восходъ и закатъ солнца по средне-европейскому времени.

1601

1924

ОКТАБРЬ (31 день)

1924

Дн. нед.	Ст. ст.	Русскіе святцы	Нов. ст.	Латинскіе святцы	Восх. солнца	Зак. солнца	Фазы луны
В.	1	† Покр. Пр. Богород.	14	Каликста папы	5 45	4 36	
С.	2	Кипріяна, Юстины	15	Ядвиги, Тересы	5 47	4 34	
Ч.	3	Діонисія	16	Гавла, Людмилы	5 48	4 32	
П.	4	Геродея	17	Лукии	5 50	4 30	
С.	5	Харитины	18	Евангелиста Луки	5 51	4 28	
В.	6	18 Н. по С. † Фомы ап.	19	19 Н. по С. Петра	5 53	4 26	
П.	7	Сергія, Вакха, Іуліана	20	Фелиціана	5 55	4 24	въ 2 ч. 24 м. ноч.
В.	8	Пелагіи, Таисіи	21	Урсули	5 56	4 22	С
С.	9	† ап. Іакова Алфеева	22	Кордули	5 58	4 21	
Ч.	10	Евлампія, Евлампіи	23	Іоанна Капистр.	5 59	4 18	
П.	11	Филипа, Теофана	24	Рафаила	6 01	4 17	
С.	12	Прова, Тараха	25	Криспіана	6 03	4 15	
В.	13	19 Н. по С. Св. Отецъ	26	20 Н. по С. Эвариста	6 04	4 13	
П.	14	Параскевіи матери	27	Савины	6 06	4 12	въ 3 ч. 31 м. ут.
В.	15	Евтимія, Лукіана	28	Симеона, Іуды	6 08	4 10	☉
С.	16	Лонгина сотника	29	Наркиса	6 09	4 08	
Ч.	17	Осип, Андрея Кр.	30	Клавдія	6 11	4 06	
П.	18	† ап. еванг. Луки	31	† Вольфганга	6 13	4 04	
С.	19	Іоила, Уара	1	Ноябрь. Вс. Свят.	6 15	4 03	
В.	20	20 Н. по С. Артемія	2	21 Н. по С. День Зад.	6 16	4 01	
П.	21	Иларіона Вел.	3	Губерта	6 18	3 59	въ 3 ч. 12 м. ноч.
В.	22	Аверкія	4	Карла Бор.	6 20	3 58	☾
С.	23	Іакова брата Госп.	5	Елисаветы	6 21	3 56	
Ч.	24	Ареты, Аванасія	6	Леонарда	6 23	3 54	
П.	25	Маркіана, Мартирія	7	Геркулана	6 24	3 52	
С.	26	⊕ Димитрія	8	4 Коронатовъ	6 26	3 51	
В.	27	21 Н. по С. Нестора	9	22 Н. по С. Θεодора	6 27	3 49	
П.	28	е Муч. Параск.-Пятн.	10	Андрея	6 29	3 48	утр. ☽
В.	29	Анастасіи, Аврамія	11	Мартина	6 31	3 47	
С.	30	Зиновія, Зиновіи	12	Станислава К.	6 32	3 45	
Ч.	31	Стахія, Спиридона	13	Евгенія	6 34	3 44	

Еврейскій календарь :

- 1 (14) окт. = 15 Тишри, Втор. День Куций.
 6 (19) окт. = 21 Тишри, Пальмовый День.
 7 (20) окт. = 22 Тишри, Конецъ Куций.
 8 (21) окт. = 23 Тишри, Радость о законѣ.
 14 (27) окт. = 1 Мархесванъ.

Восходъ и закатъ солнца по средне-европейскому времени.

[illegible]

13632

1924

НОЯБРЬ (30 дней)

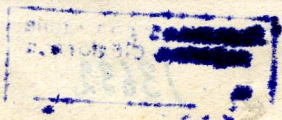
1924

Дн. нед.	Ст. ст.	Русскіе святцы	Нов. ст.	Латинскіе святцы	Восх. солнца	Зак. солнца	Фазы луны
П.	1	<i>† Космы и Даміана</i>	14	Иосафата, Серафины	6 36	3 42	
С.	2	Акипидина, Пиласія	15	Леопольда	6 38	3 41	
В.	3	22 Н. по С. Иосифа	16	23 Н. по С. Отмара	6 39	3 39	
П.	4	Иоанникія, Никандра	17	Саломіи	6 41	3 38	в 3 ч. 7 м. пол. C
В.	5	Галактіонна, Григорія	18	Оттона	6 42	3 37	
С.	6	Павла Исп., Луки	19	Елисаветы, Ирины	6 44	3 36	
Ч.	7	Герона, Лазаря	20	Феликса	6 46	3 35	
П.	8	⊕ Соб. Арх. Мих	21	Введ. Пр. Богород.	6 47	3 34	
С.	9	Онисифора, Порфирія	22	Цецилии	6 49	3 33	
В.	10	23 Н. по С. Олимпа	23	24 Н. по С. Климент.	6 50	3 32	
П.	11	Мины, Виктора	24	Иоанна отъ Креста	6 51	3 31	в 6 ч. 20 м. вец. C
В.	12	Иосафата	25	Катерины	6 53	3 31	
С.	13	<i>† Иоанна Златоуста</i>	26	Конрада	6 54	3 30	
Ч.	14	<i>† Фил. ап.</i> (Нач. поста)	27	Валеріяна	6 56	3 29	
П.	15	Гурія, Самона	28	Кресцентія	6 57	3 28	
С.	16	<i>† Матей Еван.</i>	29	Сатурнина	6 58	3 27	
В.	17	24 Н. по С. Григорія	30	1 Н. адв. Андрея	7 00	3 26	
П.	18	Платона, Романа	1	Декабрь Елигії	7 01	3 25	в 8 ч. 59 м. вец. C
В.	19	Авдія, Варлаама	2	Бабіоны	7 03	3 25	
С.	20	Григорія Прокла	3	Франца, Ксаверія	7 04	3 25	
Ч.	21	⊕ Введ. во хр. Пр. Б.	4	Варвары	7 06	3 24	
П.	22	Филимона, Архиппа	5	Саввы	7 07	3 24	
С.	23	Амфилохія, Григорія	6	<i>† Николая</i>	7 08	3 23	
В.	24	25 Н. по С. Екатерины	7	2 Н. адв. Амвросія	7 09	3 23	
П.	25	Климента, Петра	8	⊕ Неп. Зач. Пр. Д. М.	7 10	3 23	ночь в 12 ч. 59 м. C
В.	26	Алипія Столпн.	9	Леокадія	7 11	3 23	
С.	27	Якова Персіанія	10	Мат. Бож. Лорет.	7 12	3 23	
Ч.	28	Стефана Иринарха	11	Дамазія	7 13	3 23	
П.	29	Парамона	12	Александра	7 14	3 23	
С.	30	<i>† Андрея Первозв.</i>	13	Лукии	7 15	3 23	

Еврейскій календарь:

15 (28) ноября = 1 Кислейфъ.

Восходъ и закатъ солнца по средне-европейскому времени.

Для замѣтокъ:

№	Россійскіе святцы	Латинскіе святцы	Хронологическіе замѣтки	Дополнительныя замѣтки
1	1 20 1 по 1 Января	11 3 Н. вѣд. Января	1 18 3 23	
2	2 Января, Агнуса	15 Февраль	2 18 3 23	
3	3 Января, Святый	16 1 Января	3 18 3 23	
4	4 Января, Святый	17 1 Января	4 18 3 23	
5	5 Января, Святый	18 1 Января	5 18 3 23	
6	6 Января, Святый	19 1 Января	6 18 3 23	
7	7 Января, Святый	20 1 Января	7 18 3 23	
8	8 10 по 1 Января	21 1 Января	8 18 3 23	
9	9 Января, Святый	22 1 Января	9 18 3 23	
10	10 Января, Святый	23 1 Января	10 18 3 23	
11	11 Января, Святый	24 1 Января	11 18 3 23	
12	12 Января, Святый	25 1 Января	12 18 3 23	
13	13 Января, Святый	26 1 Января	13 18 3 23	
14	14 Января, Святый	27 1 Января	14 18 3 23	
15	15 Января, Святый	28 1 Января	15 18 3 23	
16	16 Января, Святый	29 1 Января	16 18 3 23	
17	17 Января, Святый	30 1 Января	17 18 3 23	
18	18 Января, Святый	31 1 Января	18 18 3 23	
19	19 Января, Святый	1 2 Января	19 18 3 23	
20	20 Января, Святый	2 2 Января	20 18 3 23	
21	21 Января, Святый	3 2 Января	21 18 3 23	
22	22 Января, Святый	4 2 Января	22 18 3 23	
23	23 Января, Святый	5 2 Января	23 18 3 23	
24	24 Января, Святый	6 2 Января	24 18 3 23	
25	25 Января, Святый	7 2 Января	25 18 3 23	
26	26 Января, Святый	8 2 Января	26 18 3 23	
27	27 Января, Святый	9 2 Января	27 18 3 23	
28	28 Января, Святый	10 2 Января	28 18 3 23	
29	29 Января, Святый	11 2 Января	29 18 3 23	
30	30 Января, Святый	12 2 Января	30 18 3 23	
31	31 Января, Святый	13 2 Января	31 18 3 23	

Всѣхъ святыхъ 365 дней = 365 дней, 6 часовъ, 9 минутъ, 6 секундъ.
 12 (24) дней = 12 (24) дней, 6 часовъ, 9 минутъ, 6 секундъ.
 24 (48) дней = 24 (48) дней, 6 часовъ, 9 минутъ, 6 секундъ.

Всѣхъ святыхъ 365 дней = 365 дней, 6 часовъ, 9 минутъ, 6 секундъ.

1924

ДЕКАБРЬ (31 день)

1924

Дн. нед.	Ст. ст.	Русскіе святцы	Нов. ст.	Латинскіе святцы	Восх. солнца	Зак. солнца	Фазы луны
В.	1	26 Н по С. Наума	14	3 Н. адв. Никифора	7 16	3 22	
П.	2	Аввакума, Атанасія	15	Фортуната	7 16	3 22	в. 1 ч. 42 м. полн.
В.	3	Софонія, Саввы	16	Адеяиды	7 17	3 22	
С.	4	† Влч. Варв., Іуліан.	17	Лазаря	7 18	3 23	
Ч.	5	† Саввы Осв.	18	Граціана	7 18	3 23	
П.	6	⊕ Николая Чуд.	19	Немезія	7 19	3 23	
С.	7	Амвросія, Нила	20	Теофила	7 20	3 24	
В.	8	27 Н. по С. Патапія	21	4 Нед. адв. Ѳомы	7 20	3 24	
П.	9	⊕ Непор. Зач. Пр. Б.	22	Зенона	7 21	3 24	в. 5 ч. 37 м. ул.
В.	10	Миши, Ермогена	23	Викторія	7 21	3 25	
С.	11	Даніила и Луки Стол.	24	† Адама и Евы	7 22	3 25	
Ч.	12	Спиридіона	25	⊕ Рожд. Христова	7 22	3 26	
П.	13	† Евстратія, Евгенія	26	⊕ Стефана Первом.	7 22	3 27	
С.	14	Ѳирса, Левкія	27	Іоанна Еванг.	7 22	3 28	
В.	15	Нед. св. Праот. Павла	28	Нед. по Рожд. Млѣд.	7 23	3 28	
П.	16	Аггея, Марина	29	Ѳомы	7 23	3 29	
В.	17	Даніила и 3 отрок.	30	Давида	7 23	3 30	
С.	18	Севастіяна	31	Сильвестра	7 23	3 31	
Ч.	19	Бонифатія	1	Январь. 1925 Н. Г.	7 23	3 32	
П.	20	Игнатія Богоносца	2	Макарія	7 23	3 33	
С.	21	Юліянины	3	Геновефы	7 23	3 34	
В.	22	Нед. св. От. Анастасія	4	Нед. по Обр. Тита	7 22	3 35	
П.	23	10 мучен. Критск.	5	Телесфора	7 21	3 36	
В.	24	† Навеч. Рожд. Христ.	6	⊕ Трехъ царей	7 21	3 38	
С.	25	⊕ Рождество Христ.	7	Валентія	7 20	3 39	
Ч.	26	⊕ Соб. Пр. Бегород.	8	Северина	7 19	3 40	
П.	27	⊕ Стефана Первом.	9	Мартіяны	7 19	3 41	
С.	28	Домны, Никанора	10	Агатона, Павла	7 18	3 42	
В.	29	Н. по Рожд. 14000 Мл.	11	1 Н. по Епиф. Гонор.	7 18	3 43	
П.	30	Ависіи, Теодоры	12	Аркадія	7 17	3 44	
В.	31	Мелавіи	13	Иларія, Верон.	7 16	3 45	

Еврейскій календарь:

9 (22) дек. = 25 Кислейфъ, Освященіе святыни

15 (28) дек. = 1 Тебетъ.

24 дек. (6 янв.) = 10 Тебетъ, Осада Іерусалима (постъ).

Восходъ и закатъ солнца по средне-европейскому времени.

СТУПЕНІ ІІІ

Ставропигійскій Институтъ

во Львовѣ.

Старѣйшины Ставропигійскаго Института съ 1773 по 1915 гг.

Въ 1773—1780 гг. старѣйшиною былъ Дзиковскій. По его смерти въ 1780 г. были избраны старѣйшинами Михаилъ Слонскій и Григорій Урановичъ.

Въ 1785 г. Антоній Чапье на Погорцахъ Погорецкій и Яковъ Березницкій.

По утвержденіи братства императоромъ Іосифомъ II въ 1788 г. подъ названіемъ „Ставропигійскій Институтъ“, начинаются ежегодно правильные выборы старѣйшинъ, т. е. сеніора, его товарища и другихъ членовъ правленія. И такъ:

Въ 1789 г. были избраны старѣйшинами Яковъ Березницкій и Іоаннъ Бачинскій, совѣтникъ львовскаго магистрата.

Въ 1790 г. Іоаннъ Бачинскій и Іоаннъ Мановарда.

Въ 1891 г. Іоаннъ Мановарда и Павелъ Урмовскій.

Въ 1792 г. Павелъ Урмовскій и Степанъ Завалкевичъ.

Въ 1793 г. Степанъ Завалкевичъ и Николай Литвиновичъ.

Въ 1794 г. Константинъ Погорецкій и Іоаннъ Зарицкій.

Въ 1795 г. Тѣ-же

Въ 1796 г. Павелъ Урмовскій и Іоаннъ Зарицкій.

Въ 1797 г. Тѣ-же.

Въ 1798 г. Іоаннъ Зарицкій и Іоаннъ Бачинскій.

Въ 1799 г. Тѣ-же.

Въ 1800 г. Николай Литвиновичъ и Михаилъ Онышкевичъ.

- Въ 1801 г. Іоаннъ Бачинскій и Іоаннъ Зарицкій.
Въ 1802—1806 гг. Тѣ-же.
Въ 1807—1808 гг. Іоаннъ Бачинскій и Іоаннъ Бѣлорусскій.
Въ 1809—1810 гг. Іоаннъ Бачинскій и Іоаннъ Зарицкій.
Въ 1811—1813 гг. Іоаннъ Бачинскій и Александръ Ильяшевичъ, совѣтникъ львовскаго магистрата.
Въ 1814—1815 гг. Іоаннъ Бачинскій и Іоаннъ Зарицкій.
Въ 1816 г. Іоаннъ Бачинскій и Александръ Ильяшевичъ, а по смерти Бачинскаго — Александръ Ильяшевичъ и Іоаннъ Зарицкій.
Въ 1817 г. Александръ Ильяшевичъ и Іоаннъ Зарицкій.
Въ 1818 г. Степанъ Кульчицкій, совѣтникъ апеляціоннаго суда, и Александръ Ильяшевичъ.
Въ 1819 г. Степанъ Кульчицкій и Іоаннъ Сѣтницкій.
Въ 1820 г. Степанъ Кульчицкій и Александръ Ильяшевичъ.
Въ 1821 г. Тѣ-же.
Въ 1822—1824 гг. Іоаннъ Зарицкій и Александръ Ильяшевичъ.
Въ 1825 г. Александръ Ильяшевичъ и Іоаннъ Зарицкій, по смерти же Ильяшевича — Іоаннъ Зарицкій и Степанъ Роголя-Левицкій.
Въ 1826 г. Іоаннъ Сѣтницкій и Іоаннъ Зарицкій.
Въ 1827—1832 гг. Степанъ Левицкій и Іоаннъ Сѣтницкій.
Въ 1833 г. Степанъ Левицкій и Степанъ Киричинскій, совѣтникъ львовскаго магистрата.
Въ 1834 г. Степанъ Левицкій и гр. Владиславъ Ельскій помѣщикъ.
Въ 1835 г. Степанъ Левицкій и Денисъ Зубрицкій.
Въ 1836—1845 гг. Степанъ Левицкій и Іоаннъ Сѣтницкій.
Въ 1846—1849 гг. Степанъ Киричинскій и Іоаннъ Сасъ-Товарницкій.
Въ 1850 г. Степанъ Киричинскій, Іоаннъ Товарницкій и Левъ Сосновскій.
Въ 1851 г. Левъ Сосновскій, Климентій Рачинскій, адвокатъ и помѣщикъ, и Іоаннъ Товарницкій.
Въ 1852—1854 гг. Іоаннъ Товарницкій, Климентій Рачинскій и Кириллъ Вѣнковскій.
Въ 1855—1859 г. Іоаннъ Товарницкій, Климентій Рачинскій и Валерій Хоминскій.
Въ 1860 г. Іоаннъ Товарницкій и Михаилъ Лешковичъ-Бачинскій, адвокатъ.
Въ 1861 г. Іоакимъ Хоминскій, Іоаннъ Товарницкій и Михаилъ Бачинскій.
Въ 1862—1863 гг. Іоакимъ Хоминскій, Юліанъ Лавровскій, Іоаннъ Товарницкій и Михаилъ Бачинскій.
Въ 1864—1866 гг. Іоакимъ Хоминскій и д-ръ Емиліанъ Лопушанскій.

Въ 1867 г. Константинъ Кмицикевичъ, Климентій Меруновичъ и Василиї Ковальскій.

Въ 1868 г. Константинъ Кмицикевичъ, Андрей Шушкевичъ и Василиї Ковальскій.

Въ 1869—1870 гг. Константинъ Кмицикевичъ и Василиї Ковальскій.

Въ 1871—1873 гг. Василиї Ковальскій, Іоаннъ Литыньскій и д-ръ Амвросій Яновскій.

Въ 1874—1875 гг. Василиї Ковальскій, Сильвестръ Гавришкевичъ и Яковъ Савчинскій.

Въ 1876—1882 гг. Василиї Ковальскій, Романъ Децыкевичъ и Сильвестръ Гавришкевичъ.

Въ 1883—1884 гг. Василиї Ковальскій, д-ръ Исидоръ Шараневичъ и д-ръ Емиліанъ Лопушанскій.

Въ 1885—1886 гг. Д-ръ Исидоръ Шараневичъ, Михаилъ Полянскій и д-ръ Иванъ Добрянскій.

Въ 1887—1888 гг. Д-ръ Исидоръ Шараневичъ, Михаилъ Полянскій и Теофилъ Бережницкій.

Въ 1889—1892 гг. Д-ръ Исидоръ Шараневичъ, Михаилъ Полянскій и Теофилъ Савчинскій.

Въ 1893 г. Д-ръ Исидоръ Шараневичъ, Михаилъ Полянскій и Теофилъ Бережницкій.

Въ 1894—1897 гг. Д-ръ Исидоръ Шараневичъ, Михаилъ Полянскій и Леонтинъ Голыньскій.

Въ 1898—1899 гг. Д-ръ Исидоръ Шараневичъ, Михаилъ Полянскій и Николай Герасимовичъ.

Въ 1900—1901 гг. Д-ръ Исидоръ Шараневичъ, Николай Герасимовичъ и Романъ Яминскій.

Въ 1902—1906 гг. Николай Герасимовичъ, Романъ Яминскій и Николай Сивулякъ.

Въ 1907—1908 гг. Романъ Яминскій, Николай Сивулякъ и Венедиктъ Мѣйскій.

Въ 1909 г. Романъ Яминскій, Николай Сивулякъ и д-ръ Владиміръ Ивасечко.

Въ 1910—1914 г. Д-ръ Владиміръ Ивасечко, Николай Сивулякъ и д-ръ Θεодосій Заяць

Въ 1914—1915 г. И. О. Цыбикъ, Н. Н. Сивулякъ и Н. Г. Третьякъ.

Списокъ членовъ Ставропoлiйскаго Института.

(Согласно времени ихъ поступленiя).

1. Романчукъ Юліанъ, отст. преподаватель гимназіи.
2. Сивулякъ Николай, отст. преподаватель гимназіи.
3. Дръ Литыньскій Иванъ, адвокатъ.
4. Дръ Король Михаилъ, адвокатъ.
5. Чабанъ Андрей, отст. совѣтникъ финансовой дирекціи.
6. Джульинскій Теофилъ, инженеръ.
7. Дръ Стебельскій Петръ, профессоръ Львовскаго университета.
8. Дръ Шараневичъ Владиміръ, адвокатъ.
9. Дръ Лагола Василій, директоръ канцеляріи „Народнаго Дома“.
10. Дръ Ясеницкій Владиміръ, адвокатъ.
11. Дръ Заяць Теофанъ, адвокатъ.
12. Дуткевичъ Иванъ, промышленникъ.
13. Головацкій Василій, отст. совѣтникъ суда.
14. Лѣсковацкій Иванъ, ст. совѣтникъ фин. дирекціи.
15. Томасевичъ Степанъ, художникъ.
16. Ясеницкій Айвалъ, отст. судья.
17. Гудзь Онуфрій, почтово-телеграфный инженеръ.
18. Павликовъ Константинъ, совѣтникъ суда.
19. Тыховскій Казиміръ, совѣтникъ управленія лѣсовъ и госуд. имуществъ.
20. Головацкій Владиміръ, почтово-телегр. комиссаръ.
21. Менцинскій Афанасій, податной директоръ.
22. Лепкій Ярославъ, отст. совѣтникъ суда и директоръ „Защиты Земли“.
23. Куровецкій Северинъ, отст. почтово-телеграфный контролеръ.
24. Луцыкъ Юліанъ, совѣтникъ финансовой дирекціи.
25. Дръ Заяць Юліанъ, комиссаръ финансовой прокураторіи.
26. Кіакъ Андрей, бухгалтеръ „Днѣстра“.
27. Сивулякъ Алексѣй, прокуроръ судебной палаты.
28. Третьякъ Николай, совѣтникъ окружнаго суда.
29. Дръ Лысякъ Александръ, адвокатъ во Львовѣ.
30. Дръ Глушкевичъ Марьянъ, адвокатъ во Львовѣ.
31. Дръ Глушкевичъ Богданъ, преподаватель гимназіи.
32. Цѣрохъ Илья, журналистъ.
33. Малець Григорій, директоръ канцеляріи „Общества им. М. Качковскаго“.
34. Дръ Яворскій Юліанъ, доцентъ Кіевскаго университета и директоръ бібліотеки „Народнаго Дома“.
35. Сохоцкій Михаилъ, адв. въ Турціи.
36. Липецкій Иларіонъ.

Русскія церкви во Львовѣ.

1) Церковь Успенія Пресв. Богородицы (Ставропигійскаго Института) по Русской ул. 3.

2) Церковь св. Георгія (св. Юра) на пл. св. Юра 5
Архикафедральный соборъ галицкихъ гр.-кат. митрополитовъ.

3) Церковь св. Георгія (православная) по Францисканской ул. 3

4) Церковь Преображенія Господня (Народнаго Дома) по Краковской ул. 19.

5) Церковь св. Петра и Павла по Лычаковской ул. 82.

6) Церковь Сошествія св. Духа (при Духовной Семинаріи по ул. Коперника 36

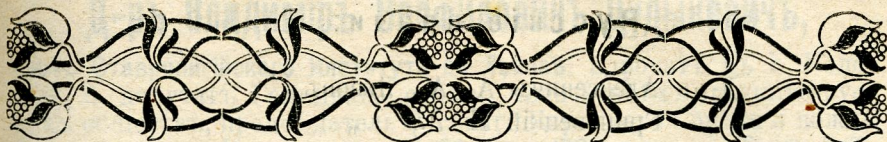
7) Церковь св. Параскевіи-Пятницы по Жолковской ул. 67.

8) Церковь св. Николая по Жолковской ул. 26.

9) Церковь св. Онуфрія (при монастырѣ Ч. св. Василия В.) по Жолковской ул. 36.

10) Церковь Непор. Зачатія Пресв. Богородицы (собств. Народнаго Дома) по ул. Зыбликевича 30.

Справочный отдѣлъ.

Русскіе адвокаты:

- Д-ръ Глушкевичъ М. О., Львовъ
" Давидякъ Е. В., "
" Заяцъ О. С., "
" Крыжановскій М. Р., "
" Лысякъ А. Л., "
" Ясеницкій В. П., "
" Ильницкій В., Дрогобычъ
" Драгомирецкій И., Золочевъ
" Король М., Жолква
" Лакуста М., Журавно
" Желеховскій Н., Калущъ
" Юрченко В., Коломыя
" Вознякъ С., Коросно
" Хилякъ О., Лиско
" Шараневичъ В., Лютовиска
" Качмарчикъ Я., Мушина
" Черлюнчакевичъ К., Перемышль
" Коломыець Я., Рус. Рава
" Гладкій С., Рогатинъ
" Кмицикевичъ, Самборъ
" Черлюнчакевичъ И., Скалатъ
" Савюкъ А., Сянокъ
" Сохоцкій М., Турка
" Сиротинскій К., Угновъ
" Выдракъ М., Чортковъ
" Сьокало Ю., Борыня,

Русскіе врачи:

Д-ръ Алексевичъ А. А., Львовъ
„ Гриневецкій И Л., „
„ Овчарскій Б И., „
„ Пелехъ А. Е., „
„ Целевичъ „
„ Ступницкій В., Каменка-Стр.
„ Яцевъ Я. „

Русск. нотаріусы:

Раставецкій И., Львовъ
Строцкій А., Оттынія
Кокуревичъ, Коссовъ
Д-ръ Лагодынскій Н., Новое Село.

Русск. инженеръ:

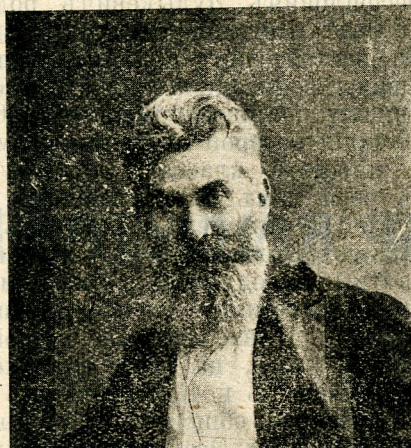
Рудницкій Я., Львовъ.

Русск. художникъ:

Томасевичъ С., Львовъ.

Д-ръ Владиміръ Теофиловичъ Дудыкевичъ,

членъ Ставропигійскаго Института во Львовѣ, адвокатъ въ г. Коломыѣ, б. депутатъ Галицкаго сейма, членъ всѣхъ галицко-русскихъ обществъ, предсѣдатель Русскаго Народнаго Совѣта и вождь Прикарпатской Руси, скончался 21 іюня 1922 г., въ г. Ташкентѣ, въ Россіи, отъ гангрены легкаго, нажитой въ Совѣтской тюрьмѣ, въ которую четыре раза былъ заключенъ большевиками по обвиненію въ контръ-революціонности, пока совершенно не потерялъ своего желѣзнаго здоровья. Изъ тюрьмы былъ освобожденъ только

тогда, когда стало очевиднымъ, что здоровье этого замѣчательнаго борца за права Карпаторусскаго народа сломано разъ навсегда. Послѣ четвертаго освобожденія изъ тюрьмы Владиміръ Теофиловичъ вскорѣ скончался въ домѣ своей старшей дочери въ Ташкентѣ, въ Русскомъ Туркестанѣ, вдали отъ горячо любимой нимъ родины, Галицкой Руси.

Д-ръ Дудыкевичъ! Кто его не знаетъ? Его имя гремѣло по всей Карпатской Руси въ продолженіи многихъ лѣтъ, вплоть до „Всемирной войны“, а раскаты этого грома доносились до столицъ державной Руси и заставляли дрожать враговъ русскаго народа, мощнымъ защитникомъ котораго былъ Владиміръ Теофиловичъ. Противъ этого галицко-русскаго богатыря ополчилась

вся австрійская, нѣмецко-польско-украинская злоба, бѣшено питаясь сорвать его съ того пьедестала, на который онъ съумѣлъ вознестись и прочно стануть благодаря исключительно собственнымъ силамъ. Даже свирѣпыя волны разбушевавшейся въ 1914 году германо-мадьярской военной стихіи не смогли, по счастливому случаю, захлестнуть и сокрушить галицкаго борца за Русь святую. И только зловѣщая лавина русскаго воинства, скатившаяся съ Карпатъ отъ огненнаго дыханія жерлъ германскаго чудовища, унесла съ собой Владиміра Теофиловича въ глубь Россіи, гдѣ онъ, какъ дубъ могучій, вырванный съ корнемъ изъ родной почвы и пересаженный на другую, существовалъ до тѣхъ поръ, пока вихрь русской революціи не сломалъ его, а „товарищи“ не замучили въ подвалахъ своей кошмарной „чрезвычайки“.

Владиміръ Теофиловичъ Дудыкевичъ родился 4 (16) января 1861 года, въ селѣ Подмонастирцахъ, Львовскаго уѣзда, гдѣ отецъ его былъ настоятелемъ прихода. Мать его, Теофила, рожденная Мокрицкая, происходила также изъ священнической семьи. Народную школу посѣщалъ Владиміръ Теофиловичъ во Львовѣ, послѣ окончанія которой поступилъ тамъ же въ нѣмецкую гимназію. Въ низшихъ классахъ потерялъ отца и тогда сталъ содержать себя самъ изъ даваемыхъ уроковъ. Былъ отличнымъ ученикомъ и съ отличіемъ выдержалъ выпускной экзаменъ (матуру). Затѣмъ уѣхалъ въ Вѣну гдѣ кончилъ юридическій факультетъ. Въ 1884 году женился на Романнѣ Ивановнѣ Якличъ, съ которой познакомился еще гимназистомъ. Проживалъ нѣкоторое время въ Вѣнѣ, гдѣ былъ душой среди славянской молодежи. Послѣ этого, на зовъ земляковъ, пореѣхалъ въ Галичину и поселился въ г. Коломыѣ, гдѣ былъ присяжнымъ повѣреннымъ. Прочее общеизвѣстно. Болѣе подробную и точную біографію Владиміра Теофиловича Дудыкевича представляемъ исторіографу Карпатской Руси. А мы пишемъ настоящія строки для почтенія памяти лучшаго сына Галицкой Руси, духу Котораго отдаемъ земной поклонъ! — *Ред.*

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЧАСТЬ.

Новогодній тостъ.

За новый годъ, за новую весну,
За новые цвѣты, что послѣ насъ родятся!
За жизни новыя, что міромъ наслаждаются,
Когда мы станемъ сномъ, уплывшимъ въ старину.
За новый строй сердець — безгнѣвно-непокорный,
За новый рай земной, не слышавшій угрозы.
За новую любовь, безъ ревности позорной,
За пѣсню новую безъ жалобъ и безъ слезъ!
За все, что спитъ еще въ преджизненномъ покоѣ,
И ждетъ грядущихъ зорь и чуждыхъ намъ чудесъ.
За все будущее, хорошее, святое.
За всѣхъ друзей и за Русь всю
Возносимъ словъ чашу сію!

Минскій.

Державинъ.

Богъ.

О Ты, пространствомъ безконечный.
Живый въ движеніи вещества,
Теченьемъ времени предвѣчный,
Безъ лицъ, въ трѣхъ лицахъ божества!
Духъ всюду сушій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не мѣгъ,
Кто всё собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ Богъ!
Измѣрить океанъ глубокій,
Сочестъ пески, тучи планетъ
Хотя и могъ бы умъ высокій,
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!

Не могутъ духи пресвѣщенны,
Отъ свѣта Твоего рождѣнны,
Изслѣдовать судебъ Твоихъ:
Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ,
Въ Твоёмъ величьи исчезаетъ
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ.
Хаоса бытность довременну,
Изъ безднъ Ты вѣчности воззвалъ,
А вѣчность, прежде вѣкъ рожденну,
Въ Себѣ Самомъ Ты основалъ:
Себя Собою составляя,
Собою изъ Себя сияя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ.
Создавый всё единымъ словомъ,
Въ твореньи простираясь новымъ,
Ты былъ, Ты еси, Ты будешь ввѣкъ!
Ты цѣль существъ въ Себѣ вмѣщаешь,
Её содержишь и живишь;
Конецъ съ началомъ сопрягаешь
И смертію животь даришь.
Какъ искры сыплются, стремятся,
Такъ солнцы отъ Тебя рождаются;
Какъ въ мразный, ясный день, зимой
Пылинки инея сверкають,
Вратятся, зыблются, сияють,
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой,
Свѣтилъ возженныхъ миліоны
Въ неизмѣримости текутъ:
Твои они творять законы,
Лучи животворящи льють.
Но огненны сіи лампы,
Иль рдяныхъ кристалей громады,
Иль волнъ златыхъ кипящій сонмъ,
Или горящіе ээиры,
Иль вкупѣ всѣ свѣтящи міры —
Передъ Тобой, какъ ночь предъ днёмъ,
Какъ капля въ море опущенна,
Вся твердь передъ Тобой сія.
Но что мной зрима вселенна?
И что передъ Тобою я?
Въ воздушномъ океанѣ ономъ,
Міры умножа миліономъ
Стократь, другихъ міровъ — и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною:
А я передъ Тобой — ничто.

Ничто!... Но Ты во мнѣ сіяешь
Величествомъ Твоихъ добротъ;
Во мнѣ Себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.
Ничто!... Но жизнь я ощущаю,
Несытымъ нѣкакимъ летаю
Всегда пареньемъ въ высоты;
Тебя душа моя быть чаеъ,
Вникаетъ, мыслить, разсуждаетъ:
Я есмь — конечно, есь и Ты!
Ты есь! Природы чинъ вѣщаетъ
Гласить моё мнѣ сердце то;
Меня мой разумъ увѣряетъ:
Ты есь! — И я ужъ не ничто.
Частица цѣлой я вселенной,
Поставленъ, мнѣтся мнѣ, въ почтенной
Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ
И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.
Я связь міровъ повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества,
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества.
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю;
Я царь — я рабъ; я червь — я богъ!
Но, будучи я столь чудесенъ,
Отколь произошёлъ? — безвѣстенъ
А самъ собой я быть не могъ.
Твоё созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источникъ жизни, благъ Податель!
Душа души моей и Царь!
Твоей то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну проходило,
Моё безсмертно бытіе,
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ! въ безсмертіе Твоё.
Неизъяснимый, Непостижимый!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей.
Но если славословить должно,

То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почитать,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться
И благодарны слѣзы лить.

Предлежащая ода „Богъ“ — пѣснь старая и вѣчно новая. Это настоящая пѣснь пѣсней не только въ русской, но и въ семіраой литературѣ. Воистину, едвали кто лучше, красивѣе, нагляднѣе изобразилъ это непостижимое Существо, „Кого мы называемъ Богъ“, чѣмъ пѣвецъ земли русской. Пусть безумцы, какъ ни хотятъ, утверждаютъ: „нѣтъ Бога“ — утвержденія ихъ, безъ доказательствъ, безсильны, безпомощны, жалки по отношенію съ поэмой Державина. „Я есмь. Отколь произошелъ?“ Вотъ вопросъ, терзающій всѣ мыслящія умы, вопросъ, на который мірская наука не даетъ удовлетворительнаго отвѣта. А русскій мыслитель отвѣчаетъ такъ просто, такъ убѣдительно: „Я есмь, конечно, есь и Ты, потому что самъ собой я быть не могъ. Природы чинъ вѣщаетъ, гласитъ мое мнѣ сердце то; меня мой разумъ увѣряетъ: Ты еси, Духъ всюду сушій, Кто все объемлетъ, зиждетъ“ и т. д. А кто я, т. е. человѣкъ? — „Я царь — я рабъ; я червь — я богъ!“ — отвѣчаетъ Державинъ. Изобразилъ ли кто изъ смертныхъ лучше человѣка въ такъ краткихъ словахъ, въ такъ яркихъ краскахъ, въ такъ выразительныхъ чертахъ? Я не стану отвѣчать на этотъ вопросъ и разбирать дальше это чудное стихотвореніе, ибо лучше его я не скажу. Я только хочу настоящимъ примѣчаніемъ обратить вниманіе читателей на то, чтобы они не скользили глазами по одѣ, какъ гусь по водѣ, а углубили мысль въ нее, такъ какъ только тогда можно увидѣть всю глубину, высоту, ширину и красоту душевнаго міра. Конечно, ода „Богъ“ многимъ извѣстна, потому что они ее когда-то читали. Но знаютъ ли они ее? Навѣрно только немногіе, ибо „мы всѣ учились понемногу чему нибудь и какъ нибудь“ (Пушкинъ). А потому не повредитъ, если еще разъ, другой ее прочтутъ бы. Было бы даже очень полезно, если бы юноши эту пѣсню закрѣпили толково въ памяти и желательно, чтобы воспитатели поощряли молодежь къ этому. Добавлю, что ода „Богъ“ переведена на 72 (если не больше) языка, а если не распространена среди широкихъ массъ, такъ только потому, что чересчуръ возвышенна и вслѣдствіе того мало доступна для неизменныхъ умовъ и чувствъ. Но благородныя сердца пусть это не безохочиваетъ помня, что хоть „я тѣломъ въ прахъ истлѣваю, умомъ громамъ повелѣваю“. — ДИК.

ДУМЫ.

Народъ можно только тогда побить, когда уже побиты его Боги, его нравственные идеалы, его лучшія стремленія.

(Талмудъ).

Величайшій ужасъ человѣческой души состоитъ въ томъ, что думая о Мадоннѣ она въ то-же время не перестаетъ думать о Содомѣ; и еще большій ужасъ, что и среди Содома она не забываетъ о Мадоннѣ, жаждетъ того и другого и понимаетъ ихъ, одновременно, безъ всякаго раздѣленія. *Ф. М. Достоевскій.*

А. Н. Куринъ.

Настоящая любовь, или сумашествіе?

(Отрывокъ изъ разсказа „Гранатовый браслетъ“).

Да нѣтъ... скажите (Яковъ Михайловичъ*)... неужели въ самомъ дѣлѣ вы никогда не любили настоящей любовью? Знаете, такой любовью, которая... ну, которая... словомъ... святой, чистой, вѣчной любовью... неземной... Неужели не любили?)

— Право, не сумѣю вамъ отвѣтить, — замылся старикъ, поднимаясь съ кресла. — Должно-быть, не любилъ. Сначала все было некогда: молодость, кутежи, карты, война... Казалось, конца не будетъ жизни, юности и здоровью. А потомъ оглянулся — и вижу, что я уже розвалина... Ну, а теперь, Вѣрочка, не держи меня больше. Я распрощаюсь... Гусаръ, — обратился онъ къ Бахтинскому²⁾: — ночь теплая, пойдемте-ка навстрѣчу нашему экипажу.

— И я пойду съ вами, дѣдушка, — сказала Вѣра.

— И я, — подхватила Анна³⁾.

Передъ тѣмъ какъ уходить, Вѣра подошла къ мужу и сказала ему тихо:

— Поди, посмотри... тамъ у меня въ столѣ, въ ящикѣ, лежитъ красный футляръ, а въ немъ письмо. Прочитай его.

Анна съ Бахтинскимъ шли въпереди, а сзади ихъ шаговъ на двадцать, генераль подѣ руку съ Вѣрой. Время отъ времени онъ ласкаво поглаживалъ своей большой холодной рукой руку Вѣры, легко лежавшую на сгибѣ его рукава.

— Смѣшная эта Людмила Львовна, — вдругъ заговорилъ генераль, точно продолжая вслухъ теченіе своихъ мыслей. — Сколько разъ я въ жизни наблюдалъ: какъ только стукнетъ дамѣ подѣ пятьдесятъ, а въ особенности если она вдова или старая дѣва, то такъ и тянетъ ее около чужой любви покру-

*) Под. ред. Яковъ Михайловичъ — генераль Аносовъ, гость кн. Василія Львовича Шеина и его жены Вѣры Николаевны. ¹⁾ Спрашивала Людмила Львовна, сестра князя Шеина. ²⁾ Тоже гость кн. Шеина. ³⁾ Сестра Вѣры.

Аносось довольно долго молчалъ. Потомъ протянулъ неохотно:

— Ну, хорошо... скажемъ — исключение... Но вотъ въ большинствѣ-то случаевъ почему люди женятся?... Возьмемъ женщину. Стыдно оставаться въ дѣвушкахъ, особенно когда подружки уже повыходили замужъ. Тяжело быть лишнимъ ртомъ въ семьѣ. Желаніе быть хозяйкой, главною въ домѣ, дамой, самостоятельной... Къ тому же потребность, прямо физическая потребность материнства, и чтобы начать вить свое гнѣздо. А у мужчинъ другіе мотивы. Во-первыхъ, усталость отъ холостой жизни, отъ безпорядка въ комнатахъ, отъ трактирныхъ обѣдовъ, отъ грязи, окурковъ, разорваннаго бѣлья, отъ долговъ, отъ безцеремонныхъ товарищей и прочее и прочее. Во вторыхъ, чувствуешь, что семьей жить выгоднѣе, здоровѣе и экономнѣе. Въ-третьихъ, думаешь: вотъ пойдутъ дѣтишки: я то умру, а часть меня все-таки останется на свѣтѣ... вѣчто въ родѣ иллюзіи безсмертія. Въ-четвертыхъ, соблазнъ невинности, какъ въ моемъ случаѣ. Кромѣ того бываютъ иногда и мысли о приданомъ. А гдѣ же любовь-то? Любовь безкорыстная, самоотверженная, не ждущая награды? Та, про которую сказано — „сильна, какъ смерть?“ Понимаешь, такая любовь, для которой совершить любой подвигъ, отдать жизнь, пойти на мученіе — вовсе не трудъ, а одна радость. Постой, постой, Вѣра, ты мнѣ сейчасъ опять хочешь про твоего Васю? Право же, я его люблю. Онъ хорошій парень. Почему знать, можетъ-быть, будущее и покажетъ его любовь въ свѣтѣ большой красоты. Но ты пойми, о какой любви я говорю. Любовь должна быть трагедіей. Величайшей тайной въ мірѣ! Никакія жизненные удобства, расчеты и компромиссы не должны ея касаться.

— Вы видѣли когда-нибудь такую любовь, дѣдушка? — тихо спросила Вѣра.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ старикъ рѣшительно. — Я, правда, знаю два случая похожихъ. Но одинъ былъ продиктованъ глупостью, а другой... такъ... какая-то кислота... одна жалость... Если хочешь, я расскажу. Это недолго.

— Прошу васъ, дѣдушка.

— Ну, вотъ. Въ одномъ полку нашей дивизіи (только не въ нашемъ) была жена полкового командира. Роза, я тебѣ скажу, Вѣрочка, преестественная. Костлявая, рыжая, длинная, худущая, ротастая.. Штукатурка съ нея такъ и сыпалась, какъ со старого московскаго дома. Но, понимаешь, этакая полковая Мессалина: темпераментъ, властность, презрѣніе къ людямъ, страсть къ разнообразію. Вдобавокъ — морфинистка.

„И вотъ однажды, осенью, присылаютъ къ нимъ въ полкъ новоиспеченнаго прапорщика, совсѣмъ желторотаго воробья, только-что изъ военнаго училища. Черезъ мѣсяцъ эта старая лошадь совсѣмъ овладѣла имъ. Онъ пажъ, онъ слуга, онъ

рабъ, онъ вѣчный кавалеръ ея въ танцахъ, носить ея вѣрть и платокъ, въ одномъ мундирчикѣ выскакиваетъ на морозъ звать ея лошадей. Ужасная это штука когда, свѣжій и чистый мальчишка положить свою первую любовь къ ногамъ старой опытной и властолюбивой развратницы. Если онъ сейчасъ выскочилъ невредимъ — все равно въ будущемъ считай его погибшимъ. Это — штампъ на всю жизнь.

„Къ Рождеству онъ ей уже надоѣлъ. Она вернулась къ одной изъ своихъ прежнихъ, испытанныхъ пассій. А онъ не могъ. Ходить за ней, какъ привидѣніе. Измучился весь, исхудалъ, почернѣлъ. Говоря высокимъ штилемъ — „смерть уже лежала на его высокомъ челѣ“. Ревновалъ онъ ее ужасно. Говорять, цѣлыя ночи простаивалъ подъ ея окнами.

„И вотъ однажды весной устроили они въ полку какую-то маёвку или пикникъ. Я и ее и его зналъ лично, но при этомъ происшествіи не былъ. Какъ и всегда въ этихъ случаяхъ, было много выпито. Обратно возвращались ночью пѣшкомъ по полотну желѣзной дороги. Вдругъ навстрѣчу имъ идетъ товарный поѣздъ. Идетъ очень медленно вверхъ, по довольно крутому подъему. Даетъ свистки. И вотъ, только-что паровозные огни поровнялись съ компаніей, она вдругъ шепчетъ на ухо прапорщику: „Вы все говорите, что любите меня. А вѣдь, если я вамъ прикажу — вы, навѣрно, подъ поѣздъ не броситесь“. А онъ, ни слова не отвѣтивъ, бѣгомъ — и подъ поѣздъ. Онъ-то, говорятъ, вѣрно рассчиталъ, какъ разъ между передними и задними колесами: такъ бы его аккуратно пополамъ и перерѣзало. Но какой-то идиотъ вздумалъ его удерживать и отталкивать. Да не осилилъ. Прапорщикъ, какъ уцѣпился руками за рельсы, такъ ему обѣ кисти и оттяпало“.

— Охъ, какой ужасъ! — воскликнула Вѣра.

— Пришлось прапорщику оставить службу. Товарищи собрали ему кое-какія деньжонки на выѣздъ. Остаться-то въ городъ ему было неудобно: живой укоръ передъ глазами и ей и всему полку. И пропалъ человѣкъ... самымъ подлымъ образомъ... сталъ попрошайкой... замерзъ гдѣ то на пристани въ Петербургѣ...

„А другой случай былъ совсѣмъ жалкій. И такая же женщина была, какъ и первая, только молодая и красивая. Очень и очень нехорошо себя вела. На что ужъ мы легко глядѣли на эти домашніе романы, но даже и насъ коробило. А мужъ — ничего. Все зналъ, все видѣлъ и молчалъ. Друзья намекали ему, а онъ только руками отмахивался: „Оставьте, оставьте... Не мое дѣло, не мое дѣло... Пусть только Леночка будетъ счастлива!...“ Такой олухъ!

„Подъ конецъ сошлась она накрѣпко съ поручикомъ Вишняковымъ, субалтерномъ изъ ихней роты. Такъ втроемъ и жили въ двумужественномъ бракѣ — точно это самый за-

конный видъ супружества. А тутъ нашъ полкъ двинулся на войну. Наши дамы провожали насъ, провожала и она, и, право, даже смотрѣть было совѣстно: хотя бы для приличія взглянула разокъ на мужа, — нѣтъ, повѣсилась на своемъ поручикѣ, какъ чортъ на сухой вербѣ, и не отходитъ. На прощанье, когда мы уже уѣхали въ вагоны и поѣздъ тронулся, такъ она еще мужу вслѣдъ, безстыдница, крикнула: „Помни же, береги Володю! Если что-нибудь съ нимъ случится — уйду изъ дому и никогда не вернусь. И дѣтей заберу“.

„Ты, можетъ быть, думаешь, что этотъ капитанъ былъ какая-нибудь тряпка? размазня? стрекозиная душа? Ничуть. Онъ былъ храбрымъ солдатомъ. Подъ Зелеными Горами онъ шесть разъ водилъ свою роту на турецкій редутъ, и у него отъ двухсотъ чоловѣкъ осталось только четырнадцать. Дважды раненый — онъ отказался итти на перевязочный пунктъ. Вотъ онъ былъ какой. Солдаты на него Богу молились.“

„Но она велѣла... Его Леночка ему велѣла!“

„И онъ ухаживалъ за этимъ трусомъ и лодыремъ Вишняковымъ, за этимъ трутнемъ безмедовымъ, — какъ нянька, какъ мать. На ночлегахъ подъ дождемъ, въ грязи, онъ укутывалъ его своей шинелью. Ходилъ вмѣсто него на саперныя работы, а тотъ отлеживался въ землянкѣ или игралъ въ штоссъ. По ночамъ провѣрялъ за него сторожевые посты. А это, замѣть, Вѣруня, было въ то время, когда башибузуки вырѣзывали наши пикеты такъ же просто, какъ ярославская баба на огородѣ срѣзаетъ капустные кочни. Ей-Богу, хотя и грѣхъ вспоминать, но всѣ обрадовались, когда узнали, что Вишняковъ скончался въ госпиталѣ отъ тифа...“

— Ну, а женщинъ, дѣдушка, женщинъ вы встрѣчали любящихъ?

О, конечно, Вѣрочка. Я даже больше скажу: я увѣренъ, что почти каждая женщина способна въ любви на самый высокій героизмъ. Пойми, она цѣлуетъ, обнимаетъ, отдается — и она уже мать. Для нея, если она любитъ, любовь заключаетъ весь смыслъ жизни — всю вселенную! Но вовсе не она виновата въ томъ, что любовь у людей приняла такія пошлыя формы и снизошла просто до какого-то житейскаго удобства, до маленькаго развлеченія. Виноваты мужчины, въ двадцать лѣтъ пресыщенные, съ цыплячьими тѣлами и заячьими душами, неспособные къ сильнымъ желаніямъ, къ героическимъ поступкамъ, къ нѣжности и обожанію передъ любовью. Говорятъ, что раньше все это бывало. А если и не бывало, то развѣ не мечтали и не тосковали объ этомъ лучшіе умы и души челоѣчества — поэты, романисты, музыканты, художники? Я надняхъ читалъ исторію Машеньки Леско и кавалера де-Гріе... Вѣришь ли, слезами обливался... Ну скажи же, моя милая, по совѣсти, развѣ каждая женщина, въ глубинѣ своего сердца,

не мечтаетъ о такой любви — единой, всепрощающей, на все готовой, скромной и самоотверженной?

— О, конечно, конечно, дѣдушка...

— А разъ ея нѣтъ, женщины мстятъ. Пройдетъ еще лѣтъ тридцать... я не увижу, но ты можетъ-быть, увидишь. Вѣрочка. Помяни мое слово, что лѣтъ черезъ тридцать женщины займутъ въ мірѣ неслыханную власть. Онѣ будутъ одѣваться, какъ индійскіе идолы. Онѣ будутъ попирастъ насъ, мужчинъ, какъ презрѣнныхъ, низкопоклонныхъ рабовъ. Ихъ сумасбродные прихоти и капризы станутъ для насъ мучительными законами. И все оттого, что мы цѣлыми поколѣніями не умѣли преклоняться и благоговѣть передъ любовью. Это будетъ месть. Знаешь законъ: сила дѣйствія равна силѣ противодѣйствія.

Немного помолчавъ, онъ вдругъ спросилъ:

— Скажи мнѣ, Вѣрочка, если только тебѣ не трудно, что это за исторія съ телеграфистомъ, о которомъ рассказывалъ сегодня князь Василій? Что здѣсь правда и что выдумка, по его обычаю?

— Развѣ вамъ интересно, дѣдушка?

— Какъ хочешь, какъ хочешь, Вѣра. Если тебѣ почему-либо непріятно...

— Да вовсе нѣтъ. Я съ удовольствіемъ расскажу.

И она рассказала коменданту со всѣми подробностями о какомъ-то безумцѣ, который началъ преслѣдовать ее своею любовью еще за два года до ея замужества.

Она ни разу не видѣла его и не знаетъ его фамиліи. Онъ только писалъ ей и въ письмахъ подписывался Г. С. Ж. Однажды онъ обмолвился, что служить въ какомъ-то казенномъ учрежденіи маленькимъ чиновникомъ, — о телеграфѣ онъ не упоминалъ ни слова. Очевидно, онъ постоянно слѣдилъ за ней, потому что въ своихъ письмахъ весьма точно указывалъ, гдѣ она бывала на вечерахъ, въ какомъ обществѣ и какъ была одѣта. Сначала письма его носили вульгарный и курьезно-пылкій характеръ, хотя и были вполнѣ цѣломудренны. Но однажды Вѣра письменно (кстати, не проболтайте, дѣдушка, объ этомъ нашимъ: никто изъ нихъ не знаетъ) попросила его не утруждать ее больше своими любовными изліяніями. Съ тѣхъ поръ онъ замолчалъ о любви и сталъ писать лишь изрѣдка: на Пасху, на Новый годъ и въ день ея именинъ. Княгиня Вѣра рассказала также и о сегодняшней посылкѣ и даже почти дословно передала странное письмо своего таинственного обожателя...

— Да-а, — протянулъ генералъ наконецъ. — Можетъ быть, это просто ненормальный малый, маніакъ, а — почему знать? — можетъ-быть, твой жизненный путь, Вѣрочка, пересѣкла именно такая любовь, о которой грезятъ женщины и на которую больше

неспособны мужчины. Постой-ка. Видишь, впереди движутся фонари? Навѣрно, мой экипажъ.

Въ то же время сзади послышалось зычное рывканье автомобиля, и дорога, изрытая колесами, засіяла бѣлымъ ацетиленовымъ свѣтомъ. Подѣхалъ Густавъ Ивановичъ¹⁾.

— Анночка, я захватилъ твои вещи. Садись, — сказалъ онъ. — Ваше превосходительство, не позволите ли довести васъ?

— Нѣтъ ужъ, спасибо, мой милый, — отвѣтилъ генераль. — Не люблю я этой машины. Только дрожитъ и воняетъ, а радости никакой. Ну, прощай, Вѣрочка. Теперь я буду часто прѣзжать, — говорилъ онъ, цѣлуя Вѣры лобъ и руки.

Всѣ распрощались. Фріессе¹⁾ довезъ Вѣру Николаевну до воротъ ея дачи и, быстро описавъ кругъ, исчезъ въ темнотѣ со своимъ ревающимъ и пытящимъ автомобилемъ.

II.

Княгиня Вѣра съ непріятнымъ чувствомъ поднялась на террасу и вошла въ домъ. Она еще издали услышала громкій голосъ брата Николая и увидѣла его высокую, сухую фигуру, быстро сновавшую изъ угла въ уголъ. Василий Львовичъ сидѣлъ у ломбернаго стола и, низко наклонивъ свою стриженую, большую, свѣтловолосую голову, чертилъ мѣлкомъ по зеленому сукну.

— Я давно настаивалъ! — говорилъ Николай раздраженно и дѣлая правой рукой такой жестъ, точно онъ бросалъ на землю какую то невидимую тяжесть. — Я давно настаивалъ, чтобы прекратить эти дурацкія письма. Еще Вѣра за тебя замужъ не выходила, когда я увѣрялъ, что ты и Вѣра тѣшитесь ими, какъ ребятишки, видя въ нихъ только смѣшное... Вотъ, кстати, и сама Вѣра... Мы, Вѣрочка, говоримъ сейчасъ съ Василиемъ Львовичемъ объ этомъ твоёмъ сумасшедшемъ, о твоёмъ Пе Пе Же. Я нахожу эту переписку дерзкой и пошлой.

— Переписки вовсе не было, — холодно остановилъ его Шеинъ. — Писалъ лишь онъ одинъ..

Вѣра покраснѣла при этихъ словахъ и сѣла на диванъ въ тѣнь большой латаніи.

— Я извиняюсь за выраженіе, — сказалъ Николай Николаевичъ и бросилъ на землю, точно оторвавъ отъ груди, невидимый тяжелый предметъ.

— А я не понимаю, почему ты называешь его моимъ, — встала Вѣра, обрадованная поддержкой мужа. — Онъ такъ же мой, какъ и твой...

— Хорошо, еще разъ извиняюсь. Словомъ, я хочу только сказать, что его глупостямъ надо положить конецъ. Дѣло, по моему, переходитъ за тѣ границы, гдѣ можно смѣяться и рисовать забавные рисуночки... Повѣрьте, если я здѣсь о чемъ

¹⁾ Мужъ Анны.

хлопочу и о чемъ волнуюсь, — такъ это только о добромъ имени Вѣры и моемъ, Василий Львовичъ.

— Ну, это ты, кажется, ужъ слишкомъ хвагиль, Коля, — возразилъ Шейнъ.

— Можетъ-быть, можетъ-быть... Но вы легко рискуете по-пасть въ смѣшное положеніе.

— Не вижу, какимъ способомъ, — сказалъ князь.

— Вообрази себѣ что этотъ идіотскій браслетъ, — Николай приподнялъ красный футляръ со стола и тотчасъ же брезгливо бросилъ его на мѣсто... — что эта чудовищная поповская штучка останется у насъ, или мы ее выбросимъ, или подаримъ Дашѣ. Тогда, во-первыхъ, Пе Пе Же можетъ хвастаться своимъ знакомымъ или товарищамъ, что княгиня Вѣра Николаевна Шейна принимаетъ его подарки, а во-вторыхъ, первый же случай поощрить его къ дальнѣйшимъ подвигамъ. Завтра онъ присылаетъ кольцо съ брильянтами, послѣзавтра жемчужное кольцо, а тамъ — глядишь — сядетъ на скамью подсудимыхъ за растрату или подлогъ, а князя Шейны будутъ вызваны въ качествѣ свидѣтелей.. Милое положеніе!

— Нѣтъ, нѣтъ, браслетъ надо непременно отослать обратно! — воскликнулъ Василий Львовичъ.

— Я тоже такъ думаю, — согласилась Вѣра: — и какъ можно скорѣе. Но какъ это сдѣлать? Вѣдь мы не знаемъ ни имени, ни фамиліи, ни адреса.

— О, это-то совсѣмъ пустое дѣло! — возразилъ пренебрежительно Николай Николаевичъ. Намъ извѣстны инициалы этого Пе Пе Же... Какъ его, Вѣра?

— Ге Эсъ Же.

— Вотъ и прекрасно. Кромѣ того намъ извѣстно, что онъ гдѣ-то служить. Этого совершенно достаточно. Завтра же я беру городской указатель и отыскиваю чиновника или служащего съ такими инициалами. Если почему-нибудь я его не найду, то просто-напросто позову полицейскаго сыскаго агента и прикажу отыскать. На случай затрудненія у меня будетъ въ рукахъ вотъ эта бумажка съ его почеркомъ. Однимъ словомъ, завтра къ двумъ часамъ дня я буду знать въ точности адресъ и фамилію этого молодчика и даже часы, въ которые онъ бываетъ дома. А разъ я это узнаю, то мы не только завтра же возвратимъ ему его сокровище, а и примемъ мѣры, чтобы онъ ужъ больше никогда не напоминалъ намъ о своемъ существованіи.

— Что ты думаешь сдѣлать? — спросилъ князь Василий.

— Что? Поѣду къ губернатору и попрошу...

— Нѣтъ, только не къ губернатору. Ты знаешь, каковы ваши отношенія... Тутъ прямая опасность попасть въ смѣшное положеніе.

— Все равно. Поѣду къ жандармскому полковнику. Онъ мнѣ пріятель по клубу. Пусть-ка онъ вызоветъ этого Ромео

и погрозить у него пальцемъ подъ носомъ. Знаешь, какъ онъ это дѣлаетъ? Приставить человѣку палецъ къ самому носу и рукой совсѣмъ не двигаетъ, а только лишь одинъ палецъ у него качается, и кричить: „Я, сударь, этого не потерплю-ю-ю!“

— Фи! Черезъ жандармовъ! — поморщилась Вѣра.

— И правда, Вѣра, — подхватилъ князь. — Лучше ужъ въ это дѣло никого изъ постороннихъ не мѣшать. Пойдутъ слухи, сплетни... Мы всѣ достаточно хорошо знаемъ нашъ городъ. Всѣ живутъ, точно въ стеклянныхъ банкахъ... Лучше ужъ я самъ пойду къ этому... юношѣ... хотя, Богъ его знаетъ, можетъ быть, ему шестьдесятъ лѣтъ?... Вручу ему браслетъ и прочитаю хорошую, строгую нотацию.

— Тогда и я съ тобой, — быстро прервалъ его Николай Николаевичъ. — Ты слишкомъ мягокъ. Предоставь мнѣ съ нимъ поговорить... А теперь, друзья мои, — онъ вынулъ карманные часы и поглядѣлъ на нихъ: — вы извините меня, если я пойду на минутку къ себѣ. Едва на ногахъ держусь, а мнѣ надо просмотрѣть два дѣла.

— Мнѣ почему-то стало жалко этого несчастного — нерѣшительно сказала Вѣра.

— Жалѣть его нечего! — рѣзко отозвался Николай обращаясь въ дверяхъ. — Если бы такую выходку съ браслетомъ и письмомъ позволилъ себѣ человѣкъ нашего круга, то князь Василій послалъ бы ему вызовъ. А если бы онъ этого не сдѣлалъ, — то сдѣлалъ бы я. А въ прежнее время я бы просто велѣлъ отвести его на конюшню и наказать розгами. Завтра, Василій Львовичъ, ты подожди меня въ своей канцеляріи, я сообщу тебѣ по телефону.

III.

Заплеванная лѣстница пахла мышами, кошками, керосиномъ и стиркой. Передъ шестымъ этажомъ князь Василій Львовичъ остановился.

— Подожди немножко, — сказалъ онъ шурина. — Дай, я отдышусь. Ахъ, Коля, не слѣдовало бы этого дѣлать...

Они поднялись еще на два марша. На лѣстничной площадкѣ было такъ темно, что Николай Николаевичъ долженъ былъ два раза зажигать спички, пока не разглядѣлъ номера квартиры.

На его звонокъ отворила дверь полная, сѣдая сѣроглазая женщина въ очкахъ, съ немного согнутымъ впередъ, видимо, отъ какой-то болѣзни, туловищемъ.

— Господинъ Желтковъ дома? — спросилъ Николай Николаевичъ.

Женщина тревожно забѣгала глазами отъ глазъ одного мужчины къ глазамъ другого и обратно. Приличная виѣшность обоихъ, должно-быть, успокоила ее.

— Дома, прошу, — сказала она, открывая дверь. — Первая дверь налѣво.

Булатъ-Тугановскій постучалъ три раза коротко и рѣшительно. Какой-то шорохъ послышался внутри. Онъ еще разъ постучалъ.

— Войдите, — отозвался слабый голосъ.

Комната была очень низка, но очень широка и длинна, почти квадратной формы. Два круглихъ окна, совсѣмъ похожихъ на пароходные иллюминаторы, еле-еле ее освѣщали. Да и вся она была похожа на каютъ-компанію грузового парохода. Вдоль одной стѣны стояла узенькая кровать, вдоль другой очень большой и широкой диванъ, покрытый истрепаннымъ прекраснымъ текинскимъ ковромъ, по срединѣ — столъ, накрытый цвѣтной малороссійской скатертью.

Лица хозяина сначала не было видно: онъ стоялъ спиною къ свѣту и въ замѣшательствѣ потиралъ руки. Онъ былъ высокъ ростомъ, худощавъ, съ длинными, пушистыми, мягкими волосами.

— Если не ошибаюсь, господинъ Желтковъ? — спросилъ высокомерно Николай Николаевичъ.

— Желтковъ. Очень пріятно. Позвольте представиться.

Онъ сдѣлалъ по направленію къ Тугановскому два шага съ протянутой рукой. Но въ тотъ же моментъ, точно не замѣчая его привѣтствія, Николай Николаевичъ обернулся всѣмъ тѣломъ къ Шеину.

— Я тебѣ говорилъ, что мы не ошиблись.

Худые, нервные пальцы Желткова забѣгали по борту коричневаго короткаго пиджачка, застегивая и разстегивая пуговицы. Наконецъ онъ съ трудомъ произнесъ, указывая на диванъ и неловко кланяясь:

— Просту покорно. Садитесь.

Теперь онъ сталъ весь виденъ: очень блѣдный, съ нѣжнымъ дѣвичьимъ лицомъ, съ голубыми глазами и упрямымъ дѣтскимъ подбородкомъ, съ ямочкой посрединѣ; лѣтъ ему, должно-быть, было около тридцати, тридцати пяти.

— Благодарю васъ, — сказалъ просто князь Шеинъ, разглядывавшій его очень внимательно.

— Мерсі, — коротко отвѣтилъ Николай Николаевичъ. И оба остались стоять. — Мы къ вамъ всего только на нѣсколько минутъ. Это — князь Василій Львовичъ Шеинъ, губернский предводитель дворянства. Моя фамилія — Мирза-Булатъ-Тугановскій. Я — товарищъ прокурора. Дѣло, о которомъ мы будемъ имѣть честь говорить съ вами, одинаково касается и князя и меня, или, вѣрнѣе, супруги князя, а моей сестры.

Желтковъ, совершенно растерявшись, опустился вдругъ на диванъ и пролепеталъ омертвѣвшими губами: „Прошу, господа, садиться“. Но, должно-быть, вспомнилъ, что уже безуспѣшно предлагалъ то же самое раньше, вскочилъ, подбѣжалъ къ окну, теребя волосы, и вернулся обратно на прежнее мѣсто. И опять его дрожащія руки забѣгали, теребя пуговицы, щипля свѣтлые, рыжеватые усы, трогая безъ нужды лицо.

— Я къ вашимъ услугамъ, ваше сіятельство, — произнесъ онъ глухо, глядя на Василя Львовича умоляющими глазами.

Но Шейнъ промолчалъ. Заговорилъ Николай Николаевичъ:

— Во-первыхъ, позвольте воззратить вамъ вашу вещь, — сказалъ онъ и, доставъ изъ кармана красный футляръ, аккуратно положилъ его на столъ. — Она, конечно, дѣлаетъ честь вашему вкусу, но мы очень просили бы васъ, чтобы такіе сюрпризы больше не повторялись.

— Простите... Я самъ знаю, что очень виноватъ, — прошепталъ Желтковъ, глядя внизъ, на полъ, и краснѣя. — Можетъ-быть, позвольте стаканчикъ чаю?

— Видите ли, господинъ Желтковъ, — продолжалъ Николай Николаевичъ, какъ будто не разслушавъ послѣднихъ словъ Желткова. — Я очень радъ, что нашелъ въ васъ порядочнаго человѣка, джентльмена, способнаго понимать съ полуслова. И я думаю, что мы договоримся сразу. Вѣдь, если я не ошибаюсь, вы преслѣдуете княгиню Вѣру Николаевну уже около семи-восьми лѣтъ?

— Да, — отвѣтилъ Желтковъ тихо и опустилъ рѣсницы благоговѣйно.

— И мы до сихъ поръ не принимали противъ васъ никакихъ мѣръ, хотя — согласитесь — это не только можно было бы, а даже и нужно было сдѣлать. Не правда ли?

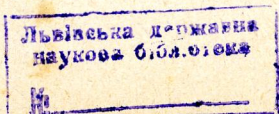
— Да.

— Да. Но послѣднимъ вашимъ поступкомъ, именно присылкой этого вотъ самага гранатоваго браслета, вы переступили тѣ границы, гдѣ кончается наше терпѣніе. Понимаете? — кончается. Я отъ васъ не скрою, что первой нашей мыслью было — обратиться къ помощи власти, но мы не сдѣлали этого, и я очень радъ, что не сдѣлали, потому что — повторяю — я сразу угадалъ въ васъ благороднаго человѣка.

— Простите. Какъ вы сказали? — спросилъ вдругъ внимательно Желтковъ и разсмѣялся. — Вы хотѣли обратиться къ власти?... Именно такъ вы сказали?

Онъ положилъ руки въ карманы, сѣлъ удобно въ уголъ дивана, досталъ портсигаръ и спички и закурилъ.

— Итакъ, вы сказали, что вы хотѣли прибѣгнуть къ помощи власти?... Вы меня извините, князь, что я сижу? — обратился онъ къ Шейну. — Ну-съ, дальше?

Князь придвинулъ стулъ къ столу и сѣлъ. Онъ, не отрываясь, глядѣлъ съ недоумѣніемъ и жаднымъ, серьезнымъ любопытствомъ въ лицо этого страннаго человѣка.

— Видите ли, милый мой, эта мѣра отъ васъ никогда не уйдетъ, — съ легкой наглостью продолжалъ Николай Николаевичъ. — Врываться въ чужое семейство...

— Виновать, я васъ перебую...

— Нѣтъ, виновать, теперь ужъ я васъ перебую... — почти закричалъ прокуроръ.

— Какъ вамъ угодно. Говорите. Я слушаю. Но у меня есть нѣсколько словъ для князя Василя Львовича.

И не обращая больше вниманія на Тугановскаго, онъ сказалъ:

Сейчасъ настала самая тяжелая минута въ моей жизни. И я долженъ, князь, говорить съ вами внѣ всякихъ условностей... Вы меня выслушаете?

— Слушаю, — сказалъ Шеинъ. — Ахъ, Коля, да помолчи ты, — сказалъ онъ нетерпѣливо, замѣтивъ гнѣвный жестъ Тугановскаго. — Говорите.

Желтковъ въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ ловилъ ртомъ воздухъ, точно задыхаясь, и вдругъ покатился, какъ съ обрыва. Говорилъ онъ однѣми челюстями, губы у него были бѣлыя и не двигались, какъ у мертваго.

— Трудно выговорить такую... фразу... что я люблю вашу жену. Но семь лѣтъ безнадежной и вѣжливой любви даютъ мнѣ право на это. Я соглашаюсь, что въ началѣ, когда Вѣра Николаевна была еще барышней, я писалъ ей глупыя письма и даже ждалъ на нихъ отвѣта. Я соглашаюсь съ тѣмъ, что мой послѣдній поступокъ, именно посылка браслета, была еще большей глупостью. Но... вотъ я вамъ прямо гляжу въ глаза и чувствую, что вы меня поймете. Я знаю, что не въ силахъ разлюбить ее никогда... Скажите, князь... предположимъ, что вамъ это непріятно... скажите, — что бы вы сдѣлали для того, чтобъ оборвать это чувство? Выслать меня въ другой городъ, какъ сказалъ Николай Николаевичъ? Все равно и тамъ такъ же я буду любить Вѣру Николаевну, какъ здѣсь. Заключить меня въ тюрьму? Но и тамъ я найду способъ дать ей знать о моемъ существованіи. Остается только одно — смерть... Вы хотите, я приму ее въ какой угодно формѣ.

— Мы вмѣсто дѣла разводимъ какую-то мелодекламацию. — сказалъ Николай Николаевичъ, надѣвая шляпу. — Вопросъ очень коротокъ: вамъ предлагаютъ одно изъ двухъ: либо вы совершенно отказываетесь отъ преслѣдованія княгини Вѣры Николаевны, либо, если на это вы не согласитесь, мы примемъ мѣры, которыя намъ позволятъ наше положеніе, знакомство и т. д.

Но Желтковъ даже не поглядѣлъ на него, хотя и слышалъ его слова. Онъ обратился къ князю Василю Львовичу и спросилъ:

— Вы позволите мнѣ отлучиться на десять минутъ? Я отъ васъ не скрою, что пойду говорить по телефону съ княгиней Вѣрой Николаевной. Увѣряю васъ, что все, что возможно будетъ вамъ передать, я передамъ.

— Идите, — сказалъ Шеинъ.

Когда Василий Львовичъ и Тугановскій остались вдвоемъ, то Николай Николаевичъ сразу набросился на своего шурина:

— Такъ нельзя, — кричалъ онъ, дѣлая видъ, что бросаетъ правой рукой на землю отъ груди какой-то невидимый предметъ. — Такъ положительно нельзя. Я тебя предупреждалъ, что всю дѣловую часть разговора я беру на себя. А ты раскисъ и позволилъ ему разпространяться о своихъ чувствахъ. Я бы это сдѣлалъ въ двухъ словахъ.

— Подожди, — сказалъ князь Василий Львовичъ: — сейчасъ все это объяснится. Главное, это то, что я вижу его лицо, и я чувствую, что этотъ человѣкъ не способенъ обманывать и лгать завѣдомо. И, правда, подумай, Коля, развѣ онъ виноватъ въ любви, и развѣ можно управлять такимъ чувствомъ, какъ любовь, — чувствомъ, которое до сихъ поръ еще не нашло себѣ истолкователя. Подумавъ, князь сказалъ: мнѣ жалко этого человѣка. И мнѣ не только, что жалко, но вотъ я чувствую, что присутствую при какой-те громадной трагедіи души, и я не могу здѣсь паясничать.

— Это декадентство, — сказалъ Николай Николаевичъ.

Черезъ десять минутъ Желтковъ вернулся. Глаза его бле-стѣли и были глубоки, какъ будто наполнены непролитыми слезами. И видно было, что онъ совсѣмъ забылъ о свѣтскихъ приличіяхъ, о томъ, кому гдѣ надо сидѣть, и пересталъ держать себя джентльменомъ. И опять съ больной, нервной чуткостью это понялъ князь Шеинъ.

— Я готовъ, — сказалъ онъ: — и завтра вы обо мнѣ ничего не услышите. Я какъ будто бы умеръ для васъ. Но одно условіе, — это я вамъ говорю, князь Василий Львовичъ: — видите ли, я растратилъ казенныя деньги, и мнѣ какъ никакъ приходится изъ этого города бѣжать. Вы позволите мнѣ написать еще послѣднее письмо княгинѣ Вѣрѣ Николаевнѣ.

— Нѣтъ. Если кончилъ, такъ кончилъ. Никакихъ писемъ, — закричалъ Николай Николаевичъ.

Хорошо, пишите, — сказалъ Шеинъ.

— Вотъ и все, — произнесъ, надменно улыбаясь, Желтковъ. — Вы обо мнѣ болѣе не услышите и, конечно, больше никогда меня не увидите. Княгиня Вѣра Николаевна совсѣмъ не хотѣла со мной говорить. Когда я ее спросилъ, можно ли мнѣ остаться въ городѣ, чтобы хотя изрѣдка ее видѣть, конечно, не показываясь ей на глаза, она отвѣтила: „Ахъ, если бы вы знали, какъ мнѣ надоѣла вся эта исторія. Пожалуйста,

прекратите ее какъ можно скорѣе“. И вотъ я прекращаю всю эту исторію. Кажется, я сдѣлалъ все, что могъ?

Вечеромъ, пріѣхавъ на дачу, Василій Львовичъ передалъ женѣ очень точно всѣ подробности свиданія съ Желтковымъ. Онъ какъ будто бы чувствовалъ себя обязаннымъ сдѣлать это.

Вѣра, хотя была встревожена, но не удивилась и не пришла въ замѣшательство. Ночью, когда мужъ пришелъ къ ней въ постель, она вдругъ сказала ему, повернувшись къ стѣнѣ:

— Оставь меня, — я знаю, что этотъ человѣкъ убьетъ себя.

IV.

Княгиня Вѣра Николаевна никогда не читала газетъ по тому, что, во-первыхъ, онѣ ей пачкали руки, а во-вторыхъ, она никогда не могла разобраться въ томъ языкѣ, которымъ нынче пишутъ.

Но судьба заставила ее развернуть какъ разъ тотъ листъ и натолкнуться на тотъ столбецъ, гдѣ было напечатано:

„Загадочная смерть. Вчера вечеромъ, около 7 часовъ, покончилъ жизнь самоубійствомъ чиновникъ контрольной палаты Г. С. Желтковъ. Судя по даннымъ слѣдствія, смерть покойнаго произошла по причинѣ растраты казенныхъ денегъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, самоубійца упоминаетъ въ своемъ письмѣ. Въ виду того, что показаніями свидѣтелей установлена въ этомъ актѣ его личная воля, рѣшено не отправлять трупъ въ анатомическій театръ“.

Вѣра думала про себя:

„Почему я это предчувствовала? Именно этотъ трагическій исходъ? И что это было: любовь или сумашествіе?“

Цѣлый день она ходила по цвѣтнику и по фруктовому саду. Безпокойство, которое росло въ ней съ минуты на минуту, какъ будто не давало ей сидѣть на мѣстѣ. И всѣ ея мысли были прикованы къ тому невѣдомому человѣку, котораго она никогда не видѣла и врядъ ли когда-нибудь увидитъ, къ этому смѣшному Пе Пе Же.

„Почемъ знать, можетъ-быть, твой жизненный путь пересѣкла настоящая, самоотверженная, истинная любовь“, вспомнились ей слова Аносова.

Въ 6 часовъ пришелъ почтальонъ. На этотъ разъ Вѣра Николаевна узнала почеркъ Желткова и съ нѣжностью, которой она въ себѣ не ожидала, развернула письмо.

Желтковъ писалъ такъ:

„Я не виноватъ, Вѣра Николаевна, что Богу было угодно послать мнѣ, какъ громадное счастье, любовь къ Вамъ. Случилось такъ, что меня не интересуется въ жизни ничто: ни политика, ни наука, ни философія, ни забота о будущемъ счастьѣ людей — для меня вся жизнь заключается только въ

Васъ. Я теперь чувствую, что какимъ-то неудобнымъ клиномъ врѣзался въ Вашу жизнь. Если можете, простите меня за это. Сегодня я уѣзжаю и никогда не вернусь, и ничто Вамъ обо мнѣ не напомнить.

„Я бесконечно благодаренъ Вамъ только за то, что Вы существуете. Я провѣрялъ себя — это не болѣзнь, не маниакальная идея — это любовь, которою Богу было угодно за что-то меня вознаградить.

„Пусть я былъ смѣшонъ въ Вашихъ глазахъ и въ глазахъ Вашего брата, Николая Николаевича. Уходя, я въ восторгѣ говорю: „Да святится имя Твое“.

„Восемь лѣтъ тому назадъ я увидѣлъ васъ въ циркѣ въ ложѣ и тогда же въ первую секунду я сказалъ себѣ: я ее люблю потому, что на свѣтѣ нѣтъ ничего похожаго на нее. нѣтъ ничего лучше, нѣтъ ни звѣря, ни растенія, ни звѣзды, ни человѣка прекраснѣе Васъ и нѣжнѣе. Въ Васъ какъ будто бы воплотилась вся красота земли...

„Подумайте, что мнѣ нужно было дѣлать? Убѣжать въ другой городъ? Все равно сердце было всегда около Васъ, у Вашихъ ногъ, каждое мгновенье дня заполнено Вами, мыслью о Васъ, мечтами о Васъ... сладкимъ бредомъ. Я очень стыжусь и мысленно краснѣю за мой дурацкій браслетъ, — ну что же? — ошибка. Воображаю, какое онъ впечатлѣніе произвелъ на Вашихъ гостей.

„Черезъ десять минутъ я уѣду, я успѣю только наклеить марку и опустить письмо въ почтовый ящикъ, чтобы не поручать этого никому другому. Вы это письмо сожгите. Я вотъ сейчасъ затопилъ печку и сжигаю все самое дорогое, что было у меня въ жизни: вашъ платокъ, который я, признаюсь, укралъ. Вы его забыли на стулѣ на балу въ Благородномъ собраніи. Вашу записку, — о, какъ я ее цѣловалъ, — ею Вы запретили мнѣ писать Вамъ. Программу художественной выставки, которую Вы однажды держали въ рукѣ и потомъ забыли на стулѣ при выходѣ... Кончено. Я все отрѣзалъ, но все-таки думаю и даже увѣренъ, что Вы обо мнѣ вспомните. Если Вы обо мнѣ вспомните, то... я знаю, что Вы очень музыкальны, я Васъ видѣлъ чаще всего на Бетховенскихъ квартетахъ, — такъ вотъ, если Вы обо мнѣ вспомните, то сыграйте или прикажите сыграть сонату D-dur № 2, Op. 2.

„Я не знаю, какъ мнѣ кончить письмо. Отъ глубины души благодарю Васъ за то, что Вы были моей единственной радостью въ жизни, единственнымъ утѣшеніемъ, единой мыслью. Дай Богъ Вамъ счастья, и пусть ничто временное и житейское не тревожитъ Вашу прекрасную душу. Цѣлую Ваши руки“.

„Г. С. Ж.“

Она пришла къ мужу съ покраснѣвшими отъ слезъ глазами и вздутыми губами и, показавъ письмо, сказала:

— Я ничего отъ тебя не хочу скрывать, но я чувствую, что въ нашу жизнь вмѣшалось что то ужасное. Вѣроятно, вы съ Николаемъ Николаевичемъ сдѣлали что-нибудь не такъ, какъ нужно.

Князь Шейнъ внимательно прочелъ письмо, аккуратно сложилъ и, долго помолчавъ, сказалъ:

— Я не сомнѣваюсь въ искренности этого человѣка, и, даже больше, я не смѣю разбираться въ его чувствахъ къ тебѣ.

— Онъ умеръ? — спросила Вѣра.

— Да, умеръ. Я скажу, что онъ любилъ тебя, а вовсе не былъ сумасшедшимъ. Я не сводилъ съ него глазъ и видѣлъ каждое его движеніе, каждое измѣненіе его лица. И для него не существовало жизни безъ тебя. Мнѣ казалось, что я присутствую при громадномъ страданіи, отъ котораго люди умираютъ, и даже почти понималъ, что передо мною мертвый чловѣкъ. Понимаешь, Вѣра, я не зналъ, какъ себя держать, что мнѣ дѣлать...

— Вотъ что, Васенька, — перебила его Вѣра Николаевна: — тебѣ не будетъ больно, если я поѣду въ городъ и погляжу на него?

— Нѣтъ, нѣтъ, Вѣра, пожалуйста, прошу тебя. Я самъ поѣхалъ бы, но только Николай испортилъ мнѣ все дѣло. Я боюсь, что буду чувствовать себя принужденнымъ.

V.

Вѣра Николаевна оставила свой экипажъ за двѣ улицы до Лютеранской. Она безъ большого труда нашла квартиру Желткова. Навстрѣчу ей вышла сѣроглазая старая женщина, очень полная, въ серебряныхъ очкахъ, и такъ же, какъ вчера, спросила:

— Кого вамъ угодно?

— Господина Желткова, — сказала княгиня.

Должно-быть, ея костюмъ — шляпа, перчатки, и нѣсколько властный тонъ произвели на хозяйку квартиры большое впечатлѣніе. Она разговорила.

— Пожалуйста, пожалуйста, вотъ первая дверь направо, а тамъ.. сейчасъ... Онъ такъ скоро ушелъ отъ насъ. Ну, скажемъ, растрата. Сказалъ бы мнѣ объ этомъ. Вы знаете, какіе наши капиталы, когда отдаешь квартиры внаемъ холостякамъ. Но какіе-нибудь 600-700 рублей я бы могла собрать и внести за него. Если бы вы знали, что это былъ за чудный человѣкъ, пани, Восемь лѣтъ я его держала на квартирѣ, и онъ казался мнѣ совсѣмъ не квартирантомъ, а роднымъ сыномъ.

Тутъ же въ передней былъ стулъ, и Вѣра опустилась на него.

Я другъ вашего покойнаго квартиранта, — сказала она, подбирая каждое слово къ слову. — Разкажите мнѣ что-нибудь о послѣднихъ минутахъ его жизни, о томъ, что онъ дѣлалъ и что говорилъ.

— Пани, къ намъ пришли два господина и очень долго разговаривали. Потомъ онъ объяснилъ, что ему предлагали мѣсто управляющаго въ экономіи. Потомъ панъ Ежій побѣждалъ до телефона и вернулся такой веселый. Затѣмъ эти два господина ушли, а онъ сѣлъ и сталъ писать письмо. Потомъ пошелъ и опустилъ письмо въ ящикъ, а потомъ мы слышимъ, будто бы изъ дѣтскаго пистолета выстрѣлили. Мы никакого вниманія не обратили. Въ семь часовъ всегда пилъ чай. Лукерья — прислуга — приходитъ и стучится, онъ не отвѣчаетъ, потомъ еще разъ, еще разъ. И вотъ должны были взломать дверь, а онъ уже мертвый.

— Разкажите мнѣ что-нибудь о браслетѣ, — приказала Вѣра Николаевна.

— Ахъ, ахъ. ахъ, браслетъ — я и забыла. Почему вы знаете? Онъ передъ тѣмъ, какъ написать письмо, пришелъ ко мнѣ и сказалъ: „Вы католичка?“ Я говорю: „католичка“. Тогда онъ говоритъ: „У васъ есть милый обычай — такъ онъ и сказалъ: милый обычай — вѣшать на изображеніе Матки Боски кольца, ожерелья, подарки. Такъ вотъ исполните мою просьбу: вы можете этотъ браслетъ повѣсить на икону?“ Я ему обѣщала это сдѣлать.

— Вы мнѣ его покажите? — спросила Вѣра.

— Прошу, прошу, пани. Вотъ его первая дверь налѣво. Его хотѣли отвезти въ анатомическій театръ, но у него есть братъ, такъ онъ упросилъ, чтобы его похоронить по-христіанску. Прошу, прошу.

Вѣра собралась съ силами и открыла дверь. Въ комнатѣ пахло ладаномъ и горѣли три восковыхъ свѣчи. Наискось комнаты лежалъ на столѣ Желтковъ. Голова его покоилась очень низко, точно нарочно ему, трупъ, которому все равно, подсушили маленькую мягкую подушку. Глубокая важность была въ его закрытыхъ глазахъ, и губы улыбались блаженно и безмятежно, какъ будто бы онъ передъ разставаньемъ съ жизнью узналъ какую-то глубокую и сладкую тайну, разрѣшившую всю человѣческую его жизнь. Она вспомнила, что то же самое умиротворенное выраженіе она видѣла на маскахъ великихъ страдальцевъ — Пушкина и Наполеона.

— Если прикажете, пани, я уйду? — спросила старая женщина, и въ ея тонѣ послышалось что-то чрезвычайно интимное.

— Да, я потомъ васъ позову, — сказала Вѣра и сейчасъ же вынула изъ маленькаго бокового кармана кофточки большую красную розу, подняла немного вверхъ лѣвой рукой голову трупа, а правой рукой положила ему подъ шею цвѣтокъ. Въ эту секунду она поняла, что та любовь, о которой мечтаетъ каждая женщина, прошла мимо нея. Она вспомнила слова генерала Аносова о вѣчной исключительной любви — почти пророческія слова. И, раздвинувъ въ обѣ стороны волосы на лбу мертвеца, она крѣпко сжала руками его виски и поцѣловала его въ холодный влажный лобъ долгимъ дружескимъ поцѣлуемъ.

Когда она уходила, то хозяйка квартиры обратилась къ ней льстивымъ польскимъ тономъ:

— Пани, я вижу, что вы не какъ всѣ другія, не изъ любопытства только. Покойный панъ Желтковъ передъ смертью сказалъ мнѣ: „Если случится, что я умру и придетъ поглядѣть на меня какая-нибудь дама, то скажите ей, что у Бетховена самое лучшее произведеніе.“ — онъ даже нарочно записалъ мнѣ это. Вотъ поглядите...

— Покажите, — сказала Вѣра Николаевна и вдругъ заплакала.

— Извините меня, это впечатлѣніе смерти такъ тяжело, что я не могу удержаться.

И она прочла слова, писанныя знакомымъ почеркомъ:

L. van Bethoven. Son. № 2, op. 2 Largo Appassionato.

Знаете-ль вы?

Вы знаете-ль мою страну,
Мою Галичину родную,
Вы знаете-ль ея весну,
Весну полудня золотую?
Красы ея пышнѣе, ярче,
Душистѣе ея цвѣты,
Лучъ солнечный свѣтлѣе, жарче,
Сочнѣе злаки и листы.
Тамъ наливнѣй и жита колось.
Блестящее небесъ роса. —
За то тамъ глуше правды голосъ.
За то горючѣ слеза. —
Но среди горя, зла и бѣдъ,
Тамъ мнѣ дороже жизнь родная,
Тамъ всѣ свои, тамъ лучше свѣтъ.
Тамъ солнце нѣги, нѣга рая.

Д. Н. Вергунъ

В. Р. Ваврикъ.

Козаки во Львовѣ.

Это было въ началѣ войны 1914 года. Въ станѣ козаковъ, расположившихся у самаго городка Буска, шумное веселіе. Рѣка Бугъ плескала отъ купающихся. На берегу пылали костры, а языки ихъ пламени вытягивались въ синеватыя струйки дыма, расплывающагося въ надближающихся сумеркахъ. Тутъ и тамъ слышались выстрѣлы, залихватскія пѣсни, хохоть, гармошка, балалайка, козачокъ, удалое разгулье, сливавшееся въ одинъ радостный звукъ. Не то было на противоположномъ берегу Буга; тамъ переполохъ, уныніе, ужасъ. Австрійскія разношерстыя войска поспѣшно отступали и Русскимъ до престольнаго города князя Льва оставалось не болѣе двухъ дней пѣшаго хода.

Шумящая сотня казаковъ весело играя долго тѣшилась подъ тихимъ сводомъ небесъ, вспоминая свои тихія воды и бурные подвиги свои. Вдали послышался топотъ и звонъ конскихъ подковъ. Козаки насторожились и хватъ по обыкновенію за свои шашки да винтовки. Однако показалось, что это была своя дюжина козаковъ съ сотникомъ Славяновымъ во главѣ, вернувшаяся съ развѣдки. Встрѣтившіе горѣли желаніемъ услышать донесенія своего атамана, но онъ не отвѣчая на вопросъ, пришпорилъ своего вѣтрогона-коня и пропалъ въ сгустившихся сумеркахъ. Ладно! пускай гуляетъ по чистому полѣ, а мы тѣмъ временемъ, пока онъ возвратится, расскажемъ кой-что про этого удалыца.

Славяновъ съ перваго дня своей военной службы значился въ числѣ беспокойныхъ духовъ. До войны онъ былъ на плохомъ счету у начальства, такъ какъ вовсе не считался съ правилами военнаго устава, часто отлучался отъ своей части, кутилъ всю ночь устраивая веселыя пирушки, на которыхъ самъ чудесилъ и заставлялъ чудесить другихъ. Дважды сидѣлъ онъ на гауптвахтѣ за то, что на стѣнкѣ казармы размалевалъ свое начальство. Господь знаетъ, что случилось бы съ нимъ въ будущемъ, если бы не началась война. Онъ былъ недоволенъ господствующими на Руси порядками и предъ никѣмъ

не скрывалъ этого. Съ перваго-же дня войны онъ всецѣло перемѣнился. Не вдаваясь въ разсужденія онъ исполнялъ всѣ приказы и удивилъ все начальство смѣлостью, храбростью, ловкостью и большимъ рвеніемъ служить Родинѣ. „Все для Родины и кровь и жизнь“ — говорилъ часто — „коли Русскій, не жалѣй души для Руси и будь ей вѣренъ до смерти!“ Таковъ ужъ былъ Славяновъ. Его видѣли часто задумавшагося наединѣ, съ самымъ собою разговаривающаго. Часто просился онъ на самую опасную развѣдку, на отчаянное дѣло, и всегда выходилъ изъ нихъ благополучно блестяще выполнивъ свою задачу. За боевыя заслуги былъ отличенъ военными наградами и произведенъ въ чинъ сотника. Послѣднюю развѣдку предпринялъ никого не спрашивая на свой рискъ и страхъ.

Но вотъ и онъ! Было уже около двухъ часовъ ночи, когда возвратился онъ въ свой кругъ казачій. Офицеры и козаки сорвали его съ коня и посадивъ у костра кричали: „Говори, окаянный, говори, что видѣлъ!“ — „Ничего, братцы, ничего не видѣлъ, развѣ то, что удирають проклятые, какъ зайцы. Въ деревняхъ на двадцать верстъ кругомъ ужъ пусто. Что-жъ было видѣть? Надо полагать только, что всѣ скопились во Львовѣ: войско и бѣженцы“.

— Пропала Австрія! — замѣтилъ одинъ козакъ, и смѣхъ многихъ нарушилъ ночную тишину. Славяновъ хлебнувъ съ стакана чаю промолвилъ: „Да, давно пора, чтобы пропала она. Развѣзжая и наблюдая вокругъ я вижу здѣсь такую-же Русь, какъ у себя дома. Стыдно, братцы, прямо стыдно, что до сихъ поръ мы объ этомъ не знали, что Лембергъ это русскій городъ Львовъ, и что въ Галичинѣ стонетъ русскій народъ подъ австрійскимъ владычествомъ цѣлуя руки пану и панѣ.“

— И паршивому жиду — добавилъ кто то изъ круга.

— Погибель врагамъ! — крикнулъ другой

— Погибель! — подхватилъ весь кругъ и отзвукъ этого возгласа понесся громко въ ночную даль.

— А коли погибель врагамъ, такъ за Русь, братцы, громкое: „Ура!“ — вскочивъ сказалъ Славяновъ.

— Урра, урра! — крикнулъ весь кругъ, дрогнулъ воздухъ, колыхнулъ очеретомъ на Бугѣ и отозвался эхомъ въ лѣсу: Ура-ура-ура!

*

*

*

Нашъ отрядъ козаковъ и не думалъ о снѣ. Пошли разговоры, разсказы, полились рѣчи, крѣпъ подъемъ духа, какъ не бывало раньше. Славяновъ былъ веселъ и разговорчивъ. Онъ пѣлъ съ казаками про тихій, синій Донъ и его вольности. Теплая, лѣтняя ночь прошла незамѣтно и ужъ ужъ стало свѣтлѣть. Кой-кто вздремнулъ. Вдругъ послышалось отъ рѣки

стонъ. „Чу!“ — пронеслось въ кругу „Да, кто-то стонетъ. Пойдемъ, посмотримъ“. — Пришли смотрятъ. У берега, въ водѣ, копошится кто-то, выбрнуть не можетъ. Подскачили козаки, вытащили чуть чуть живого человѣка, молодого, ужасно выпачканого въ илѣ и страшно исхудалого, изнуреннаго.

— Кто ты? — спрашиваютъ.

— Охъ.. дайте отдохнуть! — Я... — и не dokonчилъ: палъ въ обморокъ. Его подхватили, стали тереть, принесли теплаго чаю, напоили, а когда онъ пришелъ немножко въ себя, промолвилъ:

— Я студентъ... галичанинъ... Карпатгороссъ.. бѣжалъ изъ Львова, чуть не съ тюрьмы... выручайте.. не дайте пропасть!

Его успокоивали, выпрашивали:

— Изъ Львова?... съ тюрьмы?... Что тамъ творится? —

— Творится такое, что и не расскажешь Австрійскія власти и ихъ прислужники ловятъ русскихъ жителей Галичины, вяжутъ, бьютъ, толпами ведутъ по улицамъ подвергая ихъ издѣвательствамъ всякой сволочи, затѣмъ, набиваютъ ими тюрьмы, подвергаютъ ихъ всякимъ пыткамъ, пока не прибьютъ до смерти или повѣсятъ.

— Чертъ возьми! За что-же?

— За что? За то, что они русскіе. За то, что такъ нравятся Австрійскому правительству и его прислужникамъ.

— Не можетъ быть! По какому поводу?

— По поводу? Достаточно, если кто нибудь укажетъ пальцемъ: „Вотъ, молъ, „кацапъ“. А найдутъ у такового русскую книжку или кусокъ газеты „Русское Слово“, такъ и на висѣлицу вздернутъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ.

— Да неужели все это правда?

— Богъ мой! Я не въ состояніи и тысячной доли рассказать вамъ всего того, что творится. Не рассказать мнѣ вамъ всѣхъ мукъ и страданій моего народа. У каждого Карпатгоросса свой крестъ особый

— Хорошо, какъ ты бѣжалъ изъ Львова?

— Я рѣшился на все, лишь бы не видѣть того, что палачи творятъ съ моими земляками. Они превозошли лютыхъ звѣрей. Сотню нашихъ людей обоого пола связали веревками и какъ стадо погнали во Львовъ. Вокругъ львовскіе подонки, австрійскіе жандармы, евреи, изверги всякаго общества ругаются, плюютъ, бьютъ. Со всѣхъ сторонъ сыплются удары прикладами, камни, палки, грязь. Въ этой сотнѣ находился и я. Помню какъ бѣшенная сволочь оплевала, поколотила, избила, замучила одного сѣдого старика-священника. Рядомъ со мной, со связанными руками, шла интеллигентная дѣвушка Вѣра, которую тянулъ за косы жидъ. У меня руки были тоже связанные и я могъ толкнуть мерзавца только ногою.

— Молодецъ! Какъ тебя зовутъ?

— Богданъ Н. Н.... Такъ вотъ сейчасъ на меня набросилась эта сволочь и... теперь ужъ не знаю, какъ оно случилось, разорвалъ ли я самъ веревку, или разрѣзалъ ее какой другъ, замѣшавшійся въ свалку, но чувствую, мои руки свободны и тогда пользуясь замѣшательствомъ я бѣжалъ и опомнился только за городомъ. Но куда дѣться, куда дѣваться? Я бѣжалъ въ ближайшій лѣсъ, гдѣ трое сутокъ скрывался въ лисьей норѣ питаясь зерномъ стояшаго на корнѣхъ подъ лѣсомъ хлѣба. Вдругъ слышу: рубятъ лѣсъ. Что дѣлать? Собравъ послѣднія силы я бѣжалъ и вотъ очутился въ вашей средѣ.

— Довольно! — крикнулъ Славяновъ. — Поборемся еще съ ней, съ австрійской оравой. Эй, козаки, на коней и айда за славою.“

Вскочили козаки, выпили утреннй чай, взвились на коней, сверкнули шашками въ лучахъ восходящаго солнца и понеслись, понеслись на пиръ кровавый.

*

*

*

Сбитые со всѣхъ позицій австрійскія войска уже не отступали а бѣгомъ бѣжали. Не одинъ комендантъ города Львова ген. Колишвари потерялъ голову, ее потеряли такіе военачальники какъ Гецендорфъ и Ауфенбергъ. Львовъ превратился въ Вавилонское столпотвореніе: пѣхота, кавалерія, артилерія перемѣшались и образовали сплошной военный винигретъ. Безчисленное множество подводъ, толпы убѣгающихъ, гулъ орудіи, грохотъ разрывающихся ядеръ, крикъ, шумъ, гамъ, толкотня ужасно дѣйствовали на человѣческій умъ. Трудно изобразить и представить положеніе тѣхъ русскихъ галичанъ, которые томились по львовскимъ тюрьмамъ. Биткомъ набитая тюрьма св. Бригиды крестьянами, священниками, судьями, адвокатами, учителями, студентами, женщинами, дѣвушками, валявшимися на грязномъ полу или вшивой соломѣ, стономъ станала, горячими слезами обливалась. Кому только не была лѣнь, спѣшилъ въ тюрьму, дабы излить свою желчь, выместить свою злобу на въ ничемъ не провинившихся, беззащитныхъ людяхъ за поражение Австрійцевъ. Ругались, плевались, били, издѣвались, неистовствовали, рабы Австріи.

Въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ находился 13-ый номеръ тюрьмы св. Бригиды. Тамъ сквозь одну рѣшетку можно было видѣть, что происходитъ на улицѣ, сквозь другую виденъ былъ дворъ, гдѣ стоялъ столбъ съ крюкомъ, на который вздергивались все новыя и новыя жертвы арстрійскаго произвола. Въ этомъ номерѣ томилась вмѣстѣ съ другими дѣвушка Вѣра, за которую заступился отчаянно Богданъ, очутившійся затѣмъ среди козаковъ у Буска. Потерявъ надежду на выходъ изъ этого ада, она сосредоточила всѣ свои мысли на своемъ юномъ

защитникѣ и возносила среди тихихъ рыданій и слезъ горячую молитву изъ истерзаной молодой груди къ Всевышнему о его лучшей долѣ. Въ этой-же комнатѣ находились два студента Ярославъ и Мстиславъ, оба въ изорванныхъ до гола рубахахъ и заросшіе какъ Савлъ. Когда во Львовѣ поднялась суматоха они стояли у тюремной рѣшетки.

— Провались старая грѣшница, Австрія! — сказалъ Ярославъ глядя на улицу. — Хорошо бѣгутъ, ей Богу, хорошо, какъ ослы дикіе. — Шабашъ! Судный день Австріи и ея прислужникамъ.

— Громъ бы ихъ ясный! — крикнулъ Мстиславъ увидѣвъ сквозъ рѣшетку, какъ палачи вздернули знакомаго ему мужика. Чтобы васъ проказа точила до скончанія вѣка, аминь!

— Тише, господа — отозвался лежащій въ углу старикъ-священникъ — тише! Не слѣдуетъ проклинать и гнѣвить Бога. Молитесь лучше за враги ваша, не вѣдаютъ бо, что творятъ. Пожалѣйте себя и насъ, ибо здѣсь стѣны имѣютъ уши. Господь то знаетъ, что несетъ намъ ближайшая минута. Мало ли повѣсили насъ между небомъ и землей? Они не прочь взорвать и насъ вмѣстѣ съ тюрьмой. Лучше молчите, или молитесь господа!

— Полно-те, батюшка, полно! Боже помози, а ты, небоже, не лежи! — сказалъ не старый еще адвокатъ. — Правда, проклятія намъ не помогутъ, но и молитва наша намъ не помогла. Молились мы и Господу и цѣсарю и за вѣрность свою, что получили? Что получили мы за Солферино и Санта-Лучія? А за 1848 годъ что? Мы Тиролецъ Востока! Идѣвательства надъ всѣмъ, что намъ святое, побои, тюрьму, позоръ, вши, висѣлицу. Кому отдана жизнь наша? Швабамъ, мадьярамъ, ихъ прислужникамъ, сынамъ Израиля, живодерамъ, палачамъ!

— Такъ это такъ, господинъ меценатъ — сказалъ степенный крестьянинъ — но все таки горячая молитва, говорятъ, спасаетъ и на землѣ и на водѣ, а ось спасетъ и насъ въ австрійской тюрьмѣ. Для насъ ничего больше не осталось, кромѣ молитвы.

Въ это время Львовъ переживалъ послѣднія минуты австро-мадьярскаго владычества. Товстопузые, выхоленные на австрійскихъ хлѣбахъ поспѣпаки бросали насиженные выгодныя мѣста и вмѣстѣ съ женами и чадами своими спѣшили на вокзалъ. Кучи жидовъ, жидовокъ и жиденятъ суетились и галдѣли не зная, что дѣлать со своими пожитками. Войска бѣгутъ не останавливаясь. Тюремные ключники, профосы, надзиратели и военная служба бѣжала. Заключенныхъ охватилъ ужасъ. „Что теперь будетъ, когда насъ позабудутъ и никто не откроетъ дверей тюрьмы?“ — думали узники. Священникъ палъ на колѣни и сталъ молиться: „Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое!“ Большинство узниковъ стало тоже на колени и пов-

таряло слова священника. Ничего болѣе не оставалось. Какая-то крестьянка убаюкиваетъ плачущее дитя. Вѣра, блѣдная какъ мѣлъ стоитъ точно окаменѣвшая прислонясь къ стѣнѣ. Даже Ярославъ и Мстиславъ повѣсили головы и опустили руки. Идутъ минуты за минутами, гробовая мучительная, невыносимая тишина кажется вѣчностью.

— — — — —

Чу! слышатся крики: „Казаки, казаки во Львовѣ!“ Ярославъ и Мстиславъ бросились къ двери, бьютъ кулаками. Никто не откликается. Тогда вырвали они доски изъ нарѣ и стали колотить ими со всей силы. За дверью послышались звуки и стуки: „Бахъ, ба-бахъ, трахъ!“ дверь разламалась и на порогѣ стануль казакъ да крикнуль: „Свобода, братья, миръ вамъ!“ — Это былъ сотникъ Славяновъ, а позади стоялъ Богданъ, направившій сюда казаковъ. Могучее русское слово казака такъ сильно, такъ радостно подѣйствовало на узниковъ, что они не въ состояніи были промолвить ничего больше, кромѣ: „Спасибо!“ Но того, что сію минуту происходило въ душѣ и сердцѣ освобожденныхъ, уста не расскажутъ, языкъ не „изглаголетъ“ самаго краснорѣчиваго писателя. Никакой художникъ не могъ бы схватить того радостнаго выраженія лицъ, какое засіяло на лицахъ галицко-русскихъ страдальцевъ. Вѣра превратилась вся въ радугу влившихъ взорами въ Богдана, отъ котораго оторвать не могла очей своихъ ясныхъ, брызгающихъ жемчугомъ слезъ умиленія, и кто знаетъ, не впилась бы она въ браваго юношу еще устами, если бы... если-бъ не стыдъ дѣвичій. Эхъ! — Но быть можетъ и лучше, не *miscantur profana divinis*. На глазахъ всѣхъ блѣстѣли слезы радости.

— Поклонъ вамъ, страдальцы, за Русь святую! — и привѣтъ отъ вѣрныхъ сыновъ ея съ надѣ тихаго, синяго Дона! — сказалъ Славяновъ добавляя: „Ступайте съ Богомъ теперь домой и любите Родную больше чѣмъ до сихъ поръ! А до казаковъ своихъ сказалъ: „А мы братцы, пойдемъ дальше гулять, братьевъ нашихъ освободить“.

— И мы и мы, пойдемъ съ вами — взмолились Мстиславъ и Ярославъ — возьмете и насъ вмѣстѣ съ собою, не откажите!

— Что-же, пойдемте — сказалъ Славяновъ — а вы, батюшка, благословите сыновъ Карпатъ.

Старый священникъ, не ожидавшій такого исхода, съ радостію благословилъ Мстислава и Ярослава и остальныхъ. Когда Славяновъ со своей сотней гулялъ по городу, повсюду слышались возгласы: „Козаки, козаки во Львовѣ!“

Какъ я люблю!

Когда народнымъ бурямъ внемлю,
И съ тайнымъ трепетомъ гляжу,
Какъ Божій гнѣвъъ караетъ землю,
Предавъ народы мятежу;
Когда надменные ученья,
Плоды лжемудрости и тьмы,
Питаютъ ядомъ обольщенья
Самолюбивые умы;
Когда рука слѣпой гордыни,
Не зная граней, ни препонъ,
Срываетъ общества твердыни:
Преданья, правду и законъ;
Когда духъ буйный и тревожный,
Когда разнузданная страсть,
Подъ знаменемъ свободы ложной
Насилій воцаряютъ власть —
О, какъ въ тѣ дни борьбы мятежной
Еще любовнѣй и сильнѣй
Я припадаю съ лаской нѣжной
На лоно матери своей;
Какъ въ эти дни години гнѣвной
Ты мнѣ мила, Святая Русь,
Молитвой теплой, задушевной,
Какъ за тебя въ тѣ дни молюсь;
Какъ я люблю твое значенье
Въ земномъ всемірномъ бытіи,
Твое высокое смиренье
И жертвы чистыя твои;
Какъ дорожу моею любовью
И тѣмъ, что я твой сынъ родной;
Какъ сознаю душой и кровью,
Что кровь твоя и духъ я твой!

Великая Галицкая битва.

Лѣтомъ 1914 года разразилась надъ Европой ужасная военная гроза, распространившаяся затѣмъ на весь земной шаръ. Военная буря захватила насъ на сѣверныхъ склонахъ Карпатъ и мы видѣли всего лучше, какъ она бушевала въ этихъ мѣстахъ: На галицко-волинской землѣ столкнулись двѣ могучія арміи, какъ двѣ градовые тучи, сверкая молніями разрывающихся снарядовъ, гремя гуломъ орудій, сыпя градомъ пуль, поливая землю потоками крови, ручьями слезъ, устилаая золотыя нивы, цвѣтушіе луга, зеленые лѣса, синія горы трупами людей, животныхъ, обломками всевозможныхъ предметовъ. Долго-долго бушевала человѣческая стихія, грохотали пушки, трещали пулеметы, щелкали винтовки, лязжали сабли, ворчали аэропланы, кричали воины, стонали раненые...

Но вотъ въ концѣ-концовъ гроза прошла, буря улеглась и уцѣлѣвшіе отъ разгрома вернулись домой. Но они мало знаютъ изъ того, что творилось во время этого свѣтопредставленія. Находясь на полѣ сраженій или въ тылу, въ окопахъ или уютныхъ комнатахъ, въ лагеряхъ или тюрьмахъ, видѣли только небольшой лоскутокъ земли да неба вокругъ себя, слышали отрывочные рассказы про войну, знаютъ приблизительно, что произошло, но что именно, когда и гдѣ, не имѣютъ яснаго понятія. А если даже имѣютъ, такъ этого мало. Нужно еще всякія свѣдѣнія о величайшей войнѣ и выдающихся ея участникамъ закрѣпить на бумагѣ, чтобы онѣ не позабылись и не пропали даромъ. Пусть знаютъ читатели и наши потомки, что очевидцы міровой войны видѣли, слышали, перенесли во время этихъ величайшихъ событій. А тамъ ужъ критикъ пусть разбирается, сколько въ нашихъ повѣствованіяхъ настоящей, а сколько кажущейся намъ правды.

Я хочу представить въ общихъ чертахъ ту часть міровой драмы, которая разыгралась въ 1914 году между Карпатами и среднимъ теченіемъ Вислы, просто для того, чтобы дать читателю возможность познакомиться съ нею ближе, если онъ знаетъ меньше меня. А затѣмъ хочу также обратить вниманіе

на то, что Великая галицкая битва рѣшила дальнѣйшую судьбу воюющихъ державъ, въ первую линію Германіи, виновницы этой войны. Это неопровержимая такъ наз. „матеріальная“ истина, развѣ, если кто-нибудь не хочетъ ее знать, а ищетъ „формальной“ истины. Что Великая галицкая битва рѣшила судьбу Германіи и ея союзницы Австріи, доказываетъ слѣдующій фактъ: Германія предполагала кончить войну въ 1914 году. На это указываютъ слова имп. Вильгельма II., повторенныя нѣмецкими салдатами: *Bevor die letzten Blätter von Bäumen fallen, sind wir, Kinder, zu Haus**). Услышавъ эти слова изъ устъ австрійскаго высшаго офицера я даже сказалъ: „Хорошо, только неизвѣстно, въ какомъ году?“ — на что получилъ отвѣтъ: „Самопонятно, въ этомъ“, т. е. въ 1914-омъ. И въ это громадное большинство нѣмцевъ свято вѣрило. Относительно послѣдней великой войны у Германцевъ былъ слѣдующій планъ: Австрія будетъ задерживать Русскихъ. Въ это время Германія ударитъ на Францію и въ продолженіи мѣсяца-двухъ, расправится съ нею. Затѣмъ вмѣстѣ съ Австріей ударитъ на Россію и къ Рождеству покончитъ съ нею. Между тѣмъ случилось иначе: Галицкая битва помѣшала Германіи раздавить Францію въ опредѣленное время, а послѣ Германія не была въ состояніи сдѣлать этого. Война сдѣлалась затяжной на нѣсколько лѣтъ и довела Германію къ капитуляціи, а Австрію къ развалу.

Прежде чѣмъ приступить къ очерку Великой галицкой битвы считаю нужнымъ пояснить, какъ до нея дошло. Это случилось слѣдующимъ образомъ: Легкая побѣда и миліарды, какіе достались Германцамъ отъ Французовъ послѣ Нѣмецко-французской войны 1870-го года, разожгли у Германцевъ самолюбіе и алчность еще къ большой наживѣ и къ міровому господству. Нѣмцы думали, что Французы совершенно побѣждены ими и не скоро будутъ въ состояніи оправиться послѣ пораженія. Согласно Версальскаго мира 1871 года Германцы имѣли такъ долго оставаться во Франціи, пока Французы не уплотятъ колоссальной на это время контрибуціи въ пять миліардовъ. Такимъ образомъ Нѣмцы думали закрѣпить за собой господствующее положеніе въ средней и западной Европѣ на долгое время. Но случилось что-то невѣроятное: Француженки, не говоря о Французахъ, отказались отъ всей „мамоны“ и сложили на жертвенникъ отечества все свое достояніе; даже серги вынимали изъ ушей, чтобы чѣмъ скорѣй избавиться отъ Нѣмцевъ. И дѣйствительно, къ удивленію всего міра, контрибуція была уплачена въ непродолжительномъ времени и Германцы принуждены были оставить Францію. Тогда Нѣмцы пожалѣли, что не потребовали отъ Французовъ больше и не захватили

*) Прежде чѣмъ послѣдній листъ упадетъ съ дерева, будемъ, ребята, дома.

сѣверо-восточнаго угла Франціи, богатого рудой, такъ какъ этотъ рудный уголь давалъ Французамъ возможность скоро оправиться послѣ пораженія, что и случилось, какъ теперь видимъ. Чтобы не допустить до этого, Нѣмцы рѣшили захватить этотъ уголь и въ той цѣли намѣревались объявить Франціи войну въ 1875 году. Помѣшалъ этому имп. Александръ II-ой и оттуда антагонизмъ между Германіей и Россіей. Съ тѣхъ поръ начали Нѣмцы думать, чтобы отомстить Россіи. Въ Мадьярахъ нашли они союзника, немогущаго простить Русскимъ 1848-го года. Оттуда и звѣрства Мадьяръ на русскомъ населеніи Прикарпатя во время послѣдней войны, ибо для нихъ все равно, что Руснакъ, что Русинъ, что „Урусь“, что Русский. Но съ Россіей не такъ ужъ легкое дѣло. Чтобы отомстить кому-либо, нужно имѣть достаточную силу. Поэтому Германія съ 1875 года начала усиленно вооружаться. Видя это другія государства стали дѣлать то-самое. Но Германія опережала всѣхъ въ каждомъ отношеніи. Прежде всего воспитывала военный духъ во всемъ нѣмецкомъ народѣ. Затѣмъ подготавливала всѣхъ и вся такъ, чтобы въ случаѣ необходимости можно примѣнить это къ военнымъ надобностямъ. Всѣ частныя фабрики и заводы были построены или перестроены такъ, что въ каждую минуту могли быть превращены въ военные лабораторіи самаго широкаго значенія. Въ многихъ мѣстахъ, особенно на границѣ Франціи, строились бетонныя площадки, на которыхъ можно было бы поставить тяжелыя орудія (die Wacht am Rhein). Все это дѣлалось такъ ловко и незамѣтно, что непосвященные въ военные мистеріи даже не подозрѣвали, зачѣмъ это дѣлается. Но всѣ эти вооруженія и военные приготовления стоили громадныя денегъ. Дабы покрыть недоимку въ военныхъ издержкахъ, Нѣмцы стали выдѣлывать и бросать на міровой рынокъ такъ наз. „нѣмецкую дешевку“, которой чаяли побить товары другихъ державъ. Но куда было дѣвать эту дешевку? Во Франціи, Англіи и Америкѣ, гдѣ своихъ лучшихъ товаровъ имѣлся излишекъ, нѣмецкіе товары не могли выдержать конкуренціи, Россія предпочитала товары французскіе, англійскіе, американскіе и свои собственные; колоній у Германіи подоходныхъ не было. Оставался одинъ путь черезъ Австро-Венгрію на Балканскій полуостровъ а затѣмъ въ Турцію, Персію и.. можетъ быть въ Индію. Но этому стремленію Нѣмцевъ сильно мѣшали Франція, Англія и Россія, которыя желали сохранить эти страны за собой, дабы имѣть мѣсто сбыта для излишка своихъ товаровъ, для личныхъ выгодъ, для экономическихъ и политическихъ цѣлей и прч. Что дѣлать? Нѣмцы не видѣли для себя другого выхода кромѣ войны. Поэтому такъ сильно подготавливались къ ней. Наконецъ все было готово. Надо было только подыскать подходящее время и поводъ. И вотъ онѣ нашли въ 1914 году. Нѣмцы къ этому времени были вооружены съ ногъ

до головы и лучше всѣхъ. Экспозитура Германіи Австро-Венгрія тоже. Австрійскій имп. Францъ-Иосифъ былъ старъ и дряхлъ на столько, что съ нимъ можно было дѣлать все угодное. Россія еще не поправилась вполнѣ послѣ Русско-Японской войны. Францію разѣдали соціальные домашніе споры и роскошь. Англія была занята больше своими всемірными дѣлами и торгашествомъ, чѣмъ подготовкой къ войнѣ. Однимъ словомъ болѣе подходящаго времени для Нѣмцевъ не сыскать. Нуженъ только поводъ. А объ этотъ не трудно. Отправляется австрійскій престолонаслѣдникъ Францъ-Фердинандъ въ Боснію и провоцируетъ тамъ Сербію. Сербы, выведенные изъ равновѣсія, убиваютъ престолонаслѣдника посредствомъ Принципа. Вотъ и поводъ готовъ, лучше какого для Нѣмцевъ не нужно.

По этому поводу Австрія объявляетъ Сербіи войну 15. (28.) іюля 1914 г. Въ защитѣ Сербіи стаетъ Россія, считавшая себя защитницей славянъ и предлагаетъ Австріи уладить дѣло мирнымъ путемъ. Напрасно. Во избѣжаніе потери авторитета Россія мобилизуетъ свои войска. Этого только и нужно для Нѣмцевъ, которые выступаютъ въ защитѣ союзной Австріи посредствомъ Германіи. Послѣдняя требуетъ отъ Россіи прекращенія мобилизаціи въ то время, когда сама была уже смобилизована до мельчайшихъ подробностей и только не объявляла того. Имп. Николай II. телеграфируетъ имп. Вильгельму II. поладить дѣло по дружески. Напрасно!... 19. іюля (1. авг.) Германія объявляетъ войну Россіи, а 21. VII. (3. VIII.) Франціи какъ союзницѣ Россіи. Того же 21. іюля (3. авг.) Германія нарушая нейтралитетъ вламывается черезъ Бельгію въ Францію въ предположеніи, что Бельгійцы имъ не помѣшаютъ, а Англичане сохранять вооруженный нейтралитетъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ проклятіе Нѣмцевъ: *Gott, bestrafe England !* *), когда предположеніе Нѣмцевъ не оправдалось. Но Англичане сразу поняли, къ чему довелъ бы ихъ вооруженный нейтралитетъ, т. е. пассивность, а потому ихъ правительство объявило 23. іюля (5. авг.) войну Германіи. Затѣмъ 24. іюля (6. авг.) Австрія объявила войну Россіи. Такъ началась Великая европейская война.

Австрія объявила мобилизацію 17. (30.) іюля. Въ Россіи мобилизація была объявлена 18 (31.) іюля**). Послѣ объявленія мобилизаціи началось ея осуществленіе, а за тѣмъ развертываніе мобилизованныхъ войскъ. Все это продолжалось приблизительно по 1. (14.) августа. Австрійцы окончили свои приготовления раньше Русскихъ и развернулись вдоль жел. дор. линіи Краковъ-Львовъ-Черновцы. Германцы развернулись на линіи Торнъ-Краковъ. Русскіе же приблизительно на линіи:

*) Боже, накажи Англію!

**) по словамъ ген. Н. В. Рузскаго, но по сообщеніямъ газетъ 17. (30.) іюля.

Ковна-Вильна - Гродна - Бѣлостокъ - Сѣдлецъ - Люблинъ - Холмъ - Ковель-Киверцы-Здолбуново-Каменецъ Подольскъ. Главнокомандующими у Германцевъ на восточномъ фронтѣ были: принцъ Іоachimъ, ген. Макензенъ и ген. Гинденбургъ; послѣдній въ восточной Пруссіи. У Австрійцевъ такъ все держалось въ тайнѣ, что и до сихъ поръ трудно было узнать, какой въ началѣ войны былъ у нихъ высшій командный составъ. Только по слухамъ проскользнуло имя ген. Брудермана, дѣйствовавшаго гдѣ-то въ окрестностяхъ Томашова и Русской Равы. Кромѣ этого командующими арміями были ген. Ауфенбергъ и ген. Гецендорфъ. Комендантомъ Львова былъ ген. Колошвари. Русскими войсками руководили: Верховный главнокомандующій вел. князь Николай Николаевичъ; главнокомандующій сѣверо-западнымъ фронтомъ ген. Жилинскій; главнокомандующій юго-западнымъ фронтомъ ген. Ивановъ и его помощникъ ген. Алексѣевъ; командующіе на сѣверо-западномъ фронтѣ (считая съ сѣвера на югъ): I-ой арміей ген. Ренненкампфъ, II-ой арміей ген. Самсоновъ, IX-ой арм. ген. Лечицкій; на юго-западномъ фронтѣ: IV-ой арм. ген. Эвертъ, V-ой арм. ген. Плеве, III-ей ген. Рузскій, VIII-ой ген. Брусиловъ. Арміи занимали фронтъ приблизительно на слѣдующихъ участкахъ: VIII-ая отъ Каменецъ Подольска по Волочискъ, III-ая отъ Волочиска по Дубно, V-ая отъ Дубно по Владимиръ Волинскій, IV-ая отъ Владимиръ Волинскій по Люблинъ; затѣмъ IX-ая армія отъ Люблина по жел. дор. станцію Малнинъ на Бугѣ (по жел.-дор. линіи Варшава-Петроградъ), II-ая отъ Малнина по Гродну, I-ая отъ Гродны по Ковну. Австрійскій фронтъ въ началѣ войны представлялся приблизительно такъ: Отъ Кракова по Перемышль III-ая армія, отъ Перемышля по Львовъ IV-ая арм., отъ Львова по Черновцы II-ая армія.

У Австрійцевъ, какъ это послѣ показалось, былъ слѣдующій планъ: Въ восточной Галичинѣ, на востокъ отъ Львова, гдѣ для наступленія Русскихъ были большія преграды въ видѣ лѣвобережныхъ притоковъ Днѣстра, держаться оборонительной тактики, а главныя силы бросить на Люблинъ Холмъ и Владимиръ Волинскій, сбить правое крыло юго-западнаго русскаго фронта и выдти въ тылъ сѣверо-западному фронту, а тамъ дальше, что покажется. Такъ и сдѣлано: Поставивъ на восточной границѣ Галичины и Буковины сильный заслонъ Австрійцы сосредоточили главныя силы на линіи Сандомиръ-Сокаль и затѣмъ двинулись въ передъ, такъ что уже 4. (17) августа ихняя пѣхота атаковала Красникъ (юго-западнѣе Люблина) а кавалерія Владимиръ Волинскій. Русскіе въ то время еще не думали наступать, такъ какъ у нихъ было рѣшено начать наступленіе только послѣ окончанія мобилизаціи, а наступленіе начать около 12.—13. августа (25.—26. VIII) т. е. послѣ окончанія всѣхъ

приготовленій*). Но получились точныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ во Франціи и настойчивыя требованія союзниковъ, чтобы Русскіе немедленно начали военныя дѣйствія, такъ какъ Германцы продвигаются быстро къ Парижу. Въ виду этого Русскіе были принуждены начать наступленіе 6—7 дней раньше, что неблагоприятно отразилось на дальнѣйшей кампаніи, ибо надо было измѣнить планъ военныхъ дѣйствій, что не такъ легко сдѣлать съ миліонной арміей. Но преждевременное наступленіе русскихъ спасло Францію отъ разгрома, а Европу отъ нѣмецкаго засилья.

Русскія арміи, получивъ приказъ, начали 6. (19.) августа наступленіе на всемъ фронтѣ отъ Карпатъ по Балтій. Первымъ перешель австрійскую границу, рѣку Збручъ, генераль Брусиловъ со своей VIII-ой арміей, затѣмъ ген. Рузскій съ III-ой арміей, а около 10. (23.) VIII. начали наступать Плеве и Эвертъ со своими арміями. Брусиловъ и Рузскій продвигаясь съ боемъ впередъ достигли 11. (24.) VIII. рѣки Серета тѣсна передъ собою Австрійцевъ. 12. (25.) VIII. надо было дать войскамъ передышку, такъ какъ обозы отстали и солдаты уже нѣсколько дней ѣли только сухари. 13. (26.) августа завязались на всемъ юго-западномъ фронтѣ кровопролитные бои. Въ ту пору Самсоновъ и Ренненкампфъ продвинулись съ боемъ далеко въ глубь Восточной Пруссіи. Въ Галичинѣ 13. (26.) августа бои кипѣли уже на Золотой Липѣ. Послѣ сраженій у Бережанъ и Нижнева Австрійцы были сбиты со всѣхъ позицій. Но на Волини въ то время, послѣ ожесточенныхъ боевъ въ окрестностяхъ Томашева, Туробина, Красника, Австрійцы стали тѣснить Русскихъ. Плохо пришлось V-ой арміи Плеве и VI-ой Эверта. Австрійцы, перебросивъ у Юзефова (на западъ отъ Люблина) изъ лѣваго берега Вислы, на правый значительныя силы, ударили въ правый флангъ Эверта, а сѣвернѣе Сокаля ринулись въ нѣмъ не защищаемый участокъ между арміями Плеве и Рузскаго и быстро продвинувшись къ Лашову стали громить лѣвый флангъ Плеве. Такимъ образомъ Плеве и Эвертъ очутились въ объятіяхъ Австрійцевъ, которые кромѣ этого имѣли большой успѣхъ у Красника. Положеніе IV-ой и V-ой армій сдѣлалось очень тяжелымъ. Въ виду этого Рузскому былъ данъ приказъ поспѣшить съ помощью Плеве и Эверту. Рузскій однако этого приказа не исполнилъ, ибо считалъ болѣе важнымъ раздѣлаться съ непріателемъ раньше на Львовскомъ фронтѣ. Впрочемъ это показалось излишнимъ, ибо Плеве разбилъ 15. (28.) VIII. своимъ лѣвымъ крыломъ у Лашева зарвавшуюся 15-ую дивизію противника. Но на Люблинскомъ фронтѣ дѣло было плохо. Австрійцы не только отбросили прагое

*) Это, какъ и многія другія подробности, извѣстно автору настоящей статьи изъ лекціи ген. Н. В. Рузскаго, произнесенной въ Кисловодскѣ 18. II. (3. III.) 1918 года.

крыло Эверта къ Люблину, они сдѣлали еще между его лѣвымъ и правымъ крыломъ Плеве прорывъ, заняли 17. (30. VIII.) Краснотавъ, а послѣ сраженія у Суходола жел. дор. станцію Травники (западнѣе Холма). Генераль Рузскій опять получилъ приказъ идти на помощь Плеве и Эверту и опять отказался отъ исполненія этого приказа, ибо въ то время, 16., 17., 18. авг. (29., 30., 31. VIII.) онъ и Брусиловъ вели съ Австрійцами ожесточенную борьбу на Гнѣлой Лѣпѣ. Въ этомъ кровопролитномъ сраженіи у Перемышлянъ, Рогатина, Галича, Австрійцы потерпѣли жестокое пораженіе; особенно имѣлъ пострадать Вѣнскій полкъ „Дейчмейстровъ“. Сбитые со всѣхъ позицій Австрійцы въ паническомъ страхѣ бѣжали и оставили на полѣ сраженія множество труповъ, а на пути своего слѣдованія массу всякаго имущества и воинскаго снаряженія. На слѣдующій день, т. е. 19. авг. (1. сент.), общими усиліями IV-ой и V-ой арміи (Плеве и Эверта) былъ отнятъ у Австрійцевъ Краснотавъ, а 20. авг. (2. IX.), послѣ разгрома X-ого австрійскаго (Перемышльскаго) корпуса генераломъ Мрозовскимъ въ бою опять у Суходола, также Травники. Послѣ побѣды у Суходола положеніе армій Плеве и Эверта значительно улучшилось, но не перестало быть тяжелымъ. Въ это время Рузскій подходилъ къ Львову, куда отправилъ лучшаго русскаго летчика Нестерова на развѣдку. Черезъ два часа Нестеровъ возвратился, великолѣпно выполнивъ свою задачу и сообщилъ, что Львовъ эвакуируется. Вечеромъ того же 20-го авг. (2. IX.) ко Львову были еще посланы въ автомобилѣ офицеры, которые послѣ возвращенія сообщили, что видѣли огни, отступающія войска и подводы Австрійцевъ. Рузскій издалъ приказъ арміи идти на Львовъ. На слѣдующій день началось наступленіе. Большого сопротивленія не было со стороны Австрійцевъ. Русскіе заняли въ 11 ч. дня Винники а затѣмъ были заняты ими Львовъ 21. авг. (3. IX.).

Послѣ занятія Львова Рузскій рѣшилъ, что его цѣль достигнута, т. е. австрійскій заслонъ въ восточной Галичинѣ разбитъ, отброшенъ и теперь онъ можетъ идти на помощь Плеве и Эверту. Не теряя времени онъ въ тотъ же день, когда былъ занятъ Львовъ, посылаетъ ген. Радко-Дмитріева съ частью своей III-ей арміи на западъ за отступающимъ противникомъ, а самъ съ четырьмя корпусами отправляется на сѣверъ и къ 22 му авг. (4. IX.) занимаетъ исходное положеніе между Жолквой и Белзомъ. Какъ разъ въ это время закончилось передвиженіе IX ой арміи ген. Лечицкаго въ окрестность Люблина въ подмогу изнывающимъ отъ безпрестанныхъ и жестокихъ боевъ съ превосходными силами Австрійцевъ Эверту и Плеве. Теперь Австрійцы были окружены съ переди и фланговъ и очутились въ такомъ положеніи, какъ были прежде Русскіе. Но Австрійцы не унывали, а продолжали напирать на Эверта и Плеве. Особенно яростно питались они прорвать связь между арміями

Плеве и Рузскаго. Кромѣ этого сосредоточивъ крупныя силы на правомъ берегу Днѣстра бросились на Брусилова. Наконецъ обрушились съ ново собравшимися силами на Радко-Дмитріева, находившагося съ 8-ымъ корпусомъ на западъ отъ Львова, чтобы сбить его и ударить въ тылъ Рузскому. Такимъ образомъ завязались ожесточенные бои на линіи: Галичъ-Николаевъ-Комарно-Городокъ-Жолква-Белзь-Лашовъ-Замостье-Красникъ.

Это и есть Великая галицкая битва, продолжавшаяся съ 23. по 28. августа (5.—10. сент.) включительно. Во время этого сраженія, въ которомъ принимали съ обѣихъ сторонъ миліоны людей, щастье военное переходило то на одну то на другую сторону. Отчаянное положеніе Австрійцевъ придавало имъ удвоенную силу. Вслѣдствіе того положеніе Русскихъ на всемъ юго-западномъ фронтѣ стало необыкновенно тяжелымъ, а около 26. авг. (8. сент.) прямо критическимъ. Австрійцы съ особеннымъ ожесточеніемъ бросались на фланги армій всѣхъ командующихъ юго-западнаго фронта, стараясь порвать связь между ихъ арміями, и начали одолѣвать Русскихъ у Красника (правое крыло Эверта), у Красностава (между арміями Эверта и Плеве), у Сокаля (между арміями Плеве и Рузскаго, у Городка (между арміей Рузскаго и войсками Радко-Дмитріева) и на обоихъ флангахъ Брусилова; однимъ словомъ метались на всѣ стороны какъ загнанный раненый звѣрь, стараясь вырваться изъ западни, какую готовили на Волыни для Русскихъ, а въ какой теперь сами очутились. На слѣдующій день 27. августа (9. IX.) благодаря стратегическому уму главнокомандующаго юго-западнымъ фронтомъ, дружнымъ усиліямъ командующихъ арміями Лечицкаго, Эверта, Плеве, Рузскаго, Брусилова и до-блести русскихъ войскъ, Австрійцы были сбиты со всѣхъ позицій и послѣ ожесточеннаго сраженія у Лашова начали быстро отступать къ нижнему теченію рѣки Санъ. Русское командованіе быстро оцѣнивъ благопріятный для себя моментъ взяло изъ завислинскаго фронта три дивизіи конницы и бросило ихъ на правый берегъ Вислы въ тылъ отступающему непріятелю. Очутившись въ отчаянномъ положеніи Австрійцы во избѣжаніе катастрофы бросились на проломъ между армій Плеве и Рузскаго съ громадными силами и массой кавалеріи (кажется ген. Брудермана). Кромѣ этого ударили на 8 ой корпусъ Радко-Дмитріева, защищавшаго на р. Верещицѣ участокъ между арміями Рузскаго, и на Брусилова. Положеніе сражающихся начело вновь осложнялось. 28 ое авг. (10. IX.) былъ феральный день для обѣихъ сторонъ. Генералъ Рузскій находился между Жолквой и Белзомъ въ критическомъ положеніи. Радко-Дмитріевъ еле-еле отбивая бѣшенныя атаки Австрійцевъ, угрожающихъ выдти въ тылъ Рузскому, узнаетъ, что со стороны Перемышля идетъ Австрійцамъ подкрѣпленіе въ числѣ нѣсколькихъ корпусовъ. Онъ отдаетъ приказъ къ наступленію и спѣшитъ на

передовыя позиціи посмотрѣть, что тамъ творится. Солдаты изнуренные безпрестанными боями не могутъ подняться, а врагъ каждую минуту можетъ обрушиться на нихъ и перебить усталыхъ. Радко-Дмитріевъ въ отчаяніи хватаетъ отъ солдата винтовку и съ крикомъ: „За мной, братья!“ бросается впередъ. Примѣръ полководца увлекаетъ солдатъ, вливаетъ въ нихъ новую энергію и они сбиваютъ противника прежде, чѣмъ успѣло ему подкрѣпленіе. Австрійцы въ паникѣ бросились назадъ и отступили вмѣстѣ съ подкрѣпленіями. Въ этомъ бою на р. Верещицѣ Австрійцы потеряли всю свою тяжелую артилерію, только что притащенную изъ Перемышля.

Въ это время ген. Рузскій сражался съ превосходными силами Австрійцевъ на линіи Жолква-Белзъ возясь съ ними въ тѣхъ мѣстахъ еще съ 23. авг. (5. IX.). Послѣдствіемъ этихъ состязаній было грандіозное сраженіе у Равы Русской 28. авг. (10. X.), гдѣ Австрійцы бросили въ бой массу кавалеріи. Около шести полковъ, какъ шесть волнъ сине-краснаго моря гнанныхъ вѣтромъ бури, понеслось на сѣрые ряды русскаго воинства. Ихъ встрѣтилъ ураганный огонь замаскированной русской артилеріи. Дрогнула земля отъ раскатовъ грома орудій и трескота пулеметовъ, сверкнули молніи шрапнели, покосами ложились ряды нараввавшихся всадниковъ, пока не разбились въ дребезги. Тогда все поле подъ Русской Равой показалось покрытое красными рейтузами гусаръ или улановъ. „Скошенъ былъ цвѣтъ луговъ и степей синяго Дуная“. Военныя силы могучей Австрійской арміи были сломлены на всей линіи отъ Днѣстра по Вислу разъ на всегда.

Послѣ сраженія у Русской Равы генераль Рузскій былъ вызванъ 29. авг. (11. IX.) въ „Ставку“ и тамъ назначенъ на мѣсто ген. Жилинскаго главнокомандующимъ сѣверо западнаго фронта, потерпѣвшаго въ половинѣ августа ст. ст. въ Восточной Пруссіи большое пораженіе: Вся II-ая армія ген. Самсонова была выбита изъ строя, а I-ая армія ген. Ренненкампа была отброшена съ большими потерями назадъ. Что случилось? Случилось вотъ что: Русскіе, какъ уже было сказано выше, по требованію союзниковъ начали наступленіе за недѣлю раньше, чѣмъ было положено т. е. въ то время, когда къ наступленію были еще несовсѣмъ готовы. Это помѣшало ихъ планы. Но трудно было откладывать, пока Германія раздавить Францію. Ввиду того Самсоновъ и Ренненкамппъ сейчасъ послѣ полученія приказа начали наступать и къ 14. (27.) августа продвинулись съ боемъ далеко въ глубь Пруссіи. Ген. Самсоновъ въ увеличеніи успѣхами русскаго оружія совершилъ большую ошибку. Отличаясь замѣчательнымъ мужествомъ думалъ онъ, что его мѣсто не въ тылу арміи, а на передовыхъ позиціяхъ, гдѣ личнымъ примѣромъ чудесъ докажетъ. Но на дѣлѣ показалось что-то другое. Выдвинувшись черезчуръ впередъ онъ

потерялъ возможность руководствовать дѣйствіями поодинокихъ частей арміи подобно тому, какъ управляющій цугомъ лихихъ лошадей хотѣлъ бы править ими съпереди, а не съ козловъ. Такъ вотъ и Самсоновъ потерявъ вожжи т. е. связь своей арміи не могъ ею какъ слѣдуетъ править, вслѣдствіе чего части его арміи попутались среди лѣсовъ и озеръ Пруссіи. Германцы, освѣдомленные черезъ шпіоновъ о положеніи II-ой русской арміи, ударили на поодинокія, разрозненныя ея колонны и нанесли имъ жестокое пораженіе въ окрестностяхъ Сольдау: 13 ый корпусъ попалъ цѣликомъ въ плѣнъ, а 15-ый вышелъ изъ боя съ большими потерями. Высшій командный составъ и самъ Самсоновъ попали тоже въ плѣнъ. Вслѣдствіе пораженія Самсонова I-ая армія Ренненкампа очутилась въ прескверномъ положеніи, изъ котораго вышла только при концѣ августа ст. ст. и то съ большими потерями. Уцѣлѣвшія части обѣихъ армій были чѣмъ скорѣе отведены въ тылъ на русско-прусскую границу. Въ такомъ положеніи получилъ ген. Рузскій командованіе сѣверо-западнымъ фронтомъ.

Галицкая побѣда Русскихъ омрачилась Прускимъ ихъ пораженіемъ, или наоборотъ: Галицкое пораженіе Австрійцевъ озарилось Прускою побѣдой Германцевъ, но пользы Нѣмцамъ не принесло; напротивъ, это ихнее щастіе оказалось позже несчастіемъ, ибо, не взирая на Сольдаускую побѣду, Германцы были принуждены снять съ французскаго фронта значительныя силы, чтобы спасти Австрію и свои восточныя владѣнія отъ поновнаго вторженія Русскихъ. Впрочемъ пораженіе Русскихъ на сѣверо-западномъ фронтѣ относительно не было ужъ такъ велико, о чемъ свидѣтельствуетъ фактъ, что Германцы не посмѣли преслѣдовать Русскихъ дальше своихъ восточныхъ границъ. Это дало ген. Рузскому возможность привести быстро сѣверо-западный фронтъ въ боевую готовность.

Послѣ Великой галицкой битвы уцѣлѣвшія австрійскія войска стали быстро отступать на рѣку Санъ теряя по пути десятки тысячъ бойцовъ, множество лошадей, массу военнаго матеріала и вереницы подводъ съ всякимъ имуществомъ и средствами продовольствія. Вслѣдъ за отступающими въ большомъ безпорядкѣ Австрійцами пустились войска Эверта, Плеве и Радко-Дмитріева, который обнялъ послѣ Рузскаго командование III-ей арміей. Въ это время ген. Брусиловъ преодолевъ цѣлый рядъ сильныхъ предмостныхъ укрѣпленій на Днѣстрѣ: у Нижнева, Галича, Журавна, Николаева двинулся смѣло впередъ на правый берегъ Днѣстра и къ 1 (14)-му сентября, когда авангарды Эверта и Плеве на плечахъ Австрійцевъ переправлялись между Сандомиромъ и Ярославомъ черезъ р. Санъ, войска ген. Брусилова овладѣли уже Галичемъ, Стрыемъ, Черновцами и другими городами Подкарпатя. Русская рать тѣсня всюду непріятеля, забирая массу плѣнныхъ и огромное коли-

чество военной добычи достигла къ 14 (27.) сентября линіи: Тарнобжегъ Ярославъ Лиско-Ужокъ, оставивъ за собой перво-классную въ мірѣ крѣпость Перемышль, за фортами котораго спрятались недобитки австрійскихъ армій, конечно осажденные теперь русскими войсками. Въ это время значительныя силы русской конницы юго-западнаго фронта были двинуты на правый берегъ Вислы въ направленіи русско-германской границы для развѣдки, которая установила, что Германцы собираются значительными силами, увеличенными войскомъ снятымъ съ французскаго фронта, ударить на Ивангородъ и Варшаву. И въ самомъ дѣлѣ, Германцы съ Австрійцами перешли вскорѣ послѣ того въ наступленіе въ упомянутомъ направленіи, что угрожало обходомъ праваго крыла галицкаго русскаго фронта. Ввиду этого Русскіе безъ давленія непріятеля отошли 20. сент. (3. X.) на линію р. Сана. Осада Перемышля была снята. Австрійцы вырвавшись изъ крѣпости поспѣшили къ Кракову оставивъ въ Перемышлѣ около 150 тысячную ярмію съ комендантомъ Кусманекомъ во главѣ. Русскіе простояли на р. Санѣ около мѣсяца, т. е. до той поры, пока ген. Рузскій, главнокомандующій сѣверо-западнымъ фронтомъ, не сбилъ Австро-Германцевъ съ Варшавскихъ позицій. Послѣ этого арміи юго-западнаго фронта перешли опять въ наступленіе около 25. окт. (7. XI.) и, обложивъ опять Перемышль, послѣ многочисленныхъ, кровопролитныхъ боевъ достигли около 20. ноября (3. XII.) главнаго хребта Карпатъ и г. Кракова. Это кульминаціонная точка экспансіи Русскихъ. Съ того числа военное счастье начинаетъ колебаться то на одну то на другую сторону. Причиною этого былъ совершенный недостатокъ снарядовъ у Русскихъ: Такъ напримѣръ для тяжелой артилеріи осталось всего по три знарядя на орудіе въ пушечномъ ящикѣ и по три снарядя на пушку въ паркѣ т. е. ничтожное количество, почти ничего. Впрочемъ въ это время у всѣхъ былъ недостатокъ знарядовъ, даже у Германцевъ. Вѣдь никто не предполагалъ, что при современномъ вооруженіи война можетъ сдѣлаться затяжной. Казалось, что это даже немыслимо. По поводу недостатка снарядовъ войска воюющихъ державъ простояли всю зиму съ 14 го на 15-ый годъ почти на одномъ мѣстѣ и хотя были частые бои, иногда очень кровопролитные, но въ общемъ это не измѣняло положенія. Только Перемышль, въ которомъ знарядовъ имѣлась пропасть, гремѣлъ ужасно всю зиму, такъ что гулъ орудій даже во Львовѣ былъ иногда слышенъ, но гарнизону этой крѣпости не помогли ни громъ ни молніи, ни многочисленныя вылазки. Ген. Селивановъ крѣпко держалъ его въ своихъ объятіяхъ. Ген. Рузскій имѣя въ виду то обстоятельство, что Германія, какъ промышленная страна, успеетъ за-зиму приготовить больше знарядовъ чѣмъ земледѣльческая Россія, въ которой и немногочисленныя фабрики

не приготовлены подобно какъ въ Германіи для производства амуниціи, настаивалъ на томъ, чтобы Русскіе бросили западную Таличину, а отошли и укрѣпились на рѣкѣ Санѣ, такъ какъ по его мнѣнію Русскіе тогда были бы непобѣдимы. Но большинство русскихъ военачальниковъ не согласилось съ мнѣніемъ Рузскаго и дальнѣйшая судьба военныхъ силъ Россіи была представлена измѣнчивому счастью.

Д. Ключникъ.

В. Р. Ваврикъ.

Гимнъ Карпато-русскихъ студентовъ.

I.

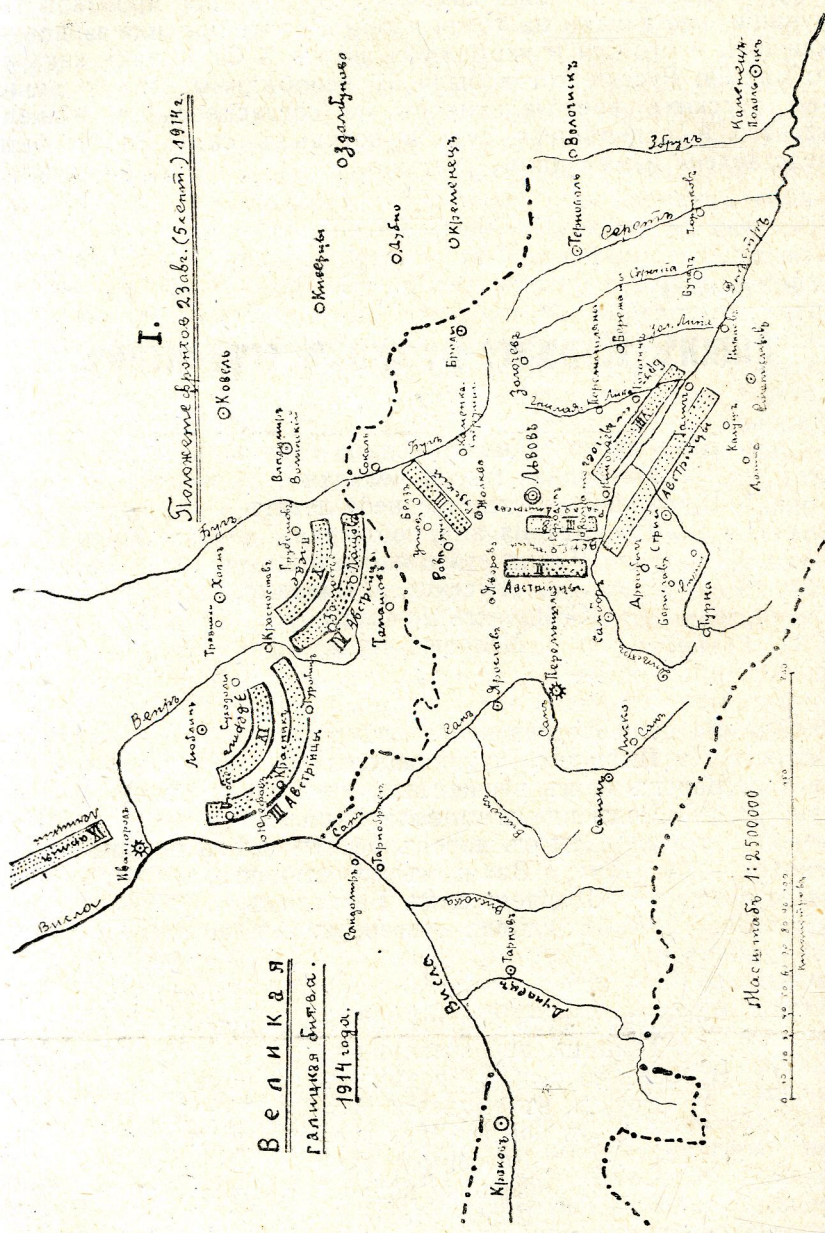
Какъ зарево ранняго солнца горитъ
Свободная мысль молодая
И соколомъ въ чистое небо летитъ
Препятствія всѣ побѣждая.
Помня старины завѣты:
„Русскій до могилы“,
Собираемъ во-едино
Молодые силы.

II.

На нашей отцовской землѣ дорогой
Пышались чужія палаты.
Народъ нашъ несчастный лилъ слезы рѣкой.
Подъ игомъ стонали Карпаты.
Мы въ народъ несемъ свѣтъ правды
Знаньемъ просвѣщенья,
И сіяетъ надъ Бескидомъ
Солнце возрожденья.

III.

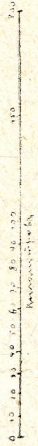
Довольно! насъ больше не устрашать
Темница, веревка, могила.
Впередъ за свободу родимыхъ Карпатъ,
Друзья, въ единеніи сила!
Въ бой за Русь всегда готовы
Не боимся муки
И зовемъ ко всѣмъ, кто русскій:
Подавайте руки!

I.
Положение фронтов 23 августа (5 сентября) 1914 г.

Великая
Галицкая битва.
1914 года.

Масштаб 1:250000

II.

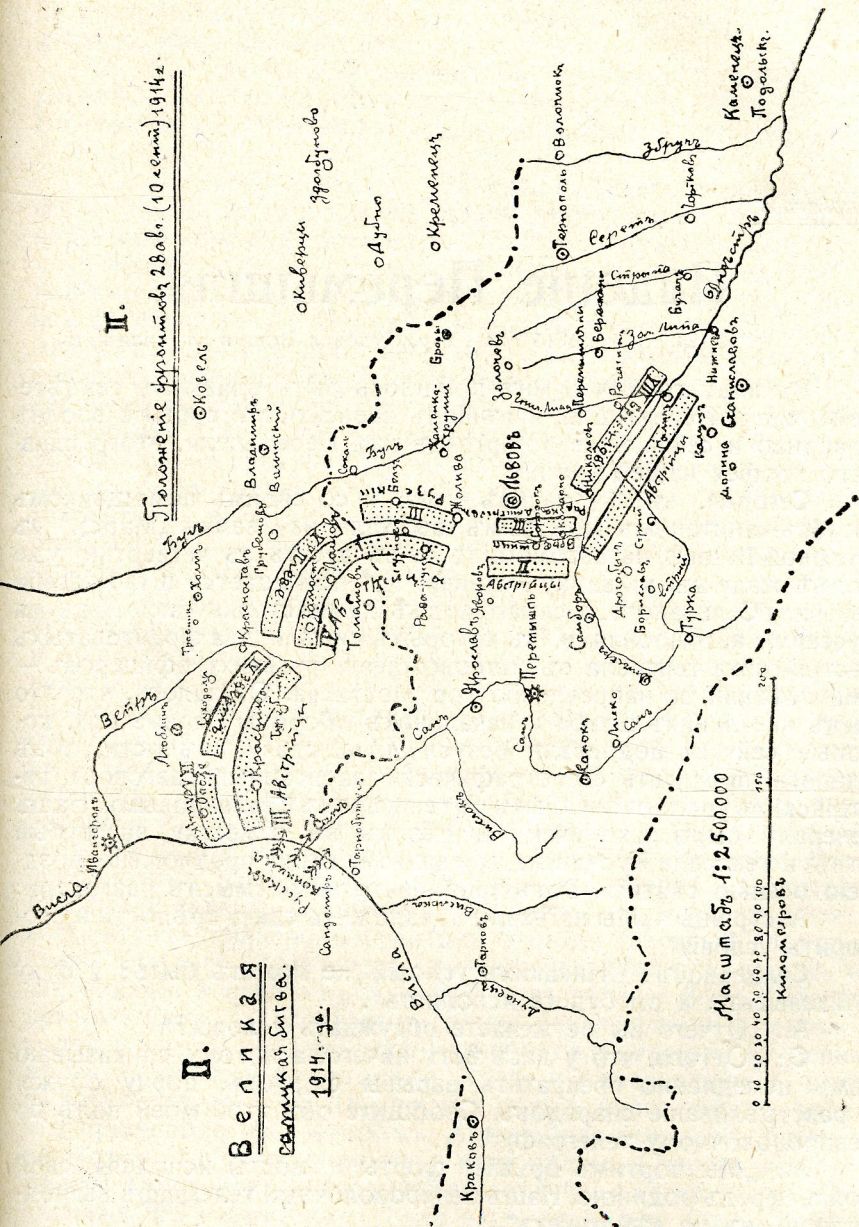
Венская самукай дуга.

1914-гг.

Торговле фронтов 28ав. (10 сент.) 1914г.

II.

ОКОВО

Паденіе Перемышля.

10 (23) марта, 1915 года, гор. Судовая Вишня въ Галичинѣ.

Въ виду того, что мнѣ пришлось быть близкимъ свидѣлемъ сдачи Перемышля, я рѣшилъ записать это событіе вполнѣ правдиво и сейчасъ же по пріѣздѣ изъ Перемышля, этого славнаго трофея нашей арміи.

Сегодня, въ 9¹/₂ часовъ утра, я со своимъ помощникомъ штабсъ-капитаномъ Поповымъ выѣхалъ изъ замка „Марсъ“ въ Судовой-Вишнѣ на автомобилѣ и въ десять съ четвертью уже подъѣзжали мы къ замку Рудники, гдѣ помѣщается штабъ арміи генерала Селиванова. У самого подъѣзда мы столкнулись съ двумя русскими автомобилями, въ которыхъ сидѣли два франтоватыхъ австрійскихъ генерала въ сопровожденіи русскихъ офицеровъ — они поѣхали по направленію гор. Мостиска. Оказалось, что это былъ начальникъ штаба и начальникъ обороны Перемышля, которые сейчасъ подписали безусловную сдачу крѣпости. Мнѣ удалось прочесть стенографически записанный разговоръ австрійскихъ уполномоченныхъ съ генераломъ Селивановымъ. Нашъ генералъ былъ лакониченъ и рѣзокъ въ отместку на грубый отвѣтъ генерала Кусманека, когда тому было предложено поздною осенью сдаться. Вотъ приблизительный смыслъ разговора:

Австрійцы: „Мы пріѣхали предложить сдачу крѣпости и оговорить условія“.

Селивановъ: „Никакихъ условій не можетъ быть; я буду приказывать, а вы будете исполнять“.

А.: „Отчего вы не желаете обсуждать условія?“

С.: „Оттого, что у васъ ѣсть ничего, а потому приказываю вамъ немедленно прекратить взрывы фортовъ, порчу оружія и разстрѣливаніе снарядовъ. Сообщите объ этой моей волѣ по беспроволочному телеграфу“.

А.: „Мы портимъ оружіе, форты и мосты исполняя свой долгъ передъ родиною. Нашъ беспроволочный телеграфъ вы подбили и онъ не дѣйствуетъ“.

*) Подковникъ русской арміи и начальникъ уѣзда Судовая-Вишня.

С.: Я пошлю офицера къ генералу Кусманеку и, если взрывы не прекратятся, то всѣ офицеры гарнизона отвѣтятъ мнѣ голо довою. Какъ великъ гарнизонъ?“

А.: Мы сдаемъ 2500 офицеровъ, изъ нихъ 9 (девять) генераловъ и 130000 нижнихъ чиновъ. Въ городѣ 30000 жителей. Въ гарнизонѣ 19000 больныхъ и раненыхъ. А сколько войскъ у русскихъ?“

С.: „Немного меньше, чѣмъ у васъ. Теперь положите ваши сабли у меня на столъ и вы будете заложниками, пока не вернется мой офицеръ, ротмистръ Субботинъ изъ Перемышля“.

Ночью генераль Кусманекъ подписалъ все, а на утро его повезъ комендантъ главной квартиры XI арміи въ Холмъ, прямо изъ Перемышля, не заѣзжая въ штабъ своего побѣдителя. Но Австрійцы до сихъ поръ не знаютъ, что въ моментъ сдачи Перемышля армія генерала Селиванова состояла только изъ 40000 человекъ въ томъ числѣ около 16000 ополченія. Лучше Австрійцы не портили бы своего оружія исполняя свой долгъ передъ родиной, а опрокинулись бы 80000 ами на Мостиска и взяли бы Львовъ, какъ хотѣли, и тогда бы вышли въ тылъ Станиславу. По мѣткому выраженію генерала изъ штаба Кусманекъ вполне изобразилъ изъ себя пѣтуха, посажденного на полъ, вокругъ котораго провели черту мѣломъ.

Я узналъ пропускъ и вмѣстѣ съ Поповымъ двинулся туда, куда мы никакъ не думали попасть такъ скоро. Въ Ляцкой-Волѣ и Медыкѣ часовые насъ остановили, но узнавъ пропускъ подняли шлагбаумъ (заставу) и мы покатили по замѣчательно живописной дорогѣ къ фортамъ. Уже за Медыкою стояла толпа около тысячи человекъ, страшно изнуренныхъ галичанъ, которые были задержаны Австрійцами какъ рабочіе при крѣпостныхъ работахъ. Видъ у нихъ ужасный. Подѣхали къ форту, возлѣ котораго на столбѣ вывѣшена бѣлая плахтина. Пусть и безмолвенъ. Ни одной души. Орудія съ испорченными замками. Вездѣ проволочныя загражденія въ нѣсколько рядовъ. Осмотрѣли и поѣхали дальше. По обѣимъ сторонамъ шоссе стоятъ десятки австрійскихъ офицеровъ франтовъ. Народъ красивый, здоровый. Очень вѣжливо козыряютъ, салдаты подражаютъ своимъ начальникамъ. У самаго вѣзда въ городъ рѣчечка Вырь (Вигоръ), притокъ Сана, съ взорванными двумя паралельными мостами на колеѣ и шоссе. Рядомъ наши саперы налаживаютъ временный мостъ на козлахъ и понтонный. Когда мы возвращались, мосты были уже готовы. На насыпи уже стоялъ нашъ поѣздъ, только что пришедшій изъ Мостискъ. Автомобиль пришлось оставить, перейти по взорваному мосту и идти пѣшкомъ черезъ все предмѣстье. По сторонамъ расположены отличныя казармы, всѣ одноэтажныя. Въ манежѣ уже стояла наша Уральская сотня. Вокзалъ цѣль и невредимъ. Единственно, что рѣзало глаза, это трупы убитыхъ кавалерійскихъ лошадей у самыхъ казармъ, но не со-

стороны улицы. Въ городѣ масса вѣрныхъ нашихъ и противниковъ и всѣ съ афектованою любезностью козыряютъ другъ другу. Погода дивная, теплая, весенняя. Публика съ любопытствомъ насъ разсматриваетъ. Жида кланяются очень низко. Одинъ даже это дѣлалъ съ третьяго этажа. Дамы дѣлаютъ глазки и флиртъ началъ вступать въ свои права; однимъ словомъ сдача гарнизона полная.

Перемышль городъ красивъ, чистъ, расположенъ на обоихъ берегахъ быстрой большой рѣки Сана. Магазиновъ много, но они большею частью заперты не зная, что съ ними будетъ. Улицы и дома расположены амфитеатромъ по обоимъ берегамъ. Три чудные моста по срединѣ взорваны и опустились въ рѣку, но наши понтоны уже наводятъ понтонный мостъ, хотя съѣзды къ рѣкѣ будутъ трудноваты. Бѣсъ захотѣлось очень сильно, но кромѣ чернаго кофе безъ сливокъ и безъ хлѣба ничего достать нельзя. Кафе отличные не хуже Львовскихъ. Пошли, купили себѣ открытки. Полякъ прикащикъ рассказывалъ, что выдавали по 5 кило конины и по 7 кило муки въ мѣсяцъ на человѣка, при чемъ трое дѣтей считались за одного взрослого. Набережная съ аллеей каштановъ, на ней гвоздь города. Я побывалъ у моего коллеги Перемышльскаго старосты и просилъ его сохранить весь свой архивъ, а также позаботится о такомъ въ окружномъ судѣ и обратить вниманіе на ипотечныя и кадастровыя книги. Онъ угощалъ меня сигарами, которыя я не курю, а также жаловался на осаду, которая его держала какъ школьника въ карцерѣ. Бѣдный! онъ не подозрѣвалъ, что его карцеръ переименуется вмѣстѣ съ нимъ навѣрно въ Сибирь, гдѣ онъ будетъ сытъ, но за то умретъ отъ скуки. Когда мы вернулись къ автомобилю, то повстрѣчали громадный обозъ съ продуктами для городскихъ обывателей, которыхъ будутъ кормить съ завтрашняго дня многія организации. Домой мы вернулись въ семь часовъ вечера голодные, усталые, но довольные и счастливые.

Къ выше приведенному документу, подлинникъ котораго остался у полковника Кирикова, могу прибавить на память потомкамъ еще слѣдующее: Я былъ тоже въ Перемишлѣ послѣ его паденія 12 (25) — 14 (27) марта 1915 г. Мы бросались въ глаза массы австрійскихъ солдатъ съ вербовыми палками, на корѣ которыхъ они вырѣзывали старательно разные узоры готовясь такимъ образомъ въ дальній путь, въ плѣнъ, въ Россію. Но пока они ходили группами по городу и ближайшимъ деревнямъ и вытягивая руки просили: „Хлѣба“. Истощенія однако у нихъ я не замѣтилъ, унынія тоже нѣтъ, а напротивъ какую-то радость. Офицеры всѣ были при шашкахъ конечно съ разрѣшенія русскихъ властей, и тоже въ хорошемъ расположеніи. Они какъ будто спѣшили чѣмъ скорѣй въ плѣнъ. Видѣлъ тоже взорван-

ные форты съ испорченными пушками, взорванные склады пороха и снарядовъ. Много невзорвавшихся снарядовъ лежало на мѣстѣ взорванныхъ складовъ и вокругъ такъ, какъ вырытые бураки на полѣ. Ихъ были тысячи-тысячи. Канавы при дорогахъ возлѣ взорванныхъ фортовъ были засыпаны острыми патронами какъ градомъ; ногами ихъ можно было сгребать. При дорогахъ ведущихъ въ городъ, развѣвали еще на шестахъ бѣлые флаги, состоящіе прямо изъ толстыхъ простынь. Русскихъ войскъ внутри крѣпости было очень мало сравнительно съ австрійскими. Можно было пройти нѣсколько верстъ за городомъ и не увидѣть ни одного русскаго солдата, между тѣмъ какъ австрійскіе на каждомъ шагу встрѣчались толпами съ упомянутыми палками. Разсказывали мнѣ знакомые, у которыхъ моя мать жила во время осады, что голода такого ужъ большого не было, было только недоѣданіе съ Рождества. Главнымъ образомъ хлѣба не хватало. Но дороговизна, какъ на это время, по мнѣнію осажденныхъ была ужасная. Такъ напримѣръ: Корець (около 5 - 6 пудовъ) картофеля стоилъ 70 кронъ австрійскихъ, корецъ пшеницы — 600 кронъ, ржи 500 кр., ячменя 400 кр., овса 300 кр., околоть соломы 7 кр., 100 кило бураковъ красныхъ 120 кр., кормовыхъ 100 кр., кило хлѣба 5—6 кр., кило соли 10 кр., коробка спичекъ 1,20 кр., одно яйцо 1,20 кр., кило сала 20 кр., литръ керосину 6 кр., кило мыла 9 кронъ, литръ молока 3 кр., кило сахару 24 кр., курица 60 кр., индюкъ 200 кр., корова до 2500 кр., свиня средняя 1000 кр., литръ рому 15 кр., свѣча (стоившая раньше 4 гелера) 1,20 кр., дека чаю 0,60 кр., коробка консервовъ 5 кр.

По мнѣнію знакомыхъ, выдержавшихъ осаду, причиною паденія Перемышля былъ не такъ голодъ (вѣдь и полк. Киріяковъ видѣлъ множество убитыхъ лошадей, которыми можно было еще питаться, а кромѣ того въ крѣпости, форты которой находились въ радіусѣ 9 - 12 км. отъ центра города, были деревни съ кой-какими запасами: съѣстныхъ продуктовъ и хлѣба), какъ то обстоятельство, что гарнизонъ съ Нового года началъ проявлять послушаніе итти въ атаку или на вылазку. Шли мадьяры, а прочіе уклонялись. Съ такимъ гарнизономъ трудно было пробиться сквозь кольцо русскихъ. И такъ на паденіе Перемышля повліялъ не одинъ относительный голодъ, но и опасеніе передъ могущимъ вспыхнуть въ каждую минуту, бунтомъ гарнизона, а также потеря надежды на выручку со стороны Австріи или Германіи.

Д. Ключникъ.

Друзьямъ добра.

Въ тѣ дни, когда вездѣ густѣетъ ночи тьма,
Когда живая жизнь куда-то исчезаетъ;
Когда нѣтъ воздуха для сердца, для ума,
И истина предъ ложью отступаетъ;
Когда призывъ любви зовется мятежомъ,
Когда проклятьями клеймится все святое,
Когда царить надъ сдавленнымъ умомъ
Все наглое и глупое и злое,
Друзья добра! Не опускайте взоръ
Передъ людьми вражды и святотатства.
Пусть каждый злобы крикъ найдетъ у васъ отпоръ
В горячей проповѣди братства!
Друзья добра! Несите въ эту тьму
Всѣмъ страждущимъ слова призыва и привѣта,
Несите въ душную угрюмую тюрьму
Ученіе любви, сознанія и свѣта,
Будите мысль вездѣ, гдѣ спитъ теперь она,
Будите жизнь вездѣ, гдѣ жизнь едва мерцаетъ,
Пусть мысль встаетъ отъ гробового сна,
Для жизни жизнь пусть всюду воскресаетъ!
Друзья добра! Не бойтесь ни костровъ,
Ни плахи, ни меча, ни пытокъ, ни глумленій.
Внимая правдѣ вашихъ словъ,
Палачъ отступится отъ крови и мученій,
Тюрьма раскроется подъ братскою рукой
И выпуститъ измученныхъ на волю.
Жизнь новая иди! Неси скорѣй съ собою
Руси свободную и любящую долю!

Отъ чего жить тяжело?

Посмотри, читатель, какъ чуденъ міръ Божій! Какая природа, какая земля, какой просторъ! Только бы жить да поживать, да благодарить Творца за тѣ дары, какіе предоставлены человѣку. Для всѣхъ хватило бы средствъ къ приличной жизни, для всѣхъ хватило бы на землѣ мѣста. А добра нѣтъ какъ нѣтъ. Отчего это? Причинъ, кажется, очень много, но если вдуматься глубже, то мы увидѣли бы, что ихъ можно бы свести къ нѣсколькимъ, а быть можетъ даже къ одной. Если вы не согласны со мною, спорить не стану, но считаю, что главной причиной тяжелой жизни является то обстоятельство, что мы не умѣемъ жить какъ слѣдуетъ. Что значить: жить какъ слѣдуетъ? Жить какъ слѣдуетъ значить жить правильно, а не какъ намъ вздумается. А что значить жить правильно? Жить правильно значить: правильно мыслить, говорить, дѣлать.

У каждаго мыслящаго человѣка имѣются притязанія, что правильнѣй всѣхъ только онъ мыслить, говорить, дѣлаетъ. Оттуда стремленіе подчинять другихъ своей волѣ. Если кто-либо воспротивится этому, очень часто возникаютъ недоразумѣнія, споры, драки. Когда я вспомню всѣ эти собранія, на которыхъ я присутствовалъ, всѣ эти рѣчи, которыя я слышалъ, всѣ эти сцены, которыя видѣлъ, всѣ эти сочиненія, которыя я читалъ, для меня ясно, отчего жить тяжело. Люди въ громадномъ большинствѣ случаевъ говорятъ, пишутъ, дѣлаютъ не такъ, какъ слѣдовало бы, а такъ, какъ не слѣдуетъ; мало того, они говорятъ о томъ, что плохо или чего вовсе не знаютъ и стараются свое невѣжество или заднія мысли покрыть множествомъ шумныхъ, крѣпкихъ или красивыхъ словъ. Безкритическіе слушатели не обращаютъ вниманія на существо рѣчи, содержаніе, только на форму т. е. краснорѣчіе, и принимаютъ „красныя слова“ за что-то реальное, дѣйствительное, правильное. Восхищаются, рукоплещутъ, или возмущаются, негодуютъ и прч. Но мы съ вами, читатель, посмотримъ тоже на содержаніе рѣчи. Не будемъ долго искать, а возьмемъ напр. Платона.

„Какъ-такъ? — спросите, — развѣ можно критиковать Платона? Какъ вы смѣете!“ Не возмущайтесь, пожалуйста! Я не трону Платона, я хочу только критически коснуться его теории. Напр. Платонъ между прочимъ говоритъ, что вещи, воспринимаемая нами при помощи нашихъ органовъ чувствъ, это только тусклое отраженіе тѣхъ вещей, которыя реально существуютъ въ мірѣ сверхчувственномъ. Говоря другими словами, это напр., что вы, читатель, не настоящій человѣкъ, только тусклая копія того человѣка, который какъ идея существуетъ реально, вѣчно и неизмѣнно въ мірѣ сверхчувственномъ, метафизическомъ. Это ученіе Платона должно-быть для васъ очень пріятно, что имѣете гдѣ-то тамъ въ метафизическомъ (сверхприродномъ) мірѣ не то ближайшаго сродника, а настоящаго себя самого, но скажите, пожалуйста, имѣете ли вы твердое убѣжденіе, что настоящій вы это не тотъ, который читаетъ эти слова, а тотъ, который находится въ совершенно неизвѣстномъ намъ мірѣ? И если мы ничего не знаемъ про этотъ сверхестественный міръ, то такъ само ничего не знаемъ про существованіе этихъ веществъ-идей въ метафизическомъ мірѣ. То, что утверждаетъ Платонъ, есть только очень возможное предположеніе, но не доказательство. Между тѣмъ у никого сомнѣнія нѣтъ, что пишушій и читающій эти строки, это настоящіе люди, и про этихъ только мы можемъ сказать что то положительное, а про тѣхъ, въ мірѣ сверхестественномъ, только гадательное. Вотъ такъ думать кажется мнѣ гораздо правильнѣе.

Теперь рассмотримъ Маркса, какъ антипода къ Платону. Марксистскаго ученія я не умѣю, не могу передать въ сжатомъ видѣ, но, какъ общеизвѣстно, послѣдователи Маркса утверждаютъ на основаніи его ученія, что нѣтъ Бога, есть только я, человѣкъ, частица и вѣнецъ природы, а все прочее ерунда. Поэтому человѣкъ долженъ напрягать всѣ свои силы на приобрѣтеніе земныхъ благъ, ибо нѣтъ бога кромѣ человѣческаго брюха, а Марксъ его проповѣдникъ. Но такъ ли это? Согласенъ, что у пролетаріевъ, особенно умственныхъ, нѣтъ другого бога, кромѣ чрева. Но развѣ кромѣ этого идола нѣтъ высшаго существа? Если нѣтъ, гдѣ доказательство? Нельзя сказать: на нѣтъ и доказательства нѣтъ, ибо всякій свѣдущій не сомнѣвается; что въ пустотѣ Торичелли (надъ ртутью въ барометрѣ) нѣтъ воздуха и никакой другой извѣстной намъ матеріи. Аналогичнымъ образомъ атеисты должны бы доказать несуществованіе Бога. Этого однако они сдѣлать не могутъ, ибо я, вы, онъ-она, и многіе многіе чувствуютъ сердцемъ и умомъ, что, кромѣ меня и васъ, есть высшее, совершеннѣйшее существо, пусть это будетъ даже непостижимая для насъ природа, о существованіи которой никто не сомнѣвается, и которой никто разумный отрицать не можетъ. Такимъ-же образомъ нельзя отрицать Бога, а надо предполагать (по крайней мѣрѣ), что

человѣкъ является тусклымъ отраженіемъ, слабой копіей той надприродной Платоновой идеи, которую мы называемъ Богъ. Если кто такъ думаетъ, считаю, что правильно думаетъ. А потому-то ученіе Платона ужъ не такая утопія, какъ кто-нибудь могъ бы подумать. Платонъ имѣетъ ту громадную заслугу, что показалъ намъ громадный, прекрасный, идеальный, умственный горизонтъ и научилъ насъ смотрѣть болѣе критически на міръ Божій. Можно соглашаться съ ученіемъ Платона вполнѣ, вчасти или вовсе нѣтъ, надо однако одно помнить, что ученіе Платона никому вреда не нанесло, между тѣмъ ученіе Маркса, какъ видимъ это на практикѣ, нанесло множеству людей жестокихъ страданій и бѣдъ, а пользы — пользы немногимъ. Не надо однакъ думать, что въ томъ или иномъ случаѣ виноваты исключительно Марксъ или Платонъ. Нѣтъ, вовсе нѣтъ; всего болѣе виноваты малоинтеллигентные и безкритическіе умы, которые черезчуръ увлекаются кѣмъ-или чѣмъ-либо, вслѣдствіе чего попадаютъ въ безчисленныя ошибки, отравливающія жизнь человѣка. Увлекающіеся умы очень склонны ко всякимъ спорамъ, пререканіямъ и пустословію. Дабы не быть голословнымъ приведу одинъ характерный примѣръ, какъ можно разсуждать, спорить о томъ, о чемъ не имѣется малѣйшаго понятія:

Однажды преподаватель Г...ль сказалъ на урокъ естествовѣдѣнія что-то про Дарвина. Мы, гимназисты, поняли, будто человѣкъ происходитъ въ прямой линіи отъ обезьяны. На эту тему возникъ споръ между ученикомъ Б...мъ и К...мъ. Спорили спорили времени много и чуть-чуть не подрались. Б...въ, „доказывалъ“, что человѣкъ не происходитъ отъ обезьяны, а К...й, что да. Конецъ-концовъ обращается Б...въ къ тов. Ф...чу и проситъ рѣшить ихъ споръ. Ф...чъ обращается къ Б...ву и спрашиваетъ: „Ты читалъ Дарвина?“ — Б...въ говоритъ: „Нѣтъ“. К...й ликуетъ. Но тутъ-то Ф...чъ обращается къ К...му и спрашиваетъ: „А ты читалъ?“ К...й замялся, но честь-честью отвѣтилъ: „И я нѣтъ!“ — „Такъ о чемъ же вы спорите?“ спрашиваетъ Ф...чъ. Но Б...въ все таки не желая сдаться говоритъ: „Вотъ по этому поводу и спрашиваю твоего мнѣнія“. На это Ф...чъ: „Не могу — я тоже не читалъ.“ Мы надрывались отъ смѣха. Но инцидентъ этотъ заставилъ меня глубоко призадуматься: „какъ много можетъ говорить человѣкъ о томъ, чего не знаетъ!“ И съ тѣхъ поръ я началъ болѣе критически относиться не только къ чужимъ рѣчамъ, но также къ собственнымъ словамъ и мыслямъ. Послѣ выше приведеннаго происшествія первымъ моимъ дѣломъ было познакомиться непосредственно съ Дарвиномъ. Затѣмъ сталъ читать и другихъ мыслителей. Не скажу, чтобы я ихъ хорошо понималъ, но все-таки, кое-что понималъ. Главнымъ образомъ я сталъ понимать, въ чемъ заключается истина. Мало помало я сталъ понимать, что истина заключается не во внѣшности рѣчи, т. е. краснорѣчію, а въ ея су-

ществѣ, т. е. содержанію. Конечно, я не пренебрегалъ и красивой внѣшностью рѣчи, ибо она возбуждаетъ интересъ, побуждаетъ къ ближнему знакомству съ нею. Коль-скоро человѣкъ знакомъ съ внѣшностью рѣчи, или предмета, онъ можетъ проникнуть въ ихъ содержаніе, т. е. въ существо ихъ. Когда человѣкъ понялъ содержаніе, тогда можетъ узнать, отвѣчаетъ ли оно дѣйствительности или нѣтъ. И такимъ образомъ мы достигаемъ истины.

„Поймите истину и истина освободитъ васъ“ отъ многихъ бѣдъ! А что есть истина? Вотъ вопросъ, терзающій человѣка съ тѣхъ поръ, какъ началъ онъ мыслить. Послѣ долгихъ и глубокихъ размышленій лучшіе умы вывели заключеніе, что истина есть абсолютная и относительная. Про абсолютную истину можемъ сказать только то, что она непремѣнно должна быть и есть. Но больше ничего про нее не можемъ сказать положительнаго. Натомѣсть объ относительной истинѣ можемъ сказать опредѣленно: Относительная истина — это никакая физическая, матерьяльная вещь, которую можно воспринять посредствомъ нашихъ органовъ ощущенія, а это функція, отношеніе между нашей мыслью и вещами такими, какіе они есть въ дѣйствительности, а не какими они намъ кажутся. Напримѣръ, намъ кажется, что китъ есть рыба (это не истина), между тѣмъ китъ млекопитающее животное (это истина). Съ тѣхъ поръ когда рѣчь зайдетъ объ истинѣ, надо всегда подразумѣвать истину относительную. Трудно перечислить всѣ примѣры, что есть истина, а что не истина, потому оставимъ этотъ вопросъ, а задумаемся, какимъ образомъ можно постигнуть истину. По моему мнѣнію, у человѣка нѣтъ другого средства для достиженія истины, кромѣ правильного мышленія. А что надо дѣлать, чтобы мышленіе было правильно? — Надо знать законы, которымъ мышленіе должно подчиняться, чтобы быть правильнымъ. Откуда-же узнать, гдѣ можно найти эти законы? Вотъ щекотливый вопросъ, и я даже не знаю, какъ выбрестъ изъ него безъ опасенія, чтобы читатель не обидился. Поэтому я впредь прошу извиненія, если мой отвѣтъ покажется слишкомъ простъ: Законы правильного мышленія можно найти въ каждой элементарной логикѣ.

Экая невидаль, быть можетъ, скажете читатель, да это знаетъ ужъ школьникъ! Давно слыхали, видомъ видали! — Неужь-ли? Школьникъ-то знаетъ не знаетъ, быть можетъ нѣкоторый и знаетъ, объ этомъ спорить не буду; но мы то спрашиваю, знаемъ ли мы? Послушайте, что говорятъ на собраніяхъ, посмотрите, что пишутъ въ газетахъ люди съ университетскимъ образованіемъ, не говоря уже о всякаго рода умственныхъ недоросляхъ! Одна болтовня, краснобайство, фразерство, пустословіе, обманъ и самообманъ, а правды въ всемъ этомъ столько, сколько крупинокъ золота въ пескѣ, да пита-

тельныхъ веществъ въ водѣ. „Неужели такъ и всѣ — спросите — говорятъ чушь?“ Не говорю — всѣ, есть исключенія, только громадное большинство. А потому изреченіе „гласъ народа — гласъ бога“ постолько справедливо, поскольку это гласъ правильно мыслящаго народа. Но мы знаемъ изъ опыта, что это такое обычный (общепотребительный) „гласъ народа“. Выйдетъ напр. какой-либо ораторъ и скажетъ: „Господа! граждане! Вы самый лучший, самый умный, самый красивый народъ въ мірѣ!“ — „Кой-тамъ самый лучший, умный, красивый“ — вы думаете; но вамъ пріятно слышать такіа рѣчи, а потому орете вмѣстѣ съ другими: „Славно! Правильно!“ Ну, вотъ-же вамъ и „гласъ народа“! Поэтому-то на собраніяхъ, въ газетахъ и въ большинствѣ сочиненій мудрено найти истину; ее нужно искать въ своемъ умѣ. А чтобы найти ее въ своемъ умѣ, надо правильно мыслить; а чтобы правильно мыслить, необходимо знать по крайней мѣрѣ основные законы мышленія. Разрѣшите, все-равно, знаете ли ихъ или нѣтъ, перечестъ мнѣ ихъ! Ихъ не много; всего четыре:

1) Законъ тождества. 2) Законъ противорѣчія. 3) Законъ исключеннаго третьяго. 4) Законъ достаточнаго основанія.

Первый законъ тождества требуетъ, чтобы въ процессѣ нашего мышленія каждый мыслимый предметъ сохранилъ свое тождество. Формула: „*А есть А*. На первый взглядъ кажется, что эта формула глупа, ибо само собой разумѣется, что *А есть А*. Въ дѣйствительности однако это не такъ, ибо этотъ законъ требуетъ, чтобы мы во время правильнаго мышленія и разговора не перескакивали съ предмета на предметъ, чтобы мы напр. начавъ думать о Руси подъ конецъ не думали что это не Русь а Украина. Противъ этого закона сильно и сознательно грѣшитъ проф. Грушевскій. Да и мы-то и мы, прости Господи, начнемъ думать и говорить „про образы“ а кончимъ „про арбузы“. Одно утѣшеніе: что безсознательно.

Слѣдующій законъ противорѣчія гласитъ: *А не можетъ быть въ одно и то-же время В и не В, или: Изъ двухъ сужденій, изъ которыхъ одно утверждаетъ то, что другое отрицаетъ, одно должно быть ложнымъ*“. Противъ этого закона грѣшитъ между прочимъ Н. А. Некрасовъ, когда говорить: „Ты и могучая, ты и безсильная, Матушка-Русь“. Затѣмъ, если позволимъ сравнить большое съ малымъ, то рѣшатъ и на ши доморощенные большевики, когда утверждаютъ и думаютъ, что они русскіе и не русскіе. Но, — *quod licet Jovi, non licet bovi!*

Законъ исключеннаго третьяго гласитъ: „При двухъ сужденіяхъ, изъ которыхъ одно утверждаетъ то, что другое отрицаетъ, не можетъ быть третьяго, средняго сужденія“. Формулируется-же такъ: „*А есть В*“

и „А есть не-В“. Напримѣръ: Обезъяны есть хвостатыя и обезъяны есть безхвостыя. — Карпатороссы суть или русскіе или нерусскіе (*tertium non datur*).

Наконецъ законъ достаточнаго основанія опредѣляется слѣдующимъ образомъ: „Мы должны мыслить все на достаточномъ основаніи“. Напримѣръ: „Изъ этой муки хлѣба не будетъ“. Спрашивается: на какомъ основаніи? — „Потому что это костяная мука“. Или: „Ваша рѣчь не выдерживаетъ критики“. Почему? „Потому что не подчинена законамъ мышленія“.

Оговариваюсь, что, кромѣ вышеприведенныхъ четырехъ основныхъ законовъ мышленія, есть еще много другихъ правилъ, которымъ мысль должна подчиняться, если желаетъ быть въ полнѣйшей правильной. Не слѣдуетъ однако думать, что, изучивъ эти правила и законы, человѣкъ ужъ непременно будетъ правильно, т. е. логически думать, говорить. Нѣтъ, этого недостаточно. Надо еще имѣть такъ наз. „здравый смыслъ“, практику, навыкъ, умѣніе обращаться съ своей мыслью и прч. „Въ такомъ случаѣ — можете спросить — къ чему она годится вся эта логика?“ А вотъ къ чему, послушайте! Логика поставляетъ своей цѣлью не обученіе правильному мышленію или открытіе истинъ; цѣлью логики является провѣрка того, что принимается за истину, что считается истиной. Напримѣръ, истиной считается, что мышьякъ (арсеникъ) ядъ; это истина, но не безусловная, ибо въ соотвѣтственныхъ дозахъ является онъ лѣкарствомъ. Это провѣрено. Кромѣ этого логика указываетъ правила, при помочи которыхъ могутъ быть открыты ошибки, совершаемыя такъ часто какъ поодинокимъ человѣкомъ такъ и цѣлымъ народомъ. Вы можете сказать, что ошибки можно открыть и безъ помочи логики, посредствомъ одного „здраваго смысла“. Не отрицаю. Но вы все-таки попробуйте! Имѣется сужденіе напр. такого рода: „Богъ всемогущій, всесильный, да?“ Если да, то спрашивается: „А можетъ ли Богъ создать такой камень, котораго бы поднять не могъ?“ Если вы скажете, что можетъ создать, въ такомъ случаѣ спрашивается: „Какой-же онъ всесильный, если поднять не можетъ?“ А скажете, что не можетъ создать, то вамъ скажутъ: „Какой-же Онъ всемогущій?“ Вы можете сказать, что приведенное сужденіе нелѣпость, тогда васъ спросятъ: „Почему нелѣпость?“ И что вы отвѣтите? А между тѣмъ чувствуете, что здѣсь что-то не то, но какая ошибка, сказать не можете. Вашъ противникъ ликуетъ, глумится надъ вашимъ „здравымъ разсудкомъ“. Но скажемъ, вы нашли ошибку. Этого однако, часто бываетъ, недостаточно; иногда нужно пояснить ошибку и даже точно ее обозначить. Иной знаетъ, что въ томъ или иномъ умозаключеніи есть ошибка, но онъ не въ состояніи разоблачить ее. Выйдетъ

напр. судья и скажетъ: *Pereat mundus, fiat institutio!*¹⁾ или адвокатъ: *Cives supra legem!*²⁾ или патриотъ: *Pereant homines, existet idea nationalis!*³⁾ Красивыя изреченія, не правда ли? Кажется ничего и возражать, если бы не чувствовали, что здѣсь что то не то. Однако никакъ не можете понять, какая здѣсь ошибка. Поэтому вамъ не остается ничего иного, какъ молчать, между тѣмъ какъ впечатлительная на „красныя словца“, но безкритическая аудиторія гремитъ отъ рукоплесканій и возгласовъ: *bravo!* А вы все думаете: „Какъ такъ, пусть погибнетъ весь міръ, дабы только восторжествовала правда, или національная идея? Къ чему же тогда они пригодятся, когда погибнетъ міръ и человѣчество?“ А вотъ въ томъ то и дѣло! Если не разбираетесь, разрѣшите мнѣ пояснить этотъ фокусъ. Когда мы на мѣсто „правда“, „граждане“, „національная идея“ поставимъ выраженія: „судья“, „адвокатъ“, „патріотъ“, тогда ясно станетъ, что для проносящихся такіа изреченія все равно погибнетъ ли міръ или нѣтъ, дабы только они торжествовали. Если глашатаи подобныхъ изреченій такъ думаютъ, то они дѣлаютъ подлогъ подтасовывая термины обстрактные (отвлеченные) конкретными (существенными)⁴⁾. Если же краснобаи произносятъ подобныя фразы только такъ себѣ, „краснаго словца ради“, дабы выболтаться и тѣмъ самымъ показать, что они тоже не глупые, то они совершаютъ громаднѣйшую ошибку, имя которой нелѣпость (*absurdum*), ибо оратору должно лежать на серцѣ добро слушателей, а не ихъ безцѣльная гибель. Въ самомъ дѣлѣ, что это за идея, отъ которой никому пользы нѣтъ? Такія идеи можемъ предоставить любителямъ запутанного мышленія, пустословія, здравомыслящій же человѣкъ долженъ стремиться къ такой идеи, которая, безъ нанесенія вреда другимъ, вышла бы ему на благо души и тѣла. Но для достиженія этого нужно прежде всего правильное, логическое мышленіе.

Для правильнаго, логическаго мышленія недостаточно знать уже приведенные законы, надо еще знать тѣ ошибки, которыхъ нужно избѣгать, если желаемъ, чтобы наше мышленіе было правильнымъ. Избѣгая этихъ ошибокъ во время мышленія, мы избѣжали бы многихъ бѣдъ и непріятностей, которыя такъ отравливаютъ жизнь человѣка и дѣлаютъ ее невыносимой. Но чтобы можно избѣгать ошибокъ, надо ихъ знать.

Ошибки могутъ быть логическія, заключающіяся въ неправильномъ мышленіи, и словесныя, происходящія отъ неправильности выраженій. Къ словеснымъ ошибкамъ отно-

1) Пусть погибнетъ міръ, а торжествуетъ правда! 2) Граждане превыше закона! 3) Пусть погибнетъ человѣчество, дабы существовала національная идея! 4) Абстрактный терминъ это такой терминъ, который обозначаетъ качество, свойство, дѣйствіе, состояніе безъ вещей, напримѣръ: цвѣтъ, тяжесть, борьба, сонъ; конкретные термины это понятія самихъ вещей, напримѣръ: роза, камень, борецъ, сонливецъ.

сяся такія выраженія, какъ напр. „умереть“ и „сдохнуть“. Въ сущности одно и то-же, но попробуйте сказать кому либо вмѣсто умереть, что онъ сдохнетъ; увидите, что произойдетъ! А зачѣмъ такъ выражаются? — Къ слѣдующей словесной ошибкѣ относится такъ наз. homonimia, которая ведетъ такъ часто къ недоразумѣніямъ и придирамъ, и которая происходитъ вслѣдствіе неточности выраженія, которое можетъ имѣть различное значеніе. Напримѣръ, начнетъ кто-либо говорить о матеріализмѣ, такъ мы сейчасъ думаемъ о матеріализмѣ экономическомъ, а бесѣдникъ, быть можетъ, думаетъ о матеріализмѣ метафизическомъ. Въ такомъ случаѣ происходитъ смѣшеніе понятій. Поэтому нужно критически относиться и къ своимъ и чужимъ выраженіямъ. Другія словесныя ошибки указаны въ грамматикѣ.

Съ логическими ошибками болѣе сложное дѣло. Сдѣсь нужно имѣть нѣкоторыя предварительныя свѣдѣнія, напр., что такое матеріальная, а что формальная истина; что такое тезисъ, аргументъ и форма доказательства? — Матеріальная истина это такая, которая соотвѣтствуетъ дѣйствительности или фактамъ. Формальная-же истина это такая, которая выводится съ достовѣрностью изъ тѣхъ или иныхъ положеній, т. е. когда вѣренъ способъ соединенія мыслей, самое-же заключеніе можетъ совсѣмъ не соотвѣтствовать дѣйствительности. Покажемъ это на примѣрахъ. По утвержденію крайнофиловъ:

Всѣ малороссы суть украинцы.

Всѣ Карпатороссы суть малороссы;

изъ этихъ двухъ положеній слѣдуетъ съ необходимостью, что: „Всѣ Карпатороссы суть украинцы“. Это заключеніе формально истинно, но матеріально ложно, потому что оно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности: „Карпатороссы не суть украинцы“, подобно какъ баварцы не суть пруссаки. Хитрецы формальной истиной очень часто морочатъ головы наивныхъ людей. — Теперь возьмемъ другой примѣръ:

Всѣ рутены плохо владѣютъ русскимъ языкомъ.

Нѣкоторые руссофилы суть рутены;

слѣд.: Нѣкоторые руссофилы плохо владѣютъ русскимъ языкомъ. Это заключеніе истинно матеріально, потому что дѣйствительно нѣкоторые руссофилы плохо владѣютъ русскимъ языкомъ, но формально оно ложно, потому что не вытекаетъ съ необходимостью изъ данныхъ положеній. Если бы было сказано, что только рутены плохо владѣютъ русскимъ языкомъ, тогда съ необходимостью выходилобы, что всѣ прочіе руссофилы хорошо владѣютъ русскимъ языкомъ; этого однако сказать нельзя. — Что-же касается другихъ логическихъ терминовъ, то: тезисомъ называется доказываемое

положеніе т. е. то, что должно быть доказано; аргументомъ называются основы доказательства т. е. то, при помощи чего тезисъ доказывается; формою доказательства называется логическая схема, при помощи которой выводится заключение. Напримѣръ:

(Форма доказательства)	{	Всѣ люди смертны.	}	(аргументы).
		Папа есть человѣкъ,		
		Папа есть смертный.	}	(тезисъ).

Теперь отмѣтимъ наиболѣе встрѣчающіяся логическія ош и б к и. Они могутъ относиться къ каждой части доказательства т. е. къ аргументамъ, къ формѣ и къ самому тезису.

Ошибки относящіяся къ тезису слѣдующія: Самою распространенною и пользующеюся громаднымъ успѣхомъ является ошибка такъ наз. *argumentum ad hominem*, которая примѣняется въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-либо не въ состояніи опровергнуть рѣчи, теоріи, статьи автора, и онъ вмѣсто того, чтобы подвергнуть критическому разбору сказанное авторомъ, начинаетъ разоблачать его частную жизнь, напр. раскрываетъ принадлежность автора къ несимпатичному для слушателей направленію, къ партіи, вывлекаются даже семейныя невзгоды и такимъ образомъ старается побить своего противника аргументомъ *ad hominem*. Но надо знать и помнить, что это большущая ошибка и самое слабое логическое доказательство.

Слѣдующая, относящаяся къ тезису, ошибка называется *ignoratio elenchī* т. е. незнаніе той формулы доказательства, которой можно опровергнуть противника. Напр., вмѣсто доказывать, что что-либо несправедливо въ юридическомъ смыслѣ, кто нибудь доказываетъ, что это несправедливо въ смыслѣ моральномъ. Въ такомъ случаѣ доказывается совсѣмъ иное, хотя и сходное. Но можно доказывать также что либо отличное по роду вмѣсто того, чтобы доказывать нужное. Напримѣръ очень часто доказывается невиновность виновнаго тѣмъ, что и другіе совершили подобное преступленіе, но не были наказаны. Эта ошибка называется *μετάβασις εἰς ἄλλο γένος*. Уклоненіе отъ тезиса происходитъ также въ тѣхъ случаяхъ, когда доказывается слишкомъ много или слишкомъ мало. Напримѣръ, если кто-нибудь доказываетъ, что никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ семейную жизнь другихъ, то онъ доказываетъ слишкомъ много, ибо часто бывають случаи звѣрскаго обращенія поодинокихъ членовъ семьи въ своей средѣ и тогда свидѣтели имѣють не только право но даже обязанность вмѣшаться въ дѣло. Наоборотъ, если кто доказываетъ, что Н. Н. прекраснѣйшій человѣкъ потому только, что онъ русскій, то Н. Н. доказываетъ слишкомъ

мало, ибо можно быть русскимъ, но самымъ дурнымъ человекомъ. Эта ошибка гласить: *Qui nimium probat, nihil probat.*

Ошибки относящіяся къ аргументамъ могутъ быть слѣдующія: 1) *Error fundamentalis* (основная ошибка). Напримѣръ намъ кажется, что луна вращается вокругъ земли изъ востока на западъ, между тѣмъ въ дѣйствительности луна вращается вокругъ земли съ запада на востокъ. — Слѣдующая ошибка называется 2) *petitio principii*, когда тезисъ доказывается такими аргументами, которые сами нуждаются въ доказательствѣ; когда за истину принимается то, что только должно быть доказано. Напримѣръ, кто-либо скажетъ, а вы повторяете: „Ленинъ хорошій человекъ“. — „Откуда вамъ это извѣстно?“ — „Такъ всѣ говорятъ“. — „На какомъ основаніи?“ — „Не знаю“. А вотъ въ этомъ то и дѣло! — 3) Затѣмъ очень большую ошибку дѣлаетъ тотъ, кто смѣшиваетъ терминъ (названіе) собирательный съ терминомъ общимъ, ибо то, что справедливо относительно цѣлаго общества, можетъ быть несправедливо относительно поодинокихъ членовъ. Напримѣръ, какое-нибудь о во, къ которому вы принадлежите, приняло помимо вашего несогласія рѣшеніе, заслуживающее порицанія. И вотъ, если бы кто нибудь вовсе не разбирая сталъ попрекать васъ за это рѣшеніе, такъ онъ допустился бы ошибки, которая называется *fallacia a sensu composito ad sensum divisum*, ибо этотъ упрекъ, справедливый относительно цѣлаго общества, несправедливый относительно васъ, хотя и члена этого общества. А уже не спростительную ошибку сдѣлалъ бы тотъ, кто укорялъ бы васъ въ томъ, какъ вы могли допустить до такого рѣшенія. — 4) Слѣдующая ошибка называется *fallacia a sensu diviso ad sensum compositum*. Напр., вы сказали кому-либо разъ прикрое слово, онъ не обидился; сказали другой разъ, онъ тоже не обидился, да и третій и четвертый. Въ концѣ концовъ вы заключаете, что онъ никогда не долженъ обижаться. Извините, обиду можно простить разъ, другой, не но пеняйте, если за третьимъ разомъ получите „по пальцамъ“. — 5) Слѣдующая ошибка носить названіе: *post hoc ergo propter hoc*, или *non causa pro causa*. Эту закоренѣлую ошибку совершаютъ лица, предрасположенныя къ тѣмъ или инымъ выводамъ смотря по тому, что для нихъ пріятно, желательно. Не буду вычислять много примѣровъ, приведу только два: Если напр. обѣщаніе кого-либо одинъ разъ сбылось, то безкрытичныя умы увѣрены, что и послѣдующія обѣщанія сбудутся. Второй примѣръ: Есть лица необыкновенно любопытные узнать будущее. Они могутъ быть очень интеллигентные и разсудительные. Но если предсказаніе какого-либо сновидѣнія или ворожея сбылось, то они изъ этого единичнаго случая дѣлаютъ заключеніе, что сны и гадатели всегда говорятъ правду, упуская изъ виду тысячу случаевъ, когда сны и гадатели соврали.

Кромѣ этого источникомъ многихъ ошибокъ является неполное перечисленіе альтернативъ. Иногда случается, что двумя альтернативами нельзя исчерпать всевозможнаго числа случаевъ. Между тѣмъ палестранты строятъ весьма часто форму доказательства такимъ образомъ, что изъ всѣхъ возможныхъ альтернативъ берутъ только двѣ. Вслѣдствіе того противникъ, какую ни избралъ бы альтернативу, приходитъ къ одному и тому же неблагопріятному для себя заключенію. Такъ напр. ставятъ вамъ очень часто вопросъ: „Вы съ нами или противъ насъ?“ Вы отвѣчаете: „Ни съ вами ни противъ васъ“. — Вамъ говорятъ: „Нѣтъ-нѣтъ, такъ нельзя; скажите да, или нѣтъ?“ Ну, скажемъ, вы нашлись случайно среди террористовъ; что вы отвѣтите? Скажете: да — вамъ скажутъ: дѣлай такъ, какъ мы. Скажете: нѣтъ; могутъ васъ убить. Или напр. говорятъ такъ: „Если ученикъ хочетъ учиться — поощреніе не нужно; если ученикъ не хочетъ учиться — поощреніе ни къ чему не годится“. Выходило бы что ни въ какомъ случаѣ поощреніе не нужно. Но это не вѣрно, ибо въ даномъ случаѣ бываетъ столько альтернативъ, что трудно перечестъ. Прежде всего надо бы провѣрить, дѣйствительно ли ученикъ не хочетъ учиться или намъ только такъ кажется, а мы то, что намъ кажется, принимаемъ за истину. Есть тысячи причинъ по которымъ ученикъ, хотя и хочетъ, но не можетъ учиться, а мы не хотѣмъ про ничто знать, слышать, только долбимъ одно и тоже: Не хочетъ — не хочетъ — не хочетъ. Несчастный такой ученикъ, а такихъ много! Но большинство учениковъ есть такихъ, которые, если будемъ ихъ поощрять, будутъ учиться, а не будемъ поощрять, не будутъ учиться, слѣдовательно для такихъ учениковъ поощреніе даже очень нужно. Этотъ дилемматическій силлогизмъ особенно употреблялся въ среднія вѣка въ спорахъ и назывался *sylllogismus cornutus* (рогатый силлогизмъ).

Послѣ выше сказаннаго слѣдуетъ замѣтить, что тѣ ошибки, которые совершаются не преднамѣренно, называются паралогизмами, а тѣ, которые совершаются преднамѣренно — софизмами. Для примѣра приведемъ одинъ изъ древнихъ временъ, а одинъ изъ современности.

1) Къ знаменитому софисту Протагору приходитъ нѣкій Эватлъ и говорить: Учитель, учи меня! — П.: Хорошо! А заплатишь? — Э.: Заплачу. — П.: Когда? — Э.: Какъ выиграю первый процессъ. — П.: Хорошо! — Послѣ ученія ученикъ нарочно не бралъ никакого процесса, дабы не платить учителю и такимъ образомъ проучить его. Протагоръ говоритъ: „Заплати, не то, я тебя въ судъ! Выиграешь, долженъ будешь заплатить въ силу нашего договора, проиграешь, долженъ будешь заплатить въ силу приговора судьи“. — Эватлъ: „Нѣтъ, не уплачу! Если меня присудятъ къ уплатѣ, я проигралъ

и не заплачу въ силу нашего договора, если выиграю, не заплачу въ силу приговора судьи“. Въ чемъ фокусъ?

2) Давидъ лежитъ на кровати и что-то думаетъ. Приходитъ Абрамъ и говорить: „Извиняюсь, могу ли я о чемъ то спросить тебя?“ — „Пожалуйста, папа! Что за стѣсненія?“ — „Нѣтъ, нѣтъ! Ибо ты знаешь: я простой, необразованный человѣкъ, хотя и знаю, что ты хорошо учился и въ гимназій, и на университетѣ хорошо учишься, но мнѣ еще хотѣлось бы знать, чему ты собственно учишься? Я очень извиняютъ, если сказалъ что-то не то, и ты прости мнѣ простому необразованному еврею!“ — „Ну, что ты, папа, какъ можно... зачѣмъ... я и безъ того... я изучаю философію“. — „Философію?... Гмъ-гмъ, ну... вотъ и видишь... какъ можно безъ извиненій... я простой человѣкъ... хоть и слыхалъ про философію, но ты мнѣ скажи, что это за штука, философія эта!“ — „За штуку — надо въ руку, а что ты мнѣ дашь?“ — „Что ты хочешь?“ — „Сто тысячъ!“ — „Хорошо!“ — „Такъ вотъ послушай! Философія это такая штука, которая можетъ доказать, что тебя здѣсь нѣтъ“. — „Развѣ?... И ты мнѣ это можешь доказать?“ — „Могу“. — „Пожалуйста!“ — „Съ удовольствіемъ; послушай!“ — „Слушаю“. — Давидъ: „Если ты здѣсь, какъ ты не въ Москвѣ, вѣрно?“ — Абрамъ: „Н-нѣ, да!“ — „Если ты не въ Москвѣ, такъ ты въ другомъ мѣстѣ; вѣрно?“ — „Н-нѣ, да!“ — „Если ты въ другомъ мѣстѣ, такъ ты не здѣсь“. — Абрамъ сосредоточился на мигъ, затѣмъ сіяя и улыбаясь сказалъ: „Тыц! Какой ты умный, пурицъ!“ — „Видишь, папа; давай деньги!“ — „Фу, какой ты глупый ганыфъ! Какъ я могу тебѣ что-нибудь дать, разъ меня здѣсь нѣтъ?!“

Послѣ всего выше сказаннаго считаю лишнимъ доказывать дальше, почему человѣку тяжело жить на свѣтѣ. Если бы мы немножко были знакомы съ тѣми правилами, какія нужно соблюдать, и съ тѣми ошибками, какихъ нужно избѣгать въ жизни и если бы мы все это примѣняли на практикѣ, тогда жизнь сдѣлалась бы гораздо легче, ибо тогда избѣжали бы мы по крайней мѣрѣ ошибокъ, которыя портятъ и отравляютъ и безъ того тяжелую жизнь человѣка. Для достиженія однако лучшихъ условій жизни необходимо, между прочимъ, немножко больше быть знакомымъ съ логикой и немножко меньше идти съ нею въ разрѣзъ, чѣмъ до теперь водится. Да иначе и быть не можетъ, ибо откуда знать намъ разныя принципы правильной жизни, если для нихъ даже въ учебныхъ и воспитательныхъ заведеніяхъ отводится такъ мало мѣста? По этому поводу окончивъ образованіе, даже высшее, мы такъ мало приспособлены къ реальной, практической жизни. Какъ важно знаніе логики и какое она имѣетъ значеніе въ практической жизни, лучшимъ доказательствомъ служить слѣдующее мнѣніе великаго мыслителя Д. С. Милля, который

говорить: „Когда я принимаю въ соображеніе, какъ проста теорія умозаключенія, какого небольшого времени достаточно для приобрѣтенія полнаго знанія ея принциповъ и правилъ и даже значительной опытности въ ихъ примѣненіи, я не нахожу никакого извиненія для тѣхъ, кто, желая заниматься съ успѣхомъ какимъ-нибудь умственнымъ трудомъ, упускаетъ это изученіе. Логика есть великій преслѣдователь темнаго и запутаннаго мышленія; она разсѣиваетъ туманъ, скрывающій отъ насъ наше невѣжество и заставляющій насъ думать, что мы понимаемъ предметъ въ то время, когда мы его не понимаемъ. Я убѣжденъ, что въ современномъ воспитаніи ничто не приноситъ большей пользы для выработки точныхъ мыслителей, остающихся вѣрными смыслу словъ и предложеній и находящихъ постоянно на сторожѣ противъ терминовъ неопредѣленныхъ и двусмысленныхъ, какъ логика“.

Д. Ключникъ.

С. Ю. Бендасюкъ.

Лети пѣсня!

По дубравѣ по зеленой
Вѣтръ бушуетъ дальній,
Пуше сирой дѣвы лоно
Давитъ рокъ печальный.
Все стремится къ той странѣ
Сердца вздохъ унылый,
Гдѣ въ блистательной бронѣ
На чернехонькомъ конѣ
Ловко скачетъ милый.
Замѣненъ ужъ холодъ вешній
Томнымъ зноемъ лѣта,
Не доходитъ гласъ утѣшный
Поздняго отвѣта.
Я-жъ не разберу сама
Словъ строки привѣтной;
Знаки дальняго письма —
Неразгаданная тьма
Дѣвкѣ безпросвѣтной.
Ой, подуй-ка, вѣтеръ, къ югу
Чрезъ сѣдыя горы,
Облегчи младому другу
Бѣгъ военный, скорый.

Гдѣ цвѣтетъ лимонъ, изъюмъ,
Гни тамъ яворъ хилый,
Чтобъ родной слышалъ шумъ,
Понялъ грусть дѣвичьихъ думъ
На чужбинѣ милый.
Незабудку голубую
И листь клена вялый
Съ вѣтромъ выслать попробую
Черезъ горъ перевалы.
Усмиряя лѣтній зной
Другу, вѣтеръ хладный,
Подвѣвай цвѣтокъ родной,
Чтобы сердцемъ былъ со мной
Милый ненаглядный.
Соловей, оставъ осины,
Кусть глухой, зеленый;
Черезъ Бескидъ помчися синій
Въ вырей отдаленный;
Встрѣтившися съ воронымъ
Свистни, легкокрылый,
Чтобъ летя путемъ лѣснымъ
Трелямъ внялъ твоимъ роднымъ,
Вспомнилъ дружку милый
Длиненъ день мнѣ невеселый
Съ мачихой неправой.
Скучно рвать мнѣ лень отцвѣлый,
Слушать подъ дубравой
Вѣтра тщетный споръ съ листвою
Посли у кудели
Внять, поникши головой,
Жалобно сердитый вой
Пылистой метели.
Безпокоясь тихомолкомъ
На льняномъ платочкѣ
Вышью неподдѣльнымъ шёлкомъ
Пестрыя цвѣточки;
И платочекъ перешлю
Запасныхъ громадой.
Милый другъ въ чужомъ краю
Думушку узнавъ мою
Отдохнетъ съ отрадой.

(Копія).

Къ большевикамъ посланіе*) патріарха Тихона

къ 25 октября 1918 г. по случаю годовщины владычества большевиковъ.

„Вси, взявшии мечъ,
мечемъ погибнуть“
(Мф. 26, 52).

Это пророчество Спасителя обращаемъ Мы къ Вамъ, нынѣшніе вершители судебъ нашего отечества, называющіе себя „народными“ комиссарами. Цѣлый годъ держите Вы въ рукахъ своихъ государственную власть и уже собираетесь праздновать годовщину октябрьской революціи, но рѣками пролитая кровь братьевъ нашихъ, безжалостно убитыхъ по Вашему призыву, вопіетъ къ Небу и вынуждаетъ Насъ сказать Вамъ горькое слово правды.

Захватывая власть и призывая народъ довѣриться Вамъ, какія обѣщанія давали Вы ему и какъ исполнили эти обѣщанія?

Поистинѣ, Вы дали ему камень вмѣсто хлѣба и змѣю вмѣсто рыбы (Мф. 7, 9—10).

Народу, изнуренному кровопролитной войной, Вы обѣщали дать миръ „безъ анексій и контрибуцій“.

Отъ какихъ завоеваній могли отказаться Вы, приведшіе Россію къ позорному миру, унижительныя условія котораго даже Вы сами не рѣшились обнародовать полностью? Вмѣсто анексій и контрибуцій, великая наша Родина сама завоевана, умалена, расчленена, и въ уплату наложенной на нее дани Вы тайно вывозите въ Германію не Вами накопленное золото.

Вы отняли у воиновъ все, за что они прежде доблестно сражались. Вы научили ихъ, недавно еще храбрыхъ и непобѣдимыхъ, оставивъ защиту Родины, бѣжать съ полей сраженій. Вы угасили въ сердцахъ воодушевляющее ихъ сознаніе, что „больше сія любви никто не имать, да кто душу свою положить за други своя“ (Іоан. 13, 15). Отечество Вы подмѣнили бездушнымъ интернаціоналомъ, хотя сами отлично знаете, что, когда дѣло касается защиты отечества, пролетаріи всѣхъ странъ являются вѣрными его сынами а не предателями.

Отказавшись защищать Родину отъ внѣшнихъ враговъ, Вы, однако, непрерывно набираете войска.

Противъ кого Вы ихъ ведете?

Вы раздѣлили весь народъ на враждующіе между собою станы и ввергли его въ небывалое по жестокости братоубійство.

*) Это посланіе, попавшее къ намъ случайно, печатается единственно какъ документъ.

Любовь Христову Вы открыто замѣнили ненавистью и, вмѣсто мира, искусственно разожгли классовую вражду. И не предвидится конца порожденной Вами войнѣ, такъ какъ Вы стремитесь руками русскихъ рабочихъ и крестьянъ доставить торжество призраку: міровой революціи.

Не Россіи нуженъ былъ заключенный Вами позорный миръ съ внѣшнимъ врагомъ, а Вамъ, задумавшимъ окончательно разрушить внутренній миръ. Никто не чувствуетъ себя въ безопасности, всѣ живутъ подъ постояннымъ страхомъ обыска, грабежа, выселенія, ареста, разстрѣла, хватаютъ сотнями беззащитныхъ, гноятъ цѣлыми мѣсяцами въ тюрьмахъ, казнятъ смертью часто безъ всякаго слѣдствія и суда, даже безъ упрощеннаго, Вами введеннаго суда. Казнятъ не только тѣхъ, которые передъ Вами въ чемъ-либо провинились, но и тѣхъ, которые передъ Вами завѣдомо ни въ чемъ не виноваты, а взяты лишь въ качествѣ „заложниковъ“; этихъ несчастныхъ убиваютъ въ отместку за преступленія, совершенные лицами, не только имъ не единомышленными, а часто Вашими же сторонниками или близкими Вамъ по убѣжденіямъ. Казнятъ епископовъ, священниковъ, монаховъ и монахинь, ни въ чемъ не повинныхъ, а просто по огульному обвиненію, въ какой-то расплывчатой и неопредѣленной „контръ-революціонности“. Безчеловѣчная жизнь отягчается для православныхъ хищеніемъ послѣдняго предсмертнаго утѣшенія — напутствія Св. Тайнами, а тѣла убитыхъ не выдаются родственникамъ для христіанскаго погребенія.

Не есть ли все это верхъ безцѣльной жестокости со стороны тѣхъ, которые выдаютъ себя благодѣтелями челоѣчества и будто бы сами когда-то много претерпѣли отъ жестокихъ властей.

Но Вамъ мало, что Вы обагрили руки русскаго народа его братскою кровью: прикрываясь различными названіями контрибуцій, реквизицій и націонализаций. Вы толкнули его на самый открытый и беззащитный грабежъ. По Вашему наущенію расграблены или отняты земли, усадьбы, заводы, фабрики, дома, скотъ, грабятъ деньги, вещи, мебель, одежду. Сначала, подъ именемъ „буржуевъ“, грабили людей состоятельныхъ, потомъ подъ именемъ „кулаковъ“ стали уже грабить болѣе зажиточныхъ и трудолюбивыхъ крестьянъ, умножая такимъ образомъ нищихъ, хотя Вы не можете не сознать, что съ разореніемъ великаго множества отдѣльныхъ гражданъ уничтожается народное богатство и разоряется самая страна. Соблазнивъ темный и невѣжественный народъ возможностью легкой и безнаказанной наживы, Вы отуманили его совѣсть и заглушили въ немъ сознаніе грѣха. Но какими бы названіями ни прикрывались злодѣянія, — убійство, насиліе и грабежъ всегда останутся тяжкими и вопіющими къ Небу объ отомщеніи грѣхами и преступленіями.

Вы обѣщали свободу.

Великое благо — свобода, если она правильно понимается, какъ свобода отъ зла, не стѣсняющая другихъ, не переходящая въ произволъ и своеволие. Но такой-то свободы Вы и не дали; во всякомъ потворствѣ низменнымъ страстямъ толпы, въ безнаказанности убійствъ и грабежей заключается дарованная Вами свобода. Всѣ проявленія какъ истинно гражданской, такъ и высшей духовной свободы человѣка подавлены Вами безпощадно. Это ли свобода, когда никто безъ особаго разрѣшенія не можетъ провезти себѣ пропитанія, нанять квартиру, переѣхать изъ города въ городъ? Это ли свобода, когда семья, а иногда населеніе цѣлыхъ домовъ выселяется и имущество выкидывается на улицу и когда граждане искусственно раздѣлены на разряды, изъ которыхъ нѣкоторые отданы на голодъ и на разграбленіе? Это ли свобода, когда никто не можетъ высказать открыто свое мнѣніе, безъ опасенія подпасть подъ обвиненіе въ контръ-революціи? Гдѣ свобода слова и печати, гдѣ свобода церковной проповѣди? Уже не заплатили ли своею кровью, кровью мученичества, многіе смѣлые церковные проповѣдники? Голосъ общественнаго и государственнаго обсужденія заглушенъ, печать, кромѣ узкобольшевистской, задушена совершенно.

Особенно больно и жестоко нарушеніе свободы въ дѣлахъ вѣры. Не проходитъ дня, чтобы въ органахъ Вашей печати не помѣщались самыя чудовищныя клеветы на Церковь Христову и ея служителей, злобныя богохульства и кощунства. Вы глумитесь надъ служителями Алтаря, заставляете епископовъ рыть окопы (епископъ Тобольскій Гермогенъ) и посылаете священниковъ на грязныя работы. Вы наложили свою руку на церковное достояніе, собранное поколѣніями вѣрующихъ людей и не задумались нарушить ихъ посмертную волю. Вы закрыли рядъ монастырей и домовъ-церквей безъ всякаго къ тому повода и причины. Вы заградили доступъ въ Московскій Кремль — это священное достояніе всего вѣрующаго народа. Вы разрушаете исконную форму церковной общины — приходъ, уничтожаете братства и другія церковно-благотворительныя и просвѣтительныя учрежденія, разгоняете церковно-епархіальныя собранія, вмѣшиваетесь во внутреннія управленія православной Церкви, выбрасывая изъ школъ священныя изображенія и запрещая учить въ школахъ дѣтей вѣрѣ. Вы лишаете ихъ необходимой для православнаго воспитанія духовной пищи. „И что еще скажу? Не достанетъ мнѣ времени“ (Евр. 11, ст. 32). чтобы изобразить всѣ тѣ бѣды, какія постигли Родину нашу. Не буду говорить о распадѣ нѣкогда великой и могучей Россіи, о полномъ разстройствѣ путей сообщенія, о небывалой продовольственной разрухѣ, о голодѣ и холодѣ, которые грозятъ смертью въ городахъ, объ отсутствіи нужнаго для хозяйства въ деревняхъ. Все это у всѣхъ на глазахъ. Да, мы переживаемъ ужасное время Вашего владычества, и долго оно не изгладится изъ души на-

родной, омрачивъ въ ней образъ Божій и напечатлѣвъ въ ней образъ звѣря. Сбываются слова пророка: „Ноги ихъ бѣгутъ ко злу, и они спѣшати на пролитіе невинной крови; мысли ихъ — мысли нечестивыя, опустошенія и гибель на стезяхъ ихъ (Ис. 59, 7).“

Мы знаемъ, что наши обличенія вызовутъ въ Васъ только злобу негодованія, что Вы будете искать въ нихъ лишь поводъ для обвиненія Насъ въ противленіи власти, но чѣмъ выше будетъ подыматься „столбъ злобы“ Вашей, тѣмъ вѣрнѣйшимъ будетъ это свидѣтельствомъ справедливости нашихъ обличеній.

Не Наше дѣло судить о земной власти: всякая власть, отъ Бога допущенная, привлекла бы на себя наше благословеніе, если бы она воистину явилась „Божіимъ судомъ“ на благо подчиненныхъ, и была страшна не для добрыхъ дѣлъ, а для злыхъ (Рим. 13, 3—4).

Нынѣ же къ Вамъ, употребляющимъ власть на преслѣдованіе ближнихъ и истребленіе невинныхъ, простираемъ Мы наше слово увѣщанія: отпразднуйте годовщину своего пребыванія у власти освобожденіемъ заключенныхъ, прекращеніемъ кровопролитія, насилія, разоренія, стѣсненія вѣры, обратитесь не къ разрушенію, а къ устроенію порядка и законности, дайте народу желанный и заслуженный имъ отдыхъ отъ междоусобной брани. „А иначе взыщется отъ Васъ всякая кровь праведная, Вами проливаемая (Лук. 11, 51), и отъ меча погибнете сами Вы, взявшіе мечъ (Мат. 26, 52)“. **ТИХОНЪ**, Патріархъ Московскій и всея Россіи.

Н. Я. Зданевичъ.

Тоска.

Мнѣ всякій видъ чужой страны
Вселяетъ грусть, рождаетъ сны.
Во снѣ родной мнѣ край чудится.
Душа груститъ и тамъ стремится,
Гдѣ отчій домъ, родимый кругъ,
Сестра и мать и братъ и другъ.
Тамъ спятъ мечты минувшихъ дней,
Счастлива жизнь весны моей.

С. Мстиславскій (С. Д. Масловскій).

Брестскіе переговоры.

Въ серединѣ ноября, непосредственно послѣ извѣстнаго приказа Крыленко о самочинныхъ перемиріяхъ — дѣло мира представлялось мнѣ безнадежно испорченнымъ. Распоряженіе прапорщика Крыленко войсковымъ частямъ — за свой страхъ и рискъ начать переговоры съ противникомъ — грозило огромнѣйшими послѣдствіями; полученное же дополнительно сообщеніе о фактическомъ приступѣ къ переговорамъ съ 19. ноября — обострило положеніе до высшей точки. Смѣшно обольщаться тѣмъ, что главная германская квартира „признала“ Крыленко Верховнымъ Главнокомандующимъ, согласившись войти съ нимъ въ переговоры.

Поэтому, когда во фракціи лѣвыхъ социалистов-революционеровъ Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета сказали мнѣ о рѣшеніи фракціи настоять на включеніи въ составъ отправляющейся делегации и меня — первымъ, инстинктивнымъ движеніемъ моимъ было на отрѣзъ отказаться. Слишкомъ сильна была „накипь“ на душѣ, слишкомъ труднымъ казалось приложить руку къ этому — такому чужому, *наперекоръ* всему пониманію моему начатому дѣлу, дѣлу казавшемуся мнѣ безысходно „предрѣшеннымъ“. И могъ ли я оказаться полезнымъ въ предстоявшихъ переговорахъ, при томъ отношеніи къ нимъ, которое продиктовали мнѣ приведенныя выше строки...

Но именно воспоминаніе объ этихъ строкахъ и заставило меня понять, что ѣхать необходимо; 18-го ноября вечеромъ, я сидѣлъ уже въ спальномъ вагонѣ экстреннаго поѣзда, отправлявшагося въ Брестъ.

І. На передовой линіи.

Первоначально поѣздъ былъ назначенъ на два часа дня, потомъ перенесенъ на восемь часовъ; на дѣлѣ мы выѣхали только въ двѣнадцать. Ночной путь до Двинска прошелъ почти безъ сна. Собранныя съ крайней поспѣшностью, организовав-

шаяся, въ буквальный смыслъ слова „на ходу“ — делегація, естественно, должна была хотъ въ общихъ чертахъ сговориться, условиться — до перехода окоповъ. Въ курсъ дѣла были, собственно говоря, только три представителя большевиковъ, первоначально намѣченные въ составъ делегаціи: они имѣли опредѣленные инструкціи отъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ. Остальные шесть членовъ „политической секціи“, равно какъ и прикомандированные къ делегаціи офицеры — не знали даже въ точности предѣловъ заданій и полномочій, которыми облечена была делегація. Въ силу этого, совѣщанія делегацій начались съ самаго момента отхода поѣзда; а такъ какъ, по пути, въ Псковѣ, къ намъ присоединились новые спутники, назначенные въ составъ военной миссіи — и ихъ пришлось немедленно же ввести въ курсъ дѣла, — до самаго утра, въ поѣздѣ, уносившемъ насъ къ Двинску, „не было сна“.

Въ Двинскѣ пришлось задержаться на нѣсколько часовъ. Здѣсь засѣдалъ армейскій съѣздъ V арміи, и делегаціи пришлось выступить на немъ. Лишь около 2-хъ часовъ дня удалось тронуться дальше. Такъ какъ состояніе дорогъ исключало возможность выѣхать, какъ предполагалось вначалѣ, непосредственно изъ Двинска на автомобиляхъ, — рѣшено было проѣхать въ поѣздѣ оставшійся еще неразрушеннымъ участокъ желѣзнодорожнаго пути за Двинскомъ, а тамъ, до переднихъ окоповъ — доставляться „какъ Богъ поможетъ“.

Поѣздъ нашъ остановился на „513-ой“ верстѣ; дальше путь былъ уже частью разобранъ, частью разрушенъ непріятельскими снарядами... глубокія, странно спокойныя воронки — видѣлись съ высокой площадки передняго вагона, — на ровной линіи уходящаго въ холмы и перелѣски полотна. Мы слѣзли.

Въ десяткѣ шаговъ отъ насыпи, за ненужнымъ ставшимъ шлагбаумомъ, грузно осѣвъ всѣмъ корпусомъ въ расползающуюся, дождемъ напоенную глину — стоялъ сиротливый автомобиль. Одинъ — изъ четырехъ, высланныхъ сюда отъ Двинска: остальные не добрались и до этого переѣзда. Да и этотъ, единственный, „пробился сквозь грязь“ къ мѣсту нашей высадки, казалось, только для того, чтобы засвидѣтельствовать готовность армейскаго комитета V-ой арміи „сдѣлать невозможное“ для облеченія делегаціи ея пути: пользоваться автомобилемъ для передвиженія — въ непролазной грязи грунтовой дороги, двоившей путь къ передовымъ окопамъ, рядомъ съ полотномъ, — было явно невысказуемо. Мы захватили багажъ — благо онъ былъ несложенъ: мало у кого были даже маленькіе чемоданчики, у большинства все снаряженіе вмѣстилось въ портфеляхъ, да сверткахъ, — и пѣшкомъ, одинъ за другимъ, далеко растягиваясь на обходахъ вырытыхъ снарядами овраговъ, потянулись по полотну, стараясь держаться настила уцѣлѣвшихъ шпаль.

Идти пришлось долго. Только въ сумеркахъ вступили мы въ лабиринтъ траншей, проволочныхъ загражденій и засѣкъ, составляющихъ передовую оборону выбраннаго для перехода делегации участка. Мы шли теперь — уже не узкой, длинною цѣпью, но настоящей толпой: на всемъ пути нашемъ, изъ землянокъ — подземныхъ щелей какихъ-то, сумрачныхъ зло-вѣщихъ, какъ провалы могилъ на заброшенномъ кладбищѣ — выходили намъ на встрѣчу, примыкали къ намъ — солдаты, „окопники“. Только немногіе ихъ нѣхъ заговаривали съ нами: и тѣ бросали лишь короткіе, односложные вопросы; остальные — молчаливой толпой смыкались вокругъ насъ, когда путь ширился, и разсыпались далеко вокругъ, влѣво, вправо, безъ дороги, по мокрымъ, ослизлымъ кручамъ, черезъ проржавѣлую колючую проволоку выходя на переѣмы нашей колоннѣ. Въ этихъ сосредоточенныхъ, молчаливыхъ взглядахъ, съ которыми скрещивались наши глаза — чувствовалась глубокая, душевная дума: такая большая, такая „самоотреченная“ — иначе я сказать не умѣю, — что съ горечью жгучей припоминались навѣты на этотъ — изболѣвшійся по мирѣ, по жизни — изголодавшійся, истомленный фронтъ. Горько подумать, что этихъ вотъ людей, *могущихъ такъ* смотрѣть, *такъ* напутствовать „делегацию мира“ молчаливымъ „наказомъ“ глубоко запавшихъ глазъ, — тамъ, въ Петербургѣ, люди хвальные любовью къ народу, къ революціи, — „признанные“, заслуженные „водители“ — поносятъ позорными кличками, увѣряя, что лишь „шкурные“ интересы диктуютъ имъ властную волю къ миру... Если-бы они — изъ уюта своихъ кабинетовъ, съ трибунъ многотолпныхъ собраній, отъ рампы блестящихъ „митинговъ-концертовъ“ — сошли, на мгновеніе хотя бы сюда, къ этимъ „могильнымъ“ землянкамъ; сошли безъ обычнаго партійнаго „генеральства“, попросту, по человѣчески.. Сошли — и заглянули въ эти глаза — глаза „смертниковъ“... Воистину, напутствіемъ незабываемымъ, напутствіемъ, котораго хватить намъ, чтобы до конца дойти — далекій, тяжелый, тернистый путь къ миру — стали для насъ эти окопные проводы.

Сумерки сгущались настойчиво и быстро. Скользкой тропой огибая замутившійся отъ дождя, широко расплывающійся прудъ, мы поднялись по крутому, колючей засѣкой оцетинившемуся откосу, опять на то же желѣзнодорожное полотно, къ разбитому нѣмецкими снарядами блидированному вагону. Въ потемкахъ, — его развороченныя стѣны, съ отогнутыми далеко въ стороны, избитыми въ рѣшето, желѣзными листами — казались особенно какъ то, сказочно огромными и тяжелыми. Отъ вагона — въ полусотнѣ шаговъ — сплошной сѣтью перекидывались съ бугра на бугоръ, между пнями скошенныхъ „тяжелымъ“ огнемъ

деревьевъ — проволочныя колючія сѣти. Онѣ обрывались — рѣзкимъ рубежомъ. А за ними, въ двухъ-трехъ сотняхъ шаговъ — темнѣла, неподвижная, сгрудившаяся, слитной казавшаяся въ сумеркахъ — толпа: пятномъ рѣзкимъ вился надъ нею бѣлый флагъ.

Дошли...

Мы пролѣзли, цѣпляясь лапами шинелей за проволоку — сквозь узкій проходъ между загражденіями. Толпа провожавшихъ рванулась было за нами, но члены армейскаго комитета отвели ее опять назадъ, за желѣзную сѣть. „Таково условіе“.

.....

Почти на полпути къ бѣлому флагу, дрожавшему надъ ожидавшей насъ германской „встрѣчей“, мы были остановлены громкимъ, нервнымъ окрикомъ — на чистомъ русскомъ языкѣ: „Не ходите дальше, пожалуйста“. Изъ подъ темнаго полога — дождя и спустившейся ночи — вынырнула низенькая фигура, въ плащѣ и острокопечной, закрытой чехломъ, каскѣ. За ней мелькнуло нѣсколько такихъ же касокъ; прорѣзалъ темноту нестерпимо-острый лучъ ручно электрическаго фонаря...

Насъ подвели къ настилу черезъ глубокую рывину. У входа на него — насъ встрѣтилъ дивизіонный генералъ — той дивизіи, на участіе которой мы переходили. Онъ сказалъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ — по русски, но съ сильнымъ акцентомъ, — попросилъ предъявить списокъ входящихъ въ составъ делегаціи лицъ, и, подъ лучомъ фонаря, защищая плащомъ отъ дождя переданную ему бумагу — сталъ выкликать по ней фамилію за фамиліей. По мѣрѣ того, какъ мы выходили изъ ряда — насъ пропускали черезъ настилъ на ту сторону рывины. Когда перешелъ послѣдній — высланы были солдаты принять оставленный нами у „нашей линіи“ багажъ, а насъ — свели, по деревянной лѣсенкѣ въ передовой окопъ, перемѣшавъ со встрѣчавшими насъ офицерами.

Въ отличіе отъ русскихъ траншей, причудливыхъ въ формахъ ихъ изгибовъ и переломовъ — германская траншея, по которой мы шли казалась выровненной по линіямъ. По глубинѣ — она казалась, въ меньшій мѣрѣ — раза въ три глубже нашихъ. По дну — уложены мостки: узкіе, рѣшетчатые, обведенные перилами изъ проволоки; несмотря на то, что дождь идетъ уже нѣсколько часовъ — въ траншеи сухо: вода, не задерживаясь, стекаетъ, по многочисленнымъ — буквально на каждомъ шагу отвѣтвляющимся отъ траншеи — водосточнымъ канавкамъ... Мимо бетонныхъ укрытій и блиндажей, аккуратныхъ, чистенькихъ, какъ на показъ, съ четкими надписями, и не менѣе четкими фигурами часовыхъ у каждой двери, на каждомъ поворотѣ, мы выходимъ (минутъ черезъ пять ходьбы), къ вагонамъ узкоколейной дороги. Приходится подождать

дать немного — пока поднесутъ багажъ. Германскій офицеръ, отрекомендовавшійся „назначеннымъ для нашего сопровожденія“ извиняется за ожидающее насъ неудобство переѣзда до станціи: составъ делегаціи предполагался гораздо болѣе малочисленнымъ — въ вагонахъ узкоколейки придется потѣсниться. Мѣста, дѣйствительно, — мало: части делегаціи приходится размѣститься даже на тормазныхъ площадкахъ двухъ маленькихъ, игрушечными кажущихся, вагоновъ. Впрягаютъ лошадей — и мы трогаемся.

Гудя, подпрыгивая на стыкахъ рельсъ — трясутся вагоны. Темень такая, что не видно толкомъ даже непосредственно передъ нами стоящаго на тормазѣ — между вагонами, на буферахъ — солдата. Онъ рѣзко выдѣляется изъ мглы только тогда, когда откуда-то спереди доносится рѣзкій, отрывочный крикъ, повторяемый идущими около вагоновъ солдатами:

„Bremsen!“ (Тормозить!).

Тогда мы видимъ торопливо вертящія ручки тормазовъ, руки и балансирующее тѣло. Методично, черезъ точно размѣренные промежутки времени, вправо и влево отъ насъ — вспыхиваютъ и медленно гаснутъ высоко, высоко въ воздухѣ ракеты. Рѣже, но также размѣренно и методично, — обшариваетъ облака и землю прожекторъ. И въ эти короткія минуты передъ нами вскрывается панорама широкаго шоссеинаго пути, окаймленнаго бараками, насыпями, перелѣсками; людей — не видно: ни „вольныхъ“, ни солдатъ. И, въ рѣзко падающей, послѣ такой вспышки свѣта, темнотѣ — дальше бѣгутъ и стучатъ колеса...

„Bremsen!“

Минуть черезъ двадцать ѣзды — остановка. Небо просвѣкло, свѣтлѣетъ настолько, что намъ, съ нашей тормазной площадки видно отбѣтвленіе узкоколейнаго пути и стоящіе на немъ — такіе-же игрушечные, какъ и нашъ, вагончики. Лошадей отпрягаютъ — и спереди, изъ темноты надвигается на насъ, стуча по рельсамъ, что-то хрипящее, подсвистывающее, задыхающееся въ перебояхъ — желѣзное, низенькое — въ полвысоты вагона. „Страшилище“ — смѣются наши офицеры. „Керосинка“ — флегматично опредѣляетъ делегатъ-матросъ. На этой „керосинкѣ“, смѣнившей лошадиную тягу, — мы тащимся дальше. Сыро, слякотно, холодно, тряско. И мы всѣ, кажется, одинаково рады, когда тупымъ толчкомъ стучаются внезапно остановленные вагоны и раздается, наконецъ, долгожданное: „Aussteigen“.

Насъ подвезли къ самому поѣзду. Поѣздъ экстренный: нѣсколько спальныхъ вагоновъ, вагонъ-столовая. Намъ указываютъ предназначенный делегатамъ вагонъ (военной комисіи отведено особое помѣщеніе). Но прежде чѣмъ ввести насъ.

комендантъ поѣзда приглашаетъ насъ подняться... въ багажный вагонъ, чтобы очистить сапоги отъ налипшей грязи. Мы поднимаемся и застаемъ тамъ съ полдюжины солдатъ, вооруженныхъ щетками и баночками ваксы...

Товарищи — рабочій и матросъ — колеблятся одно мгновение: подставить-ли ноги этимъ людямъ, въ аккуратно сложенныхъ мундирахъ, въ нумерованныхъ фуражкахъ. Но, видя, что „всѣ чистятся“ — они, вмѣстѣ съ нами переступаютъ этотъ первый порогъ испытанія, которому будетъ подвергаться съ этой минуты нашъ демократизмъ — „Старая“ Германія...

Черезъ четверть часа поѣздъ трогается. На Брестъ, черезъ Вильно и Гродно.

III. Въ Брестѣ.

Въ Брестѣ мы пріѣхали на слѣдующее утро. На вокзалѣ насъ встрѣтилъ комендантъ съ цѣлой свитой офицеровъ, и въ автомобиляхъ — „по трое“ — мы были доставлены въ крѣпость, гдѣ размѣстились въ двухъ флигеляхъ — бывшихъ „казенныхъ квартирахъ“ штата крѣпостного управленія Брестъ-Литовска. Въ Петербургѣ участники отступленія отъ Бреста рассказывали, что кромѣ крѣпости — въ Брестъ-Литовскѣ не осталось никакихъ построекъ. Городъ выгорѣлъ до тла, жители выселены. И на дѣлѣ мы не видѣли на пути отъ вокзала до крѣпостныхъ воротъ никакихъ строеній, кромѣ разрушеннаго, искалѣченнаго корпуса какой-то фабрики, громоздкія развалины которой не поддались даже „германской“ уборкѣ. Остальное-же пепелище, повидимому, „убрано“. По крайней мѣрѣ, окрестности крѣпости не имѣли ничего зловѣщаго, ничего, что говорило бы о жестокихъ дняхъ, пережитыхъ „бывшимъ городомъ“.

Провѣрить правильность Петербургскихъ сообщеній не удалось, такъ какъ за краткое время пребывания въ Брестѣ, делегація не имѣла, въ буквальномъ смыслѣ слова, свободнаго часа. Сказывалась спѣшность сборовъ: организаціонные недочеты пришлось наверстывать, и засѣданія делегаціи — „пленарныя“ или „по секціямъ“ (политической и военной), шли въ промежуткахъ между засѣданіями конференціи, затягиваясь, почти до самаго утра, всю ночь на пролетъ.

Никто изъ насъ не имѣлъ, поэтому, возможности за эти дни выйти за крѣпостныя ворота — въ городъ. Но судя по тому, что комендантъ — еще на вокзалѣ, предварилъ насъ, что въ предѣлахъ крѣпости мы можемъ передвигаться безъ малѣйшихъ стѣсненій, и безъ риска какихъ-либо инцидентовъ, „въ случаѣ же выѣзда въ городъ“ намъ предлагается обязательно брать съ собой кого-нибудь изъ приставленныхъ къ намъ офицеровъ, „во избѣжаніе недоразумѣній“, — судя по этому — „Городъ“ существуетъ. Подтвердились лишь свѣдѣнія о полной

эвакуаціи его жителями: Брестъ сталъ исключительно „солдатскимъ городомъ“. Объ этомъ говорилъ мнѣ черезъ день по прїѣздѣ „сосѣдъ по столу“ въ Собраніи жаловавшійся, что въ Брестѣ, за все долгое „безъ-отпускное“ пребываніе въ немъ, — онъ ни разу не слышалъ дѣтскаго голоса. „Дѣтей въ Брестѣ нѣтъ — одни солдаты“.

Въ самой крѣпости — какихъ-либо слѣдовъ разрушенія не видно. Напротивъ: рядомъ со старыми постройками возведенъ цѣлый рядъ новыхъ — бараковъ, вышекъ, кіосковъ, такъ что создается даже — (по крайней мѣрѣ въ той части, гдѣ мы жили) — ощущение нѣкоторой тѣсноты.

Размѣщеніемъ по комнатамъ, которымъ руководилъ высокій капитанъ германскаго генеральнаго штаба — уроженецъ Петербурга, окончившій Peter-Schule — заключились наши дорожныя впечатлѣнія. Съ этого времени — делегація цѣликомъ ушла въ работу, перерывовъ въ которой, кромѣ часовъ завтрака и обѣда, — какъ я сказалъ уже — почти не было.

Официальныя засѣданія конференціи начались въ самый день нашего прибытія, подъ вечеръ. Передъ открытіемъ работъ, состоялась встрѣча делегаціи съ „официальнымъ“ руководителемъ германской делегаціи, принцемъ Леопольдомъ Баварскимъ. Пишу — „встрѣча“, такъ какъ, по выраженному делегаціей — въ соотвѣтственно „дипломатическихъ“ формахъ — желанію избѣжать „представленій“, или — вообще, какого-либо церемоніала, могущаго получить характеръ политической демонстраціи — вдвойнѣ неприемлемой для насъ — и какъ для соціалистовъ, и какъ для представителей воюющей съ Германіей страны, предполагавшійся, поскольку можно было понять, первоначально официальный пріемъ замѣненъ былъ „встрѣчей“ делегаціи съ Леопольдомъ Баварскимъ по пути къ зданію, въ которомъ должны были открыться засѣданія конференціи. Леопольдъ обратился къ членамъ делегаціи со слѣдующей, по-нѣмецки произнесенной, рѣчью:

„Господа! Я привѣтствую васъ, какъ уполномоченныхъ представителей Правительства Россійской Республики, делегированныхъ сюда для заключенія перемирія. Я надѣюсь, что общими усиліями ваша работа приведетъ къ желанной цѣли. Германское верховное командованіе, въ согласіи съ нашими союзниками, уполномочило меня руководить переговорами о мирѣ. Я поручилъ начальнику моего штаба генераль-маіору Гофману председательствовать отъ моего имени на совѣщаніи. Еще разъ я привѣтствую васъ и надѣюсь, что вы будете хорошо себя чувствовать въ моей ставкѣ“.

На это председатель русской делегаціи А. А. Гоффе отвѣтилъ — на русскомъ языкѣ — слѣдующимъ „отвѣтнымъ словомъ“, текстъ котораго былъ нами коллективно выработанъ:

„Господинъ главнокомандующій арміями восточнаго фронта! Мы явились сюда въ качествѣ представителей народовъ Револуціонной Россіи, которая исполнена твердой рѣшимости положить конецъ всеобщей войнѣ общимъ миромъ, соотвѣтствующимъ справедливымъ стремленіямъ демократическихъ массъ всѣхъ воюющихъ странъ. Въ надеждѣ, что эта задача получить свое осуществленіе, я имѣю честь, господинъ главнокомандующій восточнаго фронта, благодарить васъ отъ имени нашей делегаціи за ваше привѣтствіе!“

Этимъ ограничилась „этикетная“ часть: — мы вошли въ домъ, отведенный подъ засѣданія конференціи.

III. „Поединокъ“.

За все время нашего перебиванія въ предѣлахъ расположенія германскихъ войскъ, германцы не разъ старались щегольнуть традиціонной своей „высотой техники“, аккуратностью и быстротой работы. Однимъ изъ такихъ образцовъ являлся баракъ, отведенный для засѣданій конференціи. Какъ выяснилось въ „кулуарныхъ“ разговорахъ, — русская делегація предполагалась германцами (и не безъ основаній!) значительно менѣе численной, чѣмъ оказалось на дѣлѣ: еще наканунѣ нашего пріѣзда, днемъ, — когда делегація находилась уже въ пути, на сдѣланный германцами официальный запросъ — изъ Двинска отвѣтили, что ѣдетъ всего пять человѣкъ. Сообразно этому разверстаны были квартиры делегаціи и подготовлены залъ засѣданій: онъ оказался, естественно, слишкомъ тѣснымъ, когда вмѣсто пяти — пріѣхало чуть не тридцать человѣкъ... И вотъ, когда выяснилось недоразумѣніе, всего за нѣсколько часовъ до нашего пріѣзда, — комендантъ спѣшно вызвалъ команды, которыя въ одну ночь разобрали стѣну въ намѣченномъ для засѣданій баракѣ, соединивъ смежныя комнаты въ одну — просторную и длинную залу, оклеили ее новыми обоями, и къ нашему пріѣзду — за огромнымъ, во всю длину комнаты протянувшимся столомъ свободно могло размѣститься свыше пятидесяти человѣкъ. Той же „спѣшный ремонтъ“ — вплоть до оклейки новыми обоями, произведенъ былъ и въ комнатахъ, отведенныхъ намъ подъ постой: всего нѣсколько комнатъ остались въ первобытномъ состояніи... достаточно, впрочемъ, опрятномъ. Пострадалъ, въ этомъ отношеніи, только капитанъ Д., „унаслѣдувавшій“ комнату — сплошь завѣшанную картинками самаго игриваго — чтобы не сказать „вертепнаго“ — свойства.

.

Отбывъ „встрѣчу“ съ Леопольдомъ — мы поднялись, по начисто подчищеннымъ ступенькамъ крыльца, въ тѣсную прихожую, гдѣ — около вѣшалки стоялъ, въ полной походной

формѣ, при оружіи и въ каскѣ, дежурный германскій офицеръ. Черточка мелкая, но любопытная для характеристики германской арміи, ея внутренняго, дисциплинарнаго уклада. Какъ выяснилось въ послѣдующіе дни — эта прихожая была „обычнымъ“, „нормальнымъ“ мѣстомъ дежурства назначаемыхъ въ помѣщеніе конференціи офицеровъ... Когда бы мы ни заходили туда (иногда поздней ночью, въ 2—3—4 часа, для переговоровъ по Юзу), каждый разъ мы заставляли у вѣшалки, загромаждавшей почти полъ комнаты, туго затянутую въ мундиръ фигуру, съ каской въ рукѣ, при оружіи... И какъ характерно вяжется это — „дежурство въ прихожей“ — съ „помпозной идеологіей“, типичнѣйшими представителями которой мы привыкли считать прусскихъ Leutnant'овъ...

По русскому обычаю, мы нѣсколько запоздали: при входѣ нашемъ, въ залѣ уже находились представители остальныхъ делегацій: не было только генерала Гофмана, назначеннаго общимъ предсѣдателемъ делегацій „четырехъ державъ“. Обмѣнявшись поклонами, мы заняли мѣста.

Русская делегація размѣстилась по правую (отъ входа) сторону стола: въ центрѣ, предсѣдатель делегаціи, А. А. Юффе, рядомъ съ нимъ — справа, Каменевъ и остальные члены политической делегаціи, слѣва — я, и члены военной делегаціи. Напротивъ Юффе занялъ мѣсто генераль Гофманъ, около него — съ одной стороны, представитель германскаго морскаго генеральнаго штаба Бринкенъ. Рядомъ съ Бринкеномъ — турецкій уполномоченный, Цекки-Паша, приземистый, коренастый, съ золотыми, зажгученными лепешками массивныхъ эполетъ на плечахъ, вздернутыхъ къ оплывшему лицу, изрытому морщинами и частымъ, жестокимъ бритьемъ. По правую его руку — какъ и быть должно, — представитель Болгаріи, подполковникъ Ганчевъ, воспитанникъ нашей Военной Академіи; за нимъ — до конца стола, германскіе офицеры генеральнаго штаба.

Влѣво отъ Гофмана, за Горномъ, — мѣста австрійской делегаціи: подполковникъ Покорный, подвижной, съ открытымъ и живымъ лицомъ чехъ, затѣмъ маіоръ, затѣмъ — ротмистръ и опять прусскіе штабные. Весь этотъ рядъ — поблескиваетъ разноцвѣтной эмалью крестовъ, полумѣсяцевъ и звѣздъ на темныхъ походныхъ мундирахъ. И, отрываясь глазами отъ этого ряда, перенося взглядъ на „насъ“ — „чувствуешь“, въ буквальномъ смыслѣ „глазами“, — глубокое различіе двухъ — лишь узкой полосой стола раздѣленныхъ въ этой комнатѣ — міровъ. Развѣ не „символичны“ — въ высшей мѣрѣ, — хотя-бы только эти — точно нарочно другъ противъ друга посаженные — старый, сивый весь, до прозелени, крестьянинъ Сташкѣвъ, въ зипунѣ и рубахѣ — и австрійскій ротмистръ, въ невозможной

высоты желтомъ воротникѣ, весь усіянный побрякушками, унизанный кольцами — отъ мизинца до большого пальца.

Засѣданіе открылось въ 4 часа 10 минутъ по германскому времени (т. е., по нашему — въ 6 часовъ), короткимъ „словомъ“ генерала Гофмана, выразившаго надежду, что переговоры приведутъ къ благопріятному для обѣихъ сторонъ концу.

Затѣмъ послѣдовало заявленіе о томъ, что предъявленные русской делегаціей полномочія признаны правильными, и германцы — со своей стороны предъявили полномочія своей делегаціи и делегаціи австрійской. Болгарскіе и турецкіе уполномоченные не успѣли еще получить письменной „довѣренности“ отъ своихъ правительствъ, и намъ предложено было удовлетвориться на первое время лишь телеграфными сообщеніями о назначеніи ихъ на конференцію. Изъ этого факта можно сдѣлать выводъ, что Цекки и Ганчевъ находились въ Ставкѣ Леопольда независимо отъ пріѣзда русской делегаціи — вѣроятно въ качествѣ военныхъ агентовъ.

Послѣ обмѣна полномочіями — генераль Гофманъ предложилъ русской делегаціи высказать свои пожеланія.

Всѣ сразу какъ-то подтянулись и сосредоточились: поединокъ начался.

„Поединокъ“. Потому что посылка делегаціи была актомъ не мира, но борьбы. *Такъ* поняла этотъ актъ Революціонная Россія, только *такъ* могла она принять и одобрить Брестскую поѣздку. — И даже больше того: *побѣдительницей должна была* вернуться съ этого поединка делегація. Потому что, при сложившихся обстоятельствахъ — неуспѣхъ этого рискованнѣйшаго шага грозилъ-бы самыми тяжелыми, воистину непоправимыми послѣдствіями. Есть аналогія между „мирнымъ начинаніемъ“ Ленина и Троцкаго и „іюньскимъ наступленіемъ“ Керенскаго. Пути разные — цѣль одна, и одинъ можетъ быть исходъ. Ибо, какъ Керенскій, рискнулъ попытаться переходомъ въ наступленіе „форсировать ликвидацію войны“ — лишь вызвалъ новыя рѣки крови, накликалъ, „провоцировалъ“ отвѣтный германскій ударъ, — такъ и начатые переговоры, въ случаѣ крушенія ихъ, неминуемо должны будутъ привести къ новымъ рѣкамъ крови, новому развалу: ибо, очевидно, что въ случаѣ разрыва — австро-германцы незамедлительно отвѣтятъ на него новымъ наступленіемъ.

На это закрывать глаза не слѣдуетъ: приступивъ къ переговорамъ — правительство Ленина и Троцкаго — поставило Россію передъ дилеммой: или миръ, въ короткое время — ибо, очевидно же, надолго затянуть переговоры германцы никогда не позволятъ, это имъ слишкомъ невыгодно, — или возобновленіе германскаго наступленія, и притомъ въ формахъ болѣе настоячивыхъ и жестокихъ, чѣмъ раньше... Ибо, на этотъ разъ,

австро-германцы поставили бы себѣ цѣлью *принудить* насъ къ миру...

И это новое наступленіе имъ пришлось бы вести, въ такомъ случаѣ, въ условіяхъ болѣе для нихъ выгодныхъ чѣмъ раньше — ибо зараза „частныхъ перемирій“, посѣянная приказомъ Крыленко, — фактически ликвидировала всякую возможность борьбы, на ключья разорвавъ фронтъ. И до возстановленія этого фронта, — нечего и думать о какомъ-либо активномъ, могущемъ разсчитывать на успѣхъ, сопротивленіи. Но какъ возстановить этотъ фронтъ, — если разрывъ произойдетъ сегодня, завтра, въ ходъ нашихъ переговоровъ, когда фронтъ — въ состояніи полного развала когда за Ставку идетъ споръ — и нѣтъ даже элементарнѣйшихъ средствъ объединить, въ случаѣ необходимости, разрозненные участки четырехъ фронтовъ, отъ Балтики до Чорнаго моря...

Германцы могли бы остаться спокойными свидѣтелями всѣхъ нашихъ тяжелыхъ, скорбныхъ событій, — если бы мы сохраняли прежнюю „негласную“, самочинно установившуюся приостановку дѣйствій... „Углублять“ операціи на русскомъ фронтѣ имъ нѣтъ ни стратегическихъ, ни политическихъ основаній: ихъ цѣли — на Западѣ. Но разъ мы *сами* затѣяли разговоръ о перемиріи — они, конечно же, попытаются использовать это въ своихъ видахъ: пріѣхавъ въ Брестъ — делегация вложила голову въ львиную пасть. И если бы она вложила только *собственную* голову...

Разрывъ переговоровъ, такимъ образомъ, грозилъ бы новой военной катастрофой. Но — съ другой стороны, „капитулировать“, пойти на любыя условія, какія только ни продиктуетъ Германія, делегация, очевидно, не могла — ибо всякій шагъ въ этомъ направленіи былъ бы измѣной. Измѣной — дѣлу Интернаціонала, и тѣмъ принципамъ, которые *рѣшила* положить въ основу будущаго мира Революціонная Россія, — и отъ которыхъ она не откажется... хотя бы подъ угрозой катастрофы.

Смертнымъ видѣлся мнѣ, поэтому, завязывавшійся поединокъ. И — открыто, прямо говоря, — я ждалъ его съ затаенной тревогой. Потому что силы двухъ сошедшихъ на этотъ поединокъ становъ казались слишкомъ явственно, слишкомъ вопіюще неравными. Русская делегация, собранная наспѣхъ, изъ элементовъ далеко не „одинаковой тактики“ и — главнѣе всего, — совершенно не успѣвшихъ столкнуться между собой, не искусенныя въ искусствѣ дипломатическаго „двуязычія“, обреченныя фактически на „импровизацію“ тамъ, гдѣ на вѣсу — въ буквальномъ смыслѣ — каждое слово, должна была состязаться съ противникомъ, опытнымъ, заранѣе одбумавшимъ всѣ свои ходы. Недаромъ передъ каждымъ изъ германскихъ и союзныхъ имъ делегатовъ лежали аккуратно отлитографированные листки съ какими-то инструкціями, замѣчаніями, меморандумами.

А передъ нами лежали только — тѣми же нѣмцами заготовленные, въ чистенькихъ синихъ папочкахъ, чистые листы бумаги...

Правда, делегація — отвергнувъ „пріемы старой дипломатіи“, предлагала германцамъ помѣряться силами, какъ будто, новымъ методомъ, исключавшимъ преимущества „прежней подготовки“ противника. Но вся бѣда въ томъ, что существо всякаго рода „преимуществъ“ — не въ самыхъ пріемахъ, но въ опытѣ. То, что Ленинъ и Троцкій незаслуженно громко называли уничтоженіемъ пріемовъ старой дипломатіи, — на дѣлѣ является лишь уничтоженіемъ старыхъ шаблоновъ. Существо же дипломатіи осталось не измѣннымъ, и даже нимало не очищеннымъ отъ прежнихъ сквернъ; иначе — не можетъ и быть: ибо политика — всегда есть и останется политикой. И какъ была она — по чистой совѣсти говоря — „*sale besogne*“ — во всѣ времена, такъ и останется таковой же — при самомъ даже „революціоннѣйшемъ“ правительствѣ; вплоть до того момента, какъ утвердится Интернаціональ, Міръ Новый, новый укладъ общенія людей.

Съ этимъ — ничего не подѣлаешь. И когда, до приступа къ „поединку“, т. Іоффе — многозначительно указалъ ген. Гофману на „особенность“ нашихъ дипломатическихъ пріемовъ, совершенную прямоту заявленій и полную гласность каждаго произносимаго здѣсь слова, — председатель нѣмецкой делегаціи „принялъ это къ свѣдѣнію“ съ совершеннымъ спокойствіемъ, — въ которомъ свѣтилась твердая вѣра, что... политика останется политикой, даже когда ее ведутъ „санкюлоты“...

И, памятуя это, я, повторяю, спокойно, сосредоточенно, — ожидалъ предстоявшаго дипломатическаго состязанія. И, оглядывая сосѣдей, ближнихъ и дальнихъ — я видѣлъ на лицахъ ихъ то же, спокойное сосредоточенное выраженіе, выраженіе, которое бываетъ у людей, когда они выходятъ „къ барьеру“...

IV. Вступительная декларація.

Въ отвѣтъ на предложеніе ген. Гофмана — ознакомить конференцію съ сущностью русскихъ пожеланій. А. Іоффе огласилъ выработанную нами „вступительную“ декларацію:

„Полагая въ основу переговоровъ о перемиріи принципы демократическаго мира, выраженные въ декретѣ Всероссійскаго Съѣзда Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и подтвержденные чрезвычайнымъ Съездомъ Крестьянскихъ Депутатовъ, мы ставимъ своею цѣлью скорѣйшее достиженіе всеобщаго мира безъ аннексій и коатрибуцій, съ гарантіей права на національное самоопредѣленіе. Въ цѣляхъ достиженія такого всеобщаго мира, мы уполномочены обсудить условія перемирія на всѣхъ фронтахъ съ присутствующими здѣсь полномочными представителями Германіи, Австро-Венгрии, Болгаріи и Турціи.

Мы предлагаемъ поэтому немедленное обращеніе ко всѣмъ не представленнымъ здѣсь воюющимъ странамъ съ предложеніемъ принять участіе

въ вѣдущихся переговорахъ. Мы полагаемъ, что принятіе этихъ обоихъ пунктовъ является необходимой предпосылкой для немедленнаго вступленія въ обсужденіе условій перемирія на всѣхъ фронтахъ“.

Юффе читалъ по русски. Такъ какъ Франція — въ числѣ воюющихъ, было рѣшено при переговорахъ отказаться отъ традиціоннаго языка дипломатовъ; по тѣмъ-же основаніямъ признано неудобнымъ прибѣгнуть къ англійскому языку. Условились, что каждая делегація будетъ говорить на своемъ родномъ языкѣ — и „обмѣнъ мнѣній“ будетъ идти черезъ переводчика.

Гофманъ отвѣтилъ на декларацію однимъ — короткимъ, но бьющимъ прямо въ цѣль, вопросомъ:

„Уполномочена-ли русская делегація говорить и отъ имени ея союзниковъ?“

Уже самый вопросъ этотъ ставилъ — на путяхъ нашихъ деклараций — опредѣленную, „реально-политическую“ грань: въ переводѣ на очищенный отъ „тайной дипломатіи“ русскій языкъ это звучало такъ: „поскольку здѣсь присутствуютъ одни русскіе революціонеры — мы можемъ говорить только о перемиріи съ русской революціонной арміей; только объ этомъ мы можемъ говорить серьезно“.

Но делегація — иначе смотрѣла на дѣло: совершенно необходимымъ казалось ей — до полной рельефности выявить свое лицо, распахнуть увѣренность германцевъ въ томъ, будто у насъ, пріѣхавшихъ, всѣ мысли и мечтанія, и стремленія направлены къ „сепаратному перемирію“ и сепаратному миру. Поэтому, она не подняла оброненнаго Гофманомъ намека — „сразу“ истерпать поставленную ею тему „объ установленіи принциповъ, которые должны лечь въ основу всеобщаго демократическаго мира“.

Генераль Гофманъ вторично попытался отмахнуться отъ продленія „безцѣльнаго“, съ его точки зрѣнія, разговора формальной ссылкой на отсутствіе у него, и у остальныхъ членовъ союзныхъ Германіи делегацій „политическихъ полномочій“. „Здѣсь не случайно — одни только военные. Миръ — дѣло доброе, всѣ мы одинаково жаждемъ его. И мы больше готовы къ нему — чѣмъ коалиція, къ которой принадлежитъ Россія, ибо вы видите — дѣлаетъ Гофманъ широкій и плавный жестъ — союзники Германіи всѣ здѣсь, за однимъ столомъ, готовые говорить о прекращеніи военныхъ дѣйствій. А ваши союзники? — Гдѣ они?...“

„Но въ данный моментъ, рѣчь не объ этомъ. Говорить о мирѣ — можно только остановивъ кровопролитіе. Въ этомъ очередная задача: и именно ради нея, ради обсужденія военнотехническихъ условій ея и засѣдаетъ нынѣ конференція. Дальше этой военной техники онъ, Гофманъ, и другіе представители союзныхъ армій — какъ солдаты, и *только* солдаты —

говорить не призваны"... А потому... давайте говорить о перемирии

Но русскіе делегаты не хотятъ удовольствоваться и формальнымъ отводомъ: они снова настаиваютъ. И, съ явной неохотой, чтобы „двинутся“ все-же съ мѣста — генераль Гофманъ дѣлаетъ ссылку на политическія заявленія Чернина и Кюльмана...

Но и этой ссылкой — не удовлетворяется делегация. — Т. Каменевъ произноситъ двѣ программнаго характера рѣчи, которыя германцы выслушиваютъ, съ каменными лицами, неподвижные, какъ на парадѣ. И каждый разъ, какъ Каменевъ заканчиваетъ, мы слышимъ отъ Гофмана — все тотъ-же, но все болѣе и болѣе настойчивый „refrain“, смыслъ котораго: „давайте говорить о *дѣлѣ*“...

Въ короткихъ, уклончивыхъ—но такъ опредѣленно-уклончивыхъ отвѣтахъ ясно и томительно-настойчиво слышалось: „довольно-же!“ Ну, мы понимаемъ, что этотъ „обрядъ“ заявленій о мирѣ всего міра — необходимъ, обязателенъ для васъ, социалистовъ и революціонеровъ. Мы подчиняемся: декларируйте, заносите въ протоколъ, но — ради Создателя — не затягивайте этой обрядности. Вѣдь вы-же не только революціонеры — вы и политики: должны-же вы понимать, что все это для насъ — „милитаристовъ и имеріялистовъ“ — только „кимваль бряцающий“, и притомъ бряцающий отнюдь не мелодично. Не злоупотребляйте-же „революціонной дипломатіей“; кончайте декламацию — и переходите къ дѣлу — къ переговорамъ о сепаратномъ перемирии...”

Я не политикъ — можетъ быть поэтому я всецѣло понималъ нетерпѣніе генерала Гофмана. Этотъ „часъ деклараций“ — (ибо онѣ длились не менѣе часа) былъ и для меня томителенъ, яснымъ ощущеніемъ ненужности этихъ настоятельныхъ повтореній.

Для слушателей непосредственныхъ — всѣ эти социалистическія заявленія были пустой болтовней: вѣдь даже уже для нашего же переводчика, военного чиновника, обоими нацѣпленными на грудь орденами своими свидѣтельствовавшего о непричастности къ нашему революціонному и социалистическому „безумію“,— слова эти были „хрестоматическимъ текстомъ“: уже въ *его* нѣмецкой передачѣ отмирали — въ туманъ расплывались эти слова: какими-же доходили они до слуха „германской делегации“...

Знаю, что на этотъ „слухъ“ — никто изъ делегации и не рассчитывалъ; что настойчивымъ повтореніемъ программныхъ требованій русской революціи — предполагалось „говорить черезъ головы германскаго генералитета — къ народамъ“. И не

только народамъ Германіи, Австріи, Болгаріи, но и къ нашему собственному: вѣдь, отъѣзжая отъ Петербурга, мы чувствовали, мы знали, что уже бѣжитъ, змѣится за нами клевета... И, передъ этой неизбежной клеветой, могущей затемнить усталое — отъ переживаній такъ быстро, такъ катастрофично смѣняющихся событій — сознаніе народное — также, какъ будто, надлежало съ особой твердостью закрѣпить *дѣйствительныя* намѣренія делегаціи, утвердить въ официальныхъ документахъ передъ лицомъ Народной Россіи — открыто и ясно — истинный смыслъ поездки въ Брестъ.

Все это — если хотите, теоретически — правильно: но все это — по ту сторону дѣйствительной жизни, по ту сторону — „практической политики“. Ибо для домашнихъ клеветниковъ — никакіе протоколы само собою ясно, не могутъ имѣть убѣдительности самомалѣйшей; и для тѣхъ, кто этой клеветѣ *захочетъ* повѣрить — документы, хотя-бы за семью печатями, за семьюдесятью семью подписями, — тоже не будутъ имѣть никакой цѣвы. Мы въ такое время живемъ, когда люди, въ массѣ своей, въ рѣшающемъ множествѣ — не разумомъ, но сердцемъ живутъ, не *знаніемъ*, но *вѣрой*. И если знаніе — становится наперекоръ ихъ вѣрѣ — они отрицаютъ знаніе, они затыкаютъ уши, зажимаютъ руками глаза — гонятъ отъ себя ранящіе ихъ вѣру факты. Какое-же значеніе могутъ имѣть — въ условіяхъ такихъ — скупыя, осторожныя, „дипломатическія“ строчки Брестскихъ протоколовъ.

Для Россіи — для борющихся въ ней силъ — вопросъ стоитъ такъ: для одной части, одного стана — для всѣхъ тѣхъ, которыхъ сбиль временно подъ откосъ исторіи поднявшійся въ октябрьскіе дни духъ социальной, классовой Революціи — всякій шагъ, всякое слово делегаціи есть зло, безспорное, безотговорочное, проклятое на вѣки, безоглядно. Что бы ни привезла съ собою изъ Бреста делегація — она проклята. Привезетъ перемиріе — перемиріе это будетъ объявлено „продажей Россіи, предательствомъ“; привезетъ возобновленіе войны — и это будетъ объявлено предательствомъ, расплатой за авантюризмъ „вождей“ кровью массъ. И никакіе „документы“, никакія рѣчи — этой предрѣшенно оцѣнки измѣнить не могутъ: не могутъ они — и ослабить вліянія этой оцѣнки — на тѣ массы, которыя *могутъ* прислушаться къ ней. Ибо еще разъ: кто хочетъ вѣрить имъ, людямъ Старато Мира — тотъ повѣритъ каждому слову ихъ, хотя-бы о лживости этихъ словъ, воистину, вопіяли-бы камни...

И обратно: въ станѣ Революціи, въ станѣ захваченныхъ бурнымъ, стихійнымъ „классовымъ“ подъемомъ новаго періода Революціи — такой-же абсолютной, непререкаемой вѣрой въ каждое слово, въ каждый жестъ — поднятыхъ на гребень движенія вождей — движутся и сплываются людскія волны.

Быть можетъ, будутъ дни — и эта вѣра спадетъ, разсѣется, смѣнится горечью озлобленнаго. — быть можетъ яростнаго осужденія. Но пока этого нѣтъ. Пока, они вѣрятъ непоколебимо и смѣло.

Для этихъ-ли людей, для ихъ-ли вѣры — писать „протоколы?...“

И тутъ, и тамъ — не слова важны: для обѣихъ сторонъ они не имѣютъ вѣса. Значеніе имѣетъ лишь *фактъ*, самый исходъ переговоровъ, поскольку онъ *матеріально* измѣнить обстановку... Делегация, въ этомъ смыслѣ, могла бы и вовсе не вести никакихъ протоколовъ, никакихъ „записей“. Психологическій эффектъ *факта*, который сложится въ итогъ ея Брестскихъ работъ — не измѣнился-бы отъ этого — ни въ малой мѣрѣ... Для Россіи, поэтому, проявленная делегацией настойчивость въ деклараціяхъ — бесполезна. Но — не большій вѣсъ, на мой взглядъ, имѣетъ она и для Запада.

Ибо, думать, что здѣсь, въ Брестѣ, можно сказать хоть слово „черезъ головы генералитета“ народамъ — самоутѣшеніе, не больше. Въ лучшемъ случаѣ, это добросовѣстное, но тѣмъ не менѣе глубокое заблужденіе. Баракъ конференціи въ Брестѣ, — въ *этомъ* смыслѣ — наглухо замурованный казематъ. Можно поручиться, что ни одного слова, противорѣчащаго цѣлямъ и интересамъ германскаго и союзныхъ ему имперіализмовъ — отсюда не будетъ выпущено; народамъ Германіи и Австріи станетъ извѣстенъ лишь одинъ голый итогъ переговоровъ. И, заранѣе, съ увѣренностью можно предвидѣть, что этотъ итогъ, австро-германцы постараются одѣть — не въ тѣ одежды „революціонныхъ декларацій“, которыя заботливо приготовила для нихъ въ первомъ протоколѣ конференціи русская делегация, но въ одежды воинствующаго шовинизма, подъ знаменемъ котораго шла и нынѣ еще идетъ міровая война. „Правда“ Брестскихъ переговоровъ станетъ ясна и доступна народамъ только тогда, когда она уже перейдетъ въ исторію — когда „практически“ она больше не будетъ нужна. А для сегодняшняго дня — реаленъ, жизненъ, значущъ — только самый *фактъ* насильственнаго перелома войны, создаваемый нашимъ, — насильственнымъ тоже — перемиріемъ.

Вотъ почему, такъ понятенъ, психологически, былъ мнѣ настойчивый намекъ германской делегации — о неумѣстности затягиванія „декларативной части“. Настаивая, русская делегация, какъ будто допускала мысль о возможности привлечь къ своему плану „всеобщаго демократическаго мира“ — этихъ раззолоченныхъ по швамъ и суставамъ господъ. Конечно, ни у кого изъ делегатовъ не могло и быть такой мысли, но впечатлѣніе складывалось помимо воли, — именно такъ; искажался, блѣднѣлъ самый смыслъ вступительной нашей деклараціи; вѣдь задачей ея именно и было — подчеркнуть, какъ можно

рѣзче, грань между „нами“ и „ими“: она должна была прозвучать, какъ Святославовское предупрежденіе: „иду на Вы“. Прежде, чѣмъ приступить къ переговорамъ о прямой *единственной* задачѣ русской миссіи — выясненію условий, на которыхъ могъ бы быть закрѣпленъ перерывъ военныхъ дѣйствій на всѣхъ фронтахъ, и, въ первую очередь, на фронтахъ русскихъ — уполномоченные Революціонной Россіи должны были предупредить внятно, въ терминахъ категорическихъ, о томъ, что — для Революціи Русской „военное перемиріе“ представляется актомъ революціоннаго наступленія, актомъ подъема, а не ликвидаціи борьбы. И — какъ таковое предупрежденіе, оно должно было быть краткимъ и по существу, я сказалъ бы, — не требующимъ отвѣта. Уже самой постановкой вопроса — мы должны были сказать, что отвѣтъ — извѣстенъ намъ заранѣе. И отвѣтъ этотъ намъ безразличенъ. А стало быть — намъ незачѣмъ его и ждать. Всякое „затягиваніе“, настаиваніе излишне; „зондированіе почвы“ — способно было лишь навести, пожалуй, на мысль, что въ самомъ осуществленіи задачъ „демократическаго мира“ мы, социалисты и революціонеры — въ какой-либо степени разсчитываемъ на *правительства* Германіи, Австріи и иныхъ... Каждое лишнее слово — могло здѣсь пойти лишь во вредъ, лишь во ослабленіе яркости нашей революціонной позиціи.

Такъ казалось мнѣ. Повторяю; быть можетъ, потому, что я по профессіи не политикъ...

„Принципіальный“ обмѣнъ мнѣній, въ теченіе котораго русская делегація упорно нападаетъ, а генераль Гофманъ недвижимо и неколебимо стоитъ „en garde“, отбивая „ссылкой на отсутствіе политическихъ полномочій“ всѣ попытки вызвать его на какое-либо — въ ту или иную сторону „обязывающее“ заявленіе, заканчивается слѣдующимъ формальнымъ предложеніемъ русской делегаціи:

„Русская делегація, основываясь на точномъ текстѣ предложенія сдѣланнаго Совѣтомъ Народныхъ Комиссаровъ 13. (26.) ноября 1917 г., и принимая во вниманіе заявленіе Уполномоченныхъ, Германіи, Австро-Венгріи, Болгаріи и Турціи обт отсутствіи у нихъ полномочій взять на себя обязательство предложить всѣмъ воюющимъ противъ нихъ державамъ, не представленнымъ на данномъ совѣщаніи, приступить къ переговорамъ о перемиріи на всѣхъ фронтахъ, — предлагаетъ представителямъ Германіи, Австро-Венгріи, Болгаріи и Турціи сообщить о предложеніи уполномоченныхъ Россіи своимъ правительствамъ и впредь до полученія отвѣта переходить къ обсужденію условий перемирія“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ вносится предложеніе, чтобы къ протоколу были приложены точныя копіи русскаго „декрета о мирѣ“, и радіотелеграммъ Чернина и Кюльмана.

Видимо радуясь окончанію „декларативнаго предисловія“ генераль Гофманъ даетъ отъ лица „4-хъ союзниковъ“ требуемыя

обязательства о сообщеніи и приобщеніи — и снова предлагаетъ приступить къ „дѣловой части“.

Но здѣсь — его ждетъ новое разочарованіе. Какъ я сказалъ уже, делегація составлялась на спѣхъ, въ особенности — военная ея экспертиза. До отъѣзда изъ Петербурга — военныхъ совѣщаній по вопросу о возможныхъ условіяхъ перемирія — не было; большая часть военной делегаціи (5 офицеровъ изъ общаго числа восьми) — присоединилась къ намъ въ Псковѣ и Двинскѣ. Въ итогѣ — наши военные требованія — не сформулированы. А стало быть — нѣтъ никакой фактической возможности приступить къ выполненію той ближайшей задачи, которая поставлена делегаціи.

Поэтому, т. Гоффе отклоняетъ предложеніе Гофмана, ссылаясь на отсутствіе телеграфной связи съ Петроградомъ: „Юзъ“ еще только устанавливается... Отводъ, надо сознаться, не слишкомъ убѣдительный: ибо *начать* — можно, конечно, безъ телеграфной связи, съ тѣмъ матеріаломъ, который привезенъ. Ген. Гофманъ, поэтому, настаиваетъ: не допуская, по своей германской методичности, и мысли о томъ, что мы прибыли такъ „налегкѣ“, какъ это есть въ дѣйствительности, — онъ, явно, подозреваетъ въ фактически необходимой и насъ же самихъ стѣсняющей отсрочкѣ — какой-то политическій хитрый маневръ, смыслъ котораго онъ, естественно, уловить не можетъ и потому беспокоится. Но делегація, очевидно, не можетъ уступить; ген. Гофманъ, недоумѣнно соглашается уже... Но, въ самый „конечный“ мигъ — болгарскій полковникъ внезапно проявляетъ инициативу и предлагаетъ „дабы не терять времени“, огласить теперь же германскія условія перемирія, благо онъ уже готовъ, лежать, такъ сказать, на столѣ.

Генераль Гофманъ, на секунду теряя свое ледяное хладнокровіе, бросаетъ на болгарина, изъ подъ сѣдыхъ, насуспенныхъ бровей, воистину пепелящій взглядъ, подъ тяжестью котораго „иниціаторъ“, поскольку возможно, запрятываетъ голову подъ красный, топорщащійся воротникъ. Но „слово сказано“, ошибка сдѣлана. Русская делегація, конечно, съ горячностью поддерживаетъ предложеніе — раскрыть передъ нею карты противника. Встревоженно-недовольно перекидываются словами и взглядами офицеры германскаго штаба. Но... генераль Гофманъ — на высотѣ возложенной на него задачи: онъ „съ величайшей готовностью присоединяется къ предложенію полковника Ганчева“, и... читаетъ *заголовки* пунктовъ заготовленнаго германцами проекта: „срокъ и начало перемирія“; „демаркаціонныя линіи“; „морскія силы“ и т. д. и т. д. Что же касается содержанія этихъ пунктовъ, то оглашеніе ихъ „естественно“ — по его словамъ — „не представляется нужнымъ, т. к. дѣло союзныхъ делегацій — лишь отвѣтить на предложенія, которыя имѣютъ сдѣлать представители русской арміи“... Оглашеніе же „заголов-

ковъ“ имѣетъ тотъ смыслъ, что при окончательномъ редактированіи своихъ условій, русская делегація будетъ имѣть возможность построить ихъ — по той-же схемѣ, что и германскій контръ-проектъ, чѣмъ немало облегчится дальнѣйшая дискуссія.

А. А. Иоффе даетъ понять, что представитель Болгаріи явственно вкладывалъ иной, болѣе широкій смыслъ, въ свое предложеніе. Но болгаринъ — само собой! — спѣшитъ удостоверить самымъ категорическимъ образомъ, что онъ предлагалъ именно то, и только то, что сдѣлалъ генераль Гофманъ: большаго онъ, конечно же, и предлагать не могъ. Этимъ инцидентъ исчерпывается, засѣданіе объявляется закрытымъ до слѣдующаго утра и, обмѣнявшись чопорными поклонами — мы расходимся.

У. Въ Брестскомъ Собраніи.

Послѣ засѣданія — къ 7 час. 30 мин. въ Офицерское Собрание — обѣдать.

Обѣдъ этотъ и вообще вопросъ о „внѣдѣловомъ общеніи“ съ германскимъ офицерствомъ и, въ частности, съ высшимъ команднымъ составомъ вплоть до Леопольда Баварскаго, столывавшагося въ томъ же собраніи — сильно затруднялъ делегацію. Еще по дорогѣ къ окопамъ, обсуждая вопросы такъ сказать „этикета“ переговоровъ, мы съ совершенной опредѣленностью и единодушіемъ рѣшили, что, какъ делегація въ цѣломъ, такъ и отдѣльные члены ея не будутъ имѣть никакого соприкосновенія съ нѣмцами; болѣе того, было даже рѣшено, что знающіе нѣмецкій языкъ члены делегаціи „оставить это знаніе про себя“ и будутъ разговаривать только черезъ переводчиковъ. Въ поѣздѣ, на пути въ Брестъ, мы эту „единогласно вотированную“ систему примѣняли строго. Но должно сказать, что въ итогъ этого примѣненія мы почувствовали себя — чрезвычайно нелѣпо, ибо, по совѣсти говоря, дѣйствительно же нелѣпо было — даже на какойнибудь самый „житейскій“ вопросъ — вродѣ вопроса о чисткѣ платья или о постельномъ бѣльѣ — являть недоумѣніе. Въ конечномъ счетѣ, въ первоначальное рѣшеніе внесены были нѣкоторые коррективы — и запретъ удержанъ былъ во всей строгости — только для „темъ“, но не для самыхъ разговоровъ. Поправка тѣмъ болѣе естественная, что при насъ состояла цѣлая группа германскихъ офицеровъ, отлично говорившихъ по русски, такъ что отъ всякой бесѣды уклониться можно было бы только прямымъ заявленіемъ о нежеланіи вообще открывать ротъ. Но если мы разговариваемъ съ „домашнимъ“ классовымъ своимъ врагомъ, буржуазіей — есть ли достаточныя основанія уклониться совершенно отъ всякаго обмѣна слова съ тѣмъ же классовымъ врагомъ потому только, что онъ одѣтъ не въ виць-мундуръ какого

нибудь нашего министерства, а въ походный сюртукъ германскаго имперіализма...

Такой доводъ показался убѣдительнымъ, но „общеніе“ отъ этого не стало болѣе легкимъ. Напротивъ — именно вслѣдствіе этого разрѣшенія „словеснаго обмѣна“, пребываніе въ Брестѣ стало особенно тягостнымъ, подчасъ же прямо непереноснымъ.

Легко и свободно говорить съ врагомъ — кѣмъ бы онъ ни былъ: врагомъ классовымъ, политическимъ или „военнымъ“, когда разговоръ идетъ въ обстановкѣ боя, въ условіяхъ длящагося поединка. За длиннымъ столомъ засѣданій конференціи дышалось легко и спокойно, особенно когда „на той сторонѣ“ — въ шеренгѣ крестовъ и звѣздъ — замѣчалось „боевое“ движеніе... Но за предѣлами этой комнаты, на нейтральной почвѣ, всякая встрѣча, всякій разговоръ были мучительно-болѣзненны. Быть можетъ, это — пережитокъ, отзвукъ непреодолимой еще „старой“ психологіи... Или въ ощущеніи этомъ — лишь обостренность психологіи революціонной, естественная въ условіяхъ нашего Брестскаго пребыванія... Не знаю... Слишкомъ близки еще событія, слишкомъ напряжены, психологически, переживанія каждаго, смѣняющагося дня — чтобы можно было спокойно и трезво произвести надъ собой нужный душевный анализъ. Сейчасъ я могу записать только одно: они были тягостны, непереносны... до стиснутыхъ зубовъ, до озлобленія, — наши „внѣдѣловые“ разговоры въ столовой.

Тѣмъ болѣе непереносны, что „во внѣ“ — проявить чѣмъ-либо эту „тяготу“ было невозможно: со стороны нѣмцевъ — любезность и предупредительность къ делегации были, поистинѣ, чрезвычайны; я сказалъ бы даже — „черезчуръ чрезвычайны“: этимъ только подчеркивался политическій расчетъ пріема. Ибо — могли-ли въ комъ нибудь изъ насъ хоть на мгновеніе закрасться въ душу сомнѣнія въ томъ, что въ глазахъ этихъ нарядныхъ, подтянутыхъ свѣже подбритыхъ и зачесанныхъ оберстовъ, майоровъ и просто лейтенантовъ, мы, явившіеся говорить съ ними отъ имени революціонныхъ организацій, были самыми отъявленными мятежниками — мятежниками, торжествующими въ данный — рѣшающимъ для судебъ войны ставшій — моментъ и только потому заслуживающими пріема и обѣда, а не висѣлицы. Именно потому такъ просто, безъ треній, прошелъ вопросъ о полномочіяхъ русской делегации: въ глазахъ германскаго генеральнаго штаба — делегация „представляла“ реальную, господствующую въ *данный моментъ* въ Россіи силу. Вопросы о томъ — владѣтъ ли эта сила *государствомъ* — они, думается, себѣ и не ставили; съ нихъ было довольно и того, что сила эта владѣтъ арміей, а объ этомъ они знали безо всякихъ „документовъ“... При чемъ тутъ „провѣрка“! И если они, тѣмъ не менѣе, провели всю церемонію „размѣна полномочій“ и приобжили къ архиву делегации *свои* дипломатическія „грамоты“, за

„высокими подписями“, за тяжелыми сургучными печатами — то, опять таки, въ цѣляхъ все той же политической игры, которую надѣялись они выиграть.

И опять. Можетъ быть, все это — излишняя мнительность, но не разъ чудилось мнѣ, что не напрасно, не изъ одного лишь „военнаго такта“, въ тѣхъ бѣглыхъ фразахъ, которыми приходилось перебрасываться во время посѣщеній Собранія — обѣ стороны одинаково осторожно обходили всякую „политику“, замыкаясь въ кругу чисто „салонныхъ“ темъ: чувствовалось, въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, подчасъ даже въ интонаціи только, что здѣсь, въ штабѣ Леопольда, далеко не вѣрятъ, что мы, члены Всероссійскаго Центральнаго Комитета, прибыли воистину, какъ „враги“ — въ смыслѣ выпшемъ, въ смыслѣ болѣе непримиримомъ и смертномъ — чѣмъ простые „воюющіе“. Какъ и наши „здѣшніе“ буржуа — генералы и оберсты видѣли въ революціи — лишь анархію, „безпорядокъ“, внутренній распадъ. И чувствовалось: не словесъ побѣдной, къ новымъ подъемамъ, новымъ достиженіямъ идущей Революціи видѣли они въ насъ — а просто, лишь политиковъ, — пріѣхавшихъ говорить о мирѣ. И потому-то настойчивыя „революціонныя“ заявленія делегаціи на засѣданіяхъ — встрѣчались съ такимъ величайшимъ внѣшнимъ почтеніемъ, если хотите даже съ „покорностью“, но за почтеніемъ этимъ не чувствовалось „вѣры“ въ дѣйствительную силу, въ *правду* этихъ декларацій. И вотъ, сознаніе невозможности передать эту *правду*, заставить принять ее такой, какой принесли ее мы съ собой, въ душѣ, въ сердцѣ, сжимало горечью и злобой, давило кошмаромъ... въ короткія, но казавшіяся часами, минуты „внѣдѣловыхъ“ разговоровъ.

Я не знаю, какъ чувствовали себя *все* участники делегаціи: о такихъ переживаніяхъ можно говорить только съ близкими, или совсѣмъ одному — вслухъ, вотъ какъ сейчасъ я говорю. Но *за себя* — я могу сказать не обинуясь: несмотря на весь почетъ, на все вниманіе, которымъ окружена была делегація во время ея пребыванія въ Брестѣ, — при каждомъ соприкосновеніи съ германцами мнѣ ощущалось глубокое, давящее униженіе... Не потому, что я былъ здѣсь представителемъ побѣжденной „на ратномъ полѣ“ стороны; напротивъ въ *этомъ* отношеніи — тѣ выраженія глубокаго уваженія къ страстотерпцамъ русской арміи, которыми осыпали насъ офицеры, начиная съ самаго предсѣдателя германской делегаціи Гофмана — производили совершенно искренне, правдивое впечатлѣніе. Но какъ только Революціи — касалось дѣло, тутъ начиналась ложь: внутренняя, затаенная глубоко подъ маской почтительнаго вниманія, но тѣмъ болѣе непереносная, давящая, — она чувствовалась и въ словахъ, и въ глазахъ германцевъ. И ощущеніе этой лжи, сознаніе безсилія одолѣть ее нашей правдой — унижало...

Чувство это обострилось къ послѣднему дню нашего пребыванія въ Брестѣ до высшаго предѣла. Но уже къ моменту перваго нашего входа въ „Собраніе“ — оно было достаточно ярко. Отклонить „соприкосновеніе“ представилось, однако, невозможнымъ, ввиду прямого и настойчиваго, (хотя и въ любезнѣйшей, конечно, формѣ) указанія коменданта на „крайнюю затруднительность“ для нихъ, живущихъ „на бивакѣ“, иначе организовать продовольствіе делегаціи. Можно было бы, конечно, настоять на „отдѣльномъ столѣ“, или даже вовсе отказаться отъ „горячаго“ — хотя въ Брестѣ, кромѣ военныхъ учреждений, нѣтъ ничего. Но это можно было бы сдѣлать, если бы въ заявленіи коменданта чувствовалась дѣйствительная правда, а не, опять таки, нѣкоторый, вполне опредѣленный политическій маневръ. При такихъ условіяхъ, при сознаніи притаенной цѣли, съ которой настаивали „они“ на совмѣстной трапезѣ, — отклоненіе этого „настоянія“ было бы равносильно отказу отъ брошаемаго вызова. И мы приняли это любезное, трижды любезное предложеніе — какъ вызовъ.

Впрочемъ, я оговариваюсь еще разъ: все это быть можетъ очень субъективно. Съ моими спутниками по поѣздкѣ я этой темы не касался по той же причинѣ, по которой не затрагивалъ и другихъ, чисто психологическаго душевнаго порядка, вопросовъ.

Итакъ, мы пришли на обѣдъ.

Въ гостинной, застланной ковромъ и заставленной по стѣнамъ и угламъ мягкой мебелью — широкимъ полукругомъ стояли уже, въ ожиданіи приглашенія къ столу, офицеры штаба и члены враждебныхъ намъ делегацій. Общій поклонъ и отвѣтное бряцаніе шпоръ на смыкающихся каблукахъ. Войдя, мы сгруппировались въ остававшейся еще свободной сторонѣ зала, завершая „кругъ“. Подходили все новые и новые офицеры. И при входѣ, каждый раскланивался церемонно и сосредоточенно, наклонкомъ головы и пристукомъ шпоръ, отвѣчали на этотъ поклонъ, одна за другою, „шпалеры“.

„Чинъ“ этотъ продолжался до пріѣзда главнокомандующаго. При входѣ его въ залу — черезъ особую, изъ „внутреннихъ покоевъ“ Собранія, дверь — стѣна германскихъ офицеровъ и „союзныхъ“ застыла. Одинъ изъ трехъ „фраковъ“, замѣшавшихся между мундирами — черный, узкій въ плечахъ и неестественно толстый въ таліи турецкій дипломатъ, такъ „ударилъ челомъ“, растопыря локти и разметавъ юркимъ движеніемъ поясицы фалды, что невозможно было сдержать улыбку. Послѣдовала сцена, типичная для „маленькихъ дворовъ“. Баварскій пошелъ по кругу, останавливаясь передъ

„избранными“ — для рукопожатія, вопроса, замѣчанія, снисходительной шутки...

Онъ началъ съ русской делегаціи: поговорилъ съ Іоффе, удѣлилъ особое вниманіе Биценко, синяя блуза которой и небрежнымъ узломъ брошенные назадъ волосы — истинно „революціоннымъ“ пятномъ выдѣлялись на „мундирной стѣнѣ“ — но, получивъ въ отвѣтъ на длинную витіеватую любезность сумрачный отвѣтъ о незнаніи нѣмецкаго языка, и еще болѣе разстроившись видомъ зипуна Сташкова и матросской блузы Олича, поспѣшилъ перейти къ гусарскому поручику, бывшему переводчикомъ делегаціи: у поручика онъ освѣдомился, по какой причинѣ у него цвѣтныя рейтузы. Удовлетворивъ такимъ образомъ свою любознательность и пожавъ руку адмиралу, — Леопольдъ Баварскій съ видимымъ облегченіемъ обернулся къ „своимъ“...

„Обходъ“ кончился. Леопольдъ сдѣлалъ любезный „пригласительный“ жестъ по направленію къ столовой, и къ намъ подошли распорядители, съ „планами“ расположенія столовъ и „персонъ“ за столами, дабы оріентировать насъ, въ какомъ сосѣдствѣ и гдѣ именно намъ придется сидѣть. Лишній разъ пришлось убѣдиться, поскольку строго блюдется у германцевъ табель о рангахъ — все равно, какая бы она ни была. Въ данномъ случаѣ, они видимо считались съ „революціонной табелью“: делегація была размѣщена строго по „революціоннымъ своимъ чинамъ“, въ прямое нарушеніе обычнаго чинопочитанія. Въ силу этого, матросъ Оличъ, какъ членъ *политической* части делегаціи оказался посаженнымъ „выше“ адмирала Альтфатера, солдатъ Бѣляковъ, по той же причинѣ, выше полковниковъ нашей военной комиссіи. Ибо комиссія имѣла „только совѣщательные голоса“: поэтому — тарелки подносились имъ позднѣе, чѣмъ „рѣшающимъ“.

Во всякое другое время — это было бы безконечно смѣшно. А теперь...

Т. Іоффе, какъ предсѣдатель делегаціи былъ умѣщенъ въ самомъ центрѣ стола — между Леопольдомъ Баварскимъ и генераломъ Гофманомъ. По другую сторону Леопольда сидѣлъ Каменевъ, „фланкируемый“ австрійскимъ дипломатомъ; я сидѣлъ прямо противъ Іоффе, между ген.-лейтенантомъ принцемъ Гогенлоэ-Лангензальцъ (бывшимъ вице-президентомъ Рейхстага) — и генераль-штабсъ-арцтомъ Керномъ, старымъ-старымъ и худымъ-прехудымъ. Рядомъ съ Гогенлоэ, помѣстился Цекки-Паша, по лѣвую руку Биценко, около которой съ другой стороны назначили болгарскаго флигель-адъютанта, хорошо владѣвшаго русскимъ языкомъ.

Сервировка стола — отнюдь не походная: все, какъ полагается на парадныхъ обѣдахъ, вплоть до цвѣтовъ, „выравненныхъ“ по срединѣ стола. Грустные, поздне-осенніе, бѣлые цвѣты...

Зато самый обѣдъ былъ не сложенъ. Густой супъ, съ картофелемъ, кореньями и капустой — въ печатной карточкѣ меню обозначенный „Tschi“ (германцы произносили „чи“, а одинъ изъ остряковъ делегации — „апчи“), жареная свинина съ картофелемъ на второе, рисъ со сладкимъ соусомъ на третье, яблоки и кофе. Зато вина, повидимому, въ штабъ-квартирѣ „больше, чѣмъ слѣдуетъ“: вѣстовые сновали вдоль стола безъ устали съ бутылками рейнвейна и краснаго вина.

Обѣдъ прошелъ „безъ этикета“ и безо всякихъ попытокъ тостовъ или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Разговоръ шелъ перекрестный — на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ языкахъ, въ зависимости отъ сосѣдства, — но, какъ и слѣдовало ожидать, особымъ оживленіемъ не отличался. — Преобладали, поскольку доносились до слуха отрывки „дальнихъ“ разговоровъ, — воспоминанія о Россіи, въ которой большинство присутствовавшихъ перебивали — по тѣмъ или инымъ „заданіямъ“. „Сколькія“ темы старательно обходились, о войнѣ — не упоминалось. Только мой сосѣдъ слѣва, — „натурфилософъ“, какъ онъ рекомендовался, — будучи по своей крайней престарѣлости (онъ уже въ 1870 году служилъ врачомъ въ арміи) далекъ отъ „тайной дипломатіи“ — не вполне блюлъ должную сдержанность въ рѣчахъ, такъ что генераль Гофманъ, сидѣвшій наискосокъ — не разъ вмѣшивался въ нашъ разговоръ, чтобы перевести его на другую тему. Генераль-штабъ-арцтъ говорилъ, впрочемъ, по преимуществу, о домашнемъ и сѣдобномъ. Онъ предупредилъ меня, чтобы по сегодняшнему меню я не подумалъ, что таковъ всегдашній столъ германскихъ офицеровъ на походѣ; напротивъ: „я рассказывалъ своимъ дѣтямъ въ былые годы такъ, для интереса, что во время войны 1870 года намъ приходилось ѣсть траву и саранчу. — Тогда я говорилъ это такъ, для интереса. А теперь — намъ въ дѣйствительности приходится такъ питаться“.

На этомъ мѣстѣ — Гофманъ прервалъ насъ вопросомъ: „бывалъ-ли я въ Китаѣ?“

Отвѣчаю, что дальше афганской границы и Западныхъ Гималаевъ мнѣ не приходилось заѣзжать на востокъ.

„Ахъ, Западные Гималаи!“ — Генераль Гофманъ былъ въ Хайберскомъ проходѣ. И — на пять минутъ, оба мы, одинаково, кажется, обрадованные тѣмъ, что напласъ „нейтральная“, но не „салонная“ тема, обмѣниваемся впечатлѣніями объ афридіяхъ и сіягъ-пушахъ...

Но генераль-штабъ-арцтъ — тоже упоренъ, во всемъ своемъ добродушіи. Уловивъ малую паузу, онъ наклоняется ко мнѣ и говоритъ съ очаровательной улыбкой:

„А у насъ здѣсь въ Брестѣ — воронъ ѣдятъ. Здѣсь очень много воронъ. Дѣтей, вотъ, нѣтъ вовсе, а воронъ — стаи“.

Мнѣ вспоминается Крыловская басня. Неувѣренный въ томъ, что собесѣдникъ мой, при всей симпатичности своей меня не мистифицируетъ, я готовъ выразить нѣкоторое сомнѣніе въ доподлинности сообщаемого мнѣ свѣдѣнія, — но старческіе глаза собесѣдника смотрятъ изъ подъ нависающихъ на лобъ бѣлыхъ космъ такъ довѣрчиво, такъ по дѣтски — наивно и просто, что невольно вѣрится...

„Въ самомъ дѣлѣ. И не только нижніе чины. Впрочемъ — молодая ворона — дѣйствительно деликатесъ. Когда удастся добыть такую ворону — мы устраиваемъ маленькій фестиваль. Вотъ — недавно еще князь Лихтенштейнъ пригласилъ меня и офицеровъ штаба на такихъ „воронъ“... У нихъ, правда-же, очень нѣжное мясо... Особенно, если поваръ хорошій“.

На этотъ разъ вмѣшивается Гогенлоэ, сосѣдъ справа. Онъ спрашиваетъ осторожно, точно мимоходомъ — о судьбѣ одного изъ бывшихъ великихъ князей.

Вопросъ застаётъ меня врасплохъ: вѣдь мы, за эти мѣсяцы, такъ основательно забыли, что они вообще существуютъ на русскомъ свѣтѣ, бывшіе „великіе“... И потому, инстинктивно небрежно отвѣчаю: „право, не знаю точно: гдѣ-нибудь подъ арестомъ, а гдѣ именно — не смогу сказать“.

Гогенлоэ на секунду темнѣетъ. На секунду — и безслѣдно: въ дальнѣйшемъ онъ опять безоблачно любезенъ и изысканъ. Только на обратномъ пути изъ Бреста я узналъ, что онъ женатъ на одной изъ русскихъ великихъ княженъ.

Поэтому-то онъ такъ „знающе“ говорилъ о Петербургѣ и Москвѣ — о музеяхъ, Эрмитажѣ, Кремлѣ! „Неужели-же дѣйствительно, Кремль весь разрушенъ во время послѣднихъ событій?“...
.....
.....

Принцъ Леопольдъ Баварскій старчески-порывистымъ движеніемъ встаетъ, далеко назадъ отодвигая стулъ. Обѣдъ конченъ. Поклонъ направо, поклонъ на лѣво... Пять минутъ въ гостиной, куда поданы сигары и черное баварское пиво. И — наконецъ, мы опять на крыльцѣ, на свѣжемъ морозномъ воздухѣ, подъ „нашимъ“ небомъ... темнымъ, звѣзднымъ, близкимъ...

VI. На работѣ.

На вечеръ, послѣ обѣда, назначена была свѣрка протоколовъ — русскаго и нѣмецкаго — особой смѣшанной комиссіей, въ составъ которой вошли: съ нашей стороны: — Каме-нѣвъ, Караханъ и Мстиславскій; со стороны „4-хъ союзниковъ“ — капитанъ Гай, майоръ фонъ Мирбахъ, совѣтникъ Анастасовъ и ротмистръ фонъ-Шмидтъ. Къ началу засѣданія — германцы успѣли уже отлитографировать первую часть своего протокола. Быстрота — на этотъ разъ пошедшая имъ не на пользу, т. к. въ протоколъ этотъ пришлось внести существеннѣйшія измѣненія и дополненія. Ибо, какъ и слѣдовало ожидать, „декларационная часть“, въ которую русская делегация вложила столько тщанія — и столько надеждъ — оказалась не только сокращенной до полной потери всякаго обличья, но и въ корнѣ искаженной. Обработка протокола была настолько искусна, что, въ томъ видѣ, въ которомъ, онъ, вышелъ было, изъ подъ перьевъ германскихъ секретарей, его можно было бы распубликовать во всеобщее свѣдѣніе „народовъ“ — не исключая и германскихъ, — безо всякихъ опасеній. Я сохранилъ германскій черновикъ, и для иллюстраціи — приведу всѣ тѣ мѣста, на исправленіи которыхъ — въ согласованіе съ русскимъ протоколомъ — намъ пришлось настоять.

Въ текстѣ отвѣта А. Гоффе на вопросъ: „уполномочена ли русская делегация говорить отъ имени союзниковъ“, въ германскомъ проектѣ значилось, что „русское правительство на приглашеніе союзниковъ не получило *никакого* отвѣта“. Въ дѣйствительности, Гоффе сказалъ: „*точного* отвѣта“ (keine bestimmte Antwort).

Нѣсколько ниже — въ германскомъ протоколѣ значилось:

„Предсѣдатель русской делегации заявляетъ, что это объясненіе генерала Гофмана принимается къ свѣдѣнію. Онъ считаетъ, однако, нужнымъ замѣтить, что — въ представленіи русскихъ — вопросъ о перемиріи долженъ быть поставленъ на значительно болѣе широкомъ основаніи, которое могло бы вмѣстѣ съ тѣмъ явиться и основаніемъ будущаго мира, во имя котораго и заключается перемиріе“.

„Генераль Гофманъ съ радостью принимаетъ къ свѣдѣнію это заявленіе и со своей стороны выражаетъ надежду, что перемиріе приведетъ непосредственно къ миру. Это единомысліе (Einfverständnis) не измѣняетъ, однако, того факта, что здѣсь присутствуютъ одни военные, и — какъ таковые, они призваны къ разрѣшенію лишь специально военныхъ вопросовъ, связанныхъ съ перемиріемъ“.

Въ этомъ „проектѣ“ — какъ видно изъ сравненія съ исправленнымъ и утвержденнымъ конференціей протоколомъ — „пропущено“ всего только „нѣсколько словъ“... Въ фразѣ объ „основаніяхъ будущаго мира“ пропущено слово „всеобщаго“, а въ послѣднемъ абзацѣ — передъ словами „одни военные“ — надлежало поставить: „со стороны Германіи и ея союзниковъ“. Но что случилось со „смысломъ“ всего этого абзаца — отъ этого „маленькаго“ пропуска. Прочтите германскій текстъ: развѣ не достаточно явственно и прямо хотѣть сказать эти протокольные строки, что дѣло въ Брестѣ идетъ „о предложеніи сепаратнаго мира“ и даже больше: что — настолько велико „созвучіе“ мыслей сошедшихся въ Брестѣ делегацій — что *только* отсутствіе съ *обѣихъ* сторонъ „политиковъ“ препятствуетъ немедленному приступу къ „сепаратнымъ мирнымъ переговорамъ“... Правильное представленіе получили бы „народъ“ о Брестской конференціи — отъ республикованія такого протокола...

Впрочемъ, надо отдать должное германцамъ: они возстановили подлинный текстъ безъ споровъ, по первому нашему заявленію...

Дальше, германскій текстъ говорилъ такъ:

„Русскій уполномоченный, господинъ Каменевъ выражаетъ сожалѣніе, что телеграммы графа Чернина и статсъ-секретаря Кюльмана — *не во всѣхъ частностяхъ* (nicht auf alle Einzelheiten) соотвѣтствуютъ желаніямъ русской демократіи. Русская делегація полагаетъ, что не можетъ быть заключено перемирія, въ основу котораго не были бы положены по меньшей мѣрѣ главнѣйшіе принципы, на которыхъ впослѣдствіи будетъ построены миръ“¹⁾.

О чемъ идетъ рѣчь? Не ясно ли говорить *такъ* редактированный текстъ о томъ же самомъ „сепаратномъ“ мирѣ? И не подтверждается ли имъ снова, что если и есть, съ русской стороны, какія-либо колебанія, то лишь въ отношеніи „Einzelheiten“, такъ, мелочишекъ какихъ-то... А эта упорная настоячивость русскихъ полагать въ основу перемирія „принципы будущаго мира“ — развѣ не знаменуетъ страстнаго желанія скорѣе заключить этотъ сепаратный миръ...

Поскольку справедливъ такой кривотолкъ — видно изъ приводимаго ниже, свѣреннаго и утвержденного конференціей, *подлиннаго* текста рѣчи Каменева.

¹⁾ Текстъ нѣмецкаго черновика: „Der russische Delegierte Herr Kamenev bedauert, dass die Funksprüche des Grafen Černin und, des Staatssekretärs v. Kühlmann nicht auf alle Einzelheiten der Wünsche des demokratischen Russlands eingehen. Die russische Delegation sei der Meinung, dass kein Waffenstillstand geschlossen werden kann der nicht wenigstens die Grundprinzipien enthält, auf denen sich später der Frieden aufzubauen hat.“

Членъ русской делегаціи тов. Каменевъ заявляетъ, что къ сожалѣнію въ телеграммахъ министра иностранныхъ дѣлъ Кюльмана и Чернина не видно дѣйствительнаго присоединенія къ тому всеобщему миру безъ аннексій и контрибуцій, съ гарантіями правъ на самоопредѣленіе, которые были провозглашены Русской Революціей и являются неколебимой мирной программой Революціоннаго Правительства Россіи.

Русская делегація, дѣйствующая по довѣрію революціонныхъ массъ Россіи, заявляетъ тутъ же, что только о такомъ общемъ мирѣ можетъ идти рѣчь. Только такой миръ долженъ быть заключенъ въ результатъ перемирія, къ обсужденію условій котораго приступаютъ. Что же касается объема полномочій русской делегаціи, то Правительство Россіи отдавало себѣ ясный отчетъ въ томъ, что въ данный моментъ центръ тяжести лежитъ не столько въ военныхъ переговорахъ, сколько въ установленіи общихъ основъ мира, который долженъ быть заключенъ въ результатъ перемирія. Поэтому-то мы имѣемъ порученіе установить отношеніе представленныхъ здѣсь странъ къ основамъ всеобщаго демократическаго мира. Только выясненіе этого предварительнаго вопроса сообщить перемирію тотъ характеръ, который желаютъ видѣть въ немъ народы Революціонной Россіи.

И этотъ пунктъ — германцы исправили безъ споровъ.

Остальныя поправки носили уже чисто редакціонный, не измѣнявшій ихъ основного смысла характеръ. Въ нихъ, строго говоря, даже не видѣлось надобности, т. к. приведенные выше отрывки — являлись опредѣляющими смыслъ документа. Вне-сенныхъ поправокъ было достаточно, чтобы совершенно измѣнить его, и тѣмъ самымъ возстановить истинное лицо Брестскихъ переговоровъ, въ первый, наиболѣе показательный, наиболѣе „декларативный“ день.

Мы исправили протоколы; но они останутся, навѣрное-же, лежать подъ спудомъ. А „трактовка предмета“, предложенная намъ германцами — быть можетъ, въ расчетъ на „языкъ“ — даетъ ясное представленіе о томъ, какъ будутъ „разъяснять“ войскамъ и населенію Германіи и Австріи появленіе русскихъ въ Брестъ — союзныя главныя квартиры... при ближайшей и пылкой поддержкѣ всей „мировой“ буржуазной печати. Воображаю, что пишутъ и будутъ писать о Брестѣ — наши, домашніе „Дни“, „Рѣчи“, „Дѣла“ и „Воли“...

Но выдержка германцевъ — удивительна: они принимали исправленія — съ такимъ невиннымъ и добродушнымъ видомъ, точно дѣло шло — не объ искаженіи *всего* смысла русской деклараціи, всего характера переговоровъ, а лишь о мелочныхъ, чуть-ли не „грамматическихъ“ поправкахъ.

Мы задержались со свѣркой почти до полуночи. — По пути „домой“ — я зашелъ во флигель военной делегаціи, гдѣ было назначено засѣданіе для выработки проекта условій перемирія.

Какъ я сказалъ уже — военная комиссія выѣхала въ Брестъ не имѣя даже точныхъ свѣдѣній о томъ, о какомъ

перемиріи — всеобщемъ или сепаратномъ — придется трактовать съ австро-германцами. Въмѣстѣ съ тѣмъ, въ документахъ о командировкѣ офицеровъ Генеральнаго Штаба было сказано ясно, что командированы они „для отстаиванія интересовъ русской арміи и ея союзниковъ“, а опубликованное въ газетахъ официальное сообщеніе отъ имени Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба — заранѣе снимало съ нихъ всякую политическую и моральную отвѣтственность за то, что произойдетъ на переговорахъ въ Брестѣ. Этими „документальными“ данными опредѣлились взаимоотношенія военной экспертизы и политической части миссіи: для рѣшенія своей военно-технической задачи — военная миссія требовала совершенно точно формулированнаго задания отъ бюро „политической части“; отъ всякаго-же „официальнаго“ политическаго сужденія — члены военной делегаціи уклонялись категорически.

На первый разъ, при выработкѣ первоначальнаго проекта, — особыхъ директивъ отъ политической комиссіи — военнымъ не потребовалось; переговоры этого дня настолько прямо и недвусмысленно говорили о допустимости для насъ *только всеобщаго* мира, настолько рѣзко отметался и въ официальныхъ переговорахъ съ нѣмцами, и въ частныхъ совѣщаніяхъ делегаціи — всякій намекъ на сепаратность, что на ночномъ совѣщаніи нашемъ безъ колебаній и преній рѣшено было въ основу проекта перемирія положить „принципъ всеобщности его“ т. е. составлять его такъ, чтобы послѣ присоединенія союзниковъ — его не пришлось передѣлывать.

Вслѣдствіе такой постановки — срокъ перемирія былъ предложенъ шестимѣсячнымъ, и въ пунктѣ 3-мъ включено требованіе о полномъ прекращеніи перебросокъ на *всѣхъ* фронтахъ, безъ исключенія. Преній почти не было — только два вопроса вызвали нѣкоторое разнорѣчіе и колебанія: вопросъ о моментѣ вступленія въ силу договора о перемиріи и вопросъ объ очищеніи Моонзунда.

Первый вопросъ обусловливался тѣмъ, что делегація, по формальному заявленію предсѣдателя, сдѣланному намъ, еще при выѣздѣ изъ Петербурга — не уполномочена была подписывать какихъ-либо соглашеній: всѣ мы смотрѣли на свою поѣздку — исключительно какъ на развѣдочную и демонстративную. Но если такъ, — надо было установить порядокъ вступленія въ силу договора, который мы собирались составить — и котораго мы не могли на мѣстѣ подписать.

Мы перепробовали рядъ „редакцій“, и — въ концѣ концовъ — остановились на предложенной мною формулѣ: „Договоръ вступаетъ въ силу съ момента присоединенія къ нему союзниковъ или утвержденія его Учредительнымъ Собраніемъ“. Напомню: рѣчь шла о проектѣ *всеобщаго* перемирія, а созывъ Учр. Собранія предполагался черезъ недѣлю.

Что касается Моонзунда, то въ этомъ пунктѣ насъ оставляло отъ включенія требованія объ очищеніи его — явная, безусловная непріемлемость его для Германцевъ. Участники совѣщанія признавали сами, всѣ безъ исключенія, что на мѣстѣ нѣмцевъ — они и слушать не стали-бы такихъ требованій — даже если-бы соотношеніе силъ на фронтѣ было-бы не такимъ „безвыгоднымъ“ для насъ, какимъ является оно на самомъ дѣлѣ. Въ условіяхъ нашей стратегической дѣйствительности, такое требованіе являлось чистѣйшей бравадой, заранѣе обреченной на жестокий и рѣзкій отпоръ. Но адмиралъ Альтфатеръ особенно настаивалъ на этомъ пунктѣ: онъ доказывалъ, что пунктъ этотъ вовсе не такъ уже безнадеженъ, какъ кажется на первый взглядъ. Конечно, не было еще въ исторіи примѣра, чтобы наступающій, остановленный перемиріемъ отказался отъ занятаго имъ выгоднѣйшаго стратегическаго положенія; но историческіе примѣры, въ данномъ случаѣ, не убѣдительны, т. к. сохраненіе нѣмцами Моонзунда нарушаетъ другой — и на этотъ разъ незыблемый, основной принципъ cadastra перемирія: стратегическую равноцѣнность его для обѣихъ воюющихъ сторонъ. При сохраненіи нѣмцами Моонзунда — перемиріе будетъ для нихъ стратегически *выгоднѣе*, чѣмъ для насъ. Ибо, они будутъ имѣть возможность — въ случаѣ рѣшенія продолжать прерванный перемиріемъ операціи — сосредоточить еще во время перемирія, далеко въ тылу, въ приморскихъ пунктахъ, лежащихъ внѣ зоны, въ которой будутъ прекращены перемѣщенія войскъ, сильнѣйшій десантъ, который, по возобновленіи военныхъ дѣйствій, будетъ переброшенъ на „исходныя“ позиціи Моонзунда раньше, чѣмъ мы — при нашихъ сообщеніяхъ — сможемъ хоть сколько нибудь значительно усилить свои войска на томъ-же участкѣ фронта. Въ случаѣ-же очищенія Моонзунда — шансы въ этомъ отношеніи уравниваются, т. к. мы несомнѣнно успѣемъ — при возобновленіи дѣйствій — раньше нѣмцевъ захватить острова Моонзунда и задержать десантъ до сосредоточенія войскъ на сѣверныхъ участкахъ. Такимъ образомъ, — очищеніе острововъ Моонзунда, въ толкованіи адмирала, представлялось нѣкоторой стратегической справедливостью...

Но... не нужно было быть особеннымъ скептикомъ, чтобы предвидѣть — какъ отозвется на эту „справедливость“ германскій Генеральный Штабъ... На этотъ счетъ никто, ни даже самъ Альтфатеръ, — не творилъ себѣ никакихъ иллюзій. Однако предложеніе адмирала было принято: одними — потому, что въ положеніи русскихъ офицеровъ во вражьемъ станѣ — слишкомъ соблазнительно было ударить высокомѣрнымъ требованіемъ въ забрало побѣдителю; другими потому, что включеніемъ этого требованія доказывалось высшее — „за предѣлы разума“ — блюденіе интересовъ русской и союзныхъ армій. А кромѣ того, у всѣхъ членовъ комиссіи была — нескрываемая —

мысль о томъ, что при утвержденіи проекта политической частью миссіи — требованія военной делегаціи (и въ томъ числѣ, конечно, прежде всего, „Моонзундъ“), будутъ урѣзаны „до реальности“. По причинамъ понятнымъ, военные эксперты предпочитали, чтобы эти урѣзки были сдѣланы политиками — и вся отвѣтственность за уступки была, такимъ образомъ, переложена на нихъ. Въ силу такихъ соображеній, проектъ былъ составленъ съ нѣкоторымъ, такъ сказать, „запросомъ“.

Ожиданія военной комиссіи, однако, не оправдались. Когда, по окончаніи составленія проекта я прошелъ, вмѣстѣ съ адмираломъ и еще двумя офицерами — въ „бюро делегаціи“, и „пункты“ были заслушаны — ни одинъ изъ нихъ не встрѣтилъ возраженій, кромѣ пункта о срокѣ вступленія договора въ силу. Этотъ пунктъ, ввиду общей неясности политическаго положенія, сочтено было болѣе цѣлесообразнымъ не затрагивать вовсе.

Всѣ остальные, военные, пункты были приняты безъ поправокъ. Въ томъ числѣ — и пунктъ о Моонзундѣ.

VIII. Второй день.

Засѣданіе 4-го декабря началось тѣмъ-же порядкомъ, въ томъ-же залѣ, что наканунѣ. Наша миссія была оживлена — и, единственный разъ за все время пребыванія въ Брестѣ — благодушно настроена: предчувствовался эффектъ, который произведутъ адмиральскіе „пункты“...

Привѣтливо наклонивъ голову, ген. Гофманъ заявляетъ о готовности союзныхъ делегацій выслушать русскія предложенія условій перемирія. Альтфатеръ, пряча улыбку подъ усы, весело поблескивая глазами, начинаетъ читать, чеканя слова. Подхватывая ихъ — и перенося на ту сторону стола „по нѣмецки“, заплетаясь, заикающимся языкомъ рапортуетъ чиновникъ-переводчикъ.

Это, впрочемъ, только этикетъ: „на той сторонѣ“, всѣ кажется, достаточно разумѣютъ по русски. И пункты доходятъ до слуха „4-хъ союзниковъ“, раньше, чѣмъ повторно прозвучатъ они, въ нѣмецкой передачѣ.

Мы не ошиблись въ нашихъ предвидѣніяхъ. По мѣрѣ того, какъ адмиралъ читаетъ — у ген. Гофмана кровь заливаетъ лицо, такъ напряженно, такъ ярко, что ослѣпительно бѣлыми кажутся, на этомъ побагровѣвшемъ фонѣ — сѣдыя, нахмуренныя брови. Снисходительно-недоумѣнно переглядываются штабные. Подполковникъ Покорный — съ усмѣшкой косится на „шефа делегаціи“. У болгарина — глаза, отъ внутренняго волненія, подняло подъ самый проборъ. И только Цекки, одинаково равнодушенъ и къ русскимъ словамъ и къ нѣмецкому ихъ переводу: подлинное хладнокровіе турка, которому все равно, будутъ ли его рѣзать, или нѣтъ, и какъ именно...

При оглашеніи требованія о Моонзундѣ — шеренга крестовъ и звѣздъ сдержанно вздрагиваетъ, какъ отъ удара хлыста. Ген. Гофманъ, наклонивъ голову, стальными ставшими глазами медленно обводитъ насъ отъ фланга до фланга. Капитанъ Гай, сидящій за столикомъ позади генерала, въ качествѣ секретаря, бросилъ писать и, посасывая карандашъ, съ нескрываемымъ удивленіемъ смотритъ на адмирала.

Адмиралъ кончилъ. Еще разъ заикнулся на послѣднихъ словахъ переводчикъ и сѣлъ. Наступила пауза — томительная и напряженная.

Ген. Гофманъ заговорилъ медленно, точно тяжесть какую бросая разбѣренные слова, упорно глядя въ одну точку — въ центръ стола, между нимъ и Юффе.

„Отъ имени Верховнаго Командованія я долженъ выразить свое чрезвычайное удивленіе по поводу того, что намъ здѣсь предлагаются условія...“

Онъ глубоко вдохнулъ воздухъ, всей грудью, — и продолжалъ, усиливая звукъ голоса, но не повышая его:

„Условія, которыя были бы понятны въ томъ лишь случаѣ, если бы арміи Германіи и ея союзниковъ были разбиты и повержены въ прахъ“.

Мгновеніе казалось, что сейчасъ, вотъ въ эту, слѣдующую секунду, вырвется наружу то, что чувствовалось за этими опущенными къ столу вѣками и скажется слово, послѣ котораго возврата уже не будетъ. Невольно выпрямились всѣ, скрещивая взгляды съ „сидящими напротивъ. Но генералъ сдержался.

„Я полагаю, что дѣйствительная обстановка — не соответствуетъ этому. Я считаю необходимымъ это подчеркнуть. А затѣмъ — я полагалъ бы возможнымъ перейти къ обсужденію русскаго предложенія по пунктамъ“.

Разомъ спадаетъ напряженіе. Болгаринъ, отдуваясь, достаётъ папиросу. Гай, задумчиво почесавъ карандашомъ переносицу, снова садится за протоколъ. Австрійцы пересмѣиваются. И только въ глазахъ нашихъ офицеровъ мнѣ чудится смутное... сожалѣніе.

Переходимъ къ обсужденію проекта по пунктамъ, и безнадёжно задерживаемся на первомъ же: о срокъ перемирія. Въ нашемъ проектѣ срокъ предположенъ шестимѣсячнымъ; германцы — напротивъ того, настаиваютъ на перемиріи краткосрочномъ.

Въ сущности въ данномъ пунктѣ интересы Революціонной Россіи и Германіи не противорѣчатъ другъ другу: по основаніямъ совершенно различнымъ, но объёмъ одинаково выгоденъ именно краткій срокъ. Германіи — онъ чуженъ для „форсирования“ сепаратнаго мира на Востокъ: германцы отлично знаютъ, что отъ мѣсяца къ мѣсяцу соотношеніе силъ на западныхъ фронтахъ будетъ измѣняться не въ ихъ пользу, а потому и уступ-

чивость Россіи при мирныхъ переговорахъ, (даже въ томъ случаѣ, если она порветъ съ союзниками) будетъ уменьшаться съ мѣсяца на мѣсяцъ. Съ другой стороны, едва ли можно отрицать, что Германія мыслить сыграть на внутреннемъ нашемъ настроеніи и опять, въ этомъ отношеніи, цѣлесообразно ей „ловить моментъ“: кто можетъ предсказать, что будетъ въ Россіи черезъ два мѣсяца, и не измѣнится ли въ этотъ срокъ иностранная политика Россіи, какъ измѣнилась она отъ Керенскаго къ Троцкому. Сейчасъ большевики владѣютъ арміей, безъ раздѣла, съ ними можно, поэтому, трактовать. Но массы переменчивы: какъ знать, кто возглавитъ ихъ черезъ мѣсяцъ? А потому затягивать восточные переговоры — нельзя.

Для Россіи, въ ея борьбѣ за миръ, также невыгодно было бы длительное перемиріе. „Сепаратность“ переговоровъ есть якая дѣйственная угроза по адресу империалистическихъ союзныхъ правительствъ. Выходъ Россіи изъ борьбы — какъ ни ослаблены ея боевыя силы — означалъ бы для союзниковъ интенсивный подъемъ борьбы за Западъ, ударъ всѣми силами германцевъ — и, какъ знать! — быть можетъ новый военный разгромъ. При нынѣшнемъ внутреннемъ положеніи Россіи у нихъ имѣются всѣ основанія предполагать, что въ случаѣ ихъ упорства — Россія выйдетъ изъ войны одна. Имъ нужно, поэтому, рѣшиться. И чѣмъ меньше времени будетъ дано имъ на размышленіе, тѣмъ лучше. Сейчасъ, перемѣщеніе всѣхъ силъ германцевъ на Западъ являетъ для нихъ серьезную опасность; черезъ три мѣсяца — они не будутъ уже этого бояться. А потому, чтобы *принудить* ихъ приступить къ миру — нуженъ краткій срокъ перемирія.

Военная миссія, устанавливая „шесть мѣсяцевъ“ руководилась, очевидно, интересами „союзной войны“. Интересы Революціи требуютъ короткаго срока. Въ этомъ пунктѣ соглашенія съ германцами, поэтому, достичь, казалось бы — нетрудно.

А между тѣмъ пренія затягиваются. Германцы проявляютъ какую-то особую настороженность, точно они ходятъ около какой-то дьявольской западни, ежесекундно готовой защемить ихъ при малѣйшей оплошности. Они объявляютъ даже, по инициативѣ болгарскаго уполномоченнаго, перерывъ, и только послѣ него пренія налаживаются. Вечеромъ, на сводкѣ протоколовъ, мы узнали, что весь сыръ-боръ загорѣлся изъ-за оговорки т. Каменева, текстуально повторенной и переводчикомъ.

Дѣло въ томъ, что по схемѣ русской делегаціи, порядокъ соглашенія предполагался слѣдующимъ: выработать условія длительного перемирія, а впредь до вступленія его въ силу установить — на специально выработанныхъ условіяхъ — краткосрочный, но могущій быть автоматически продолженнымъ, перерывъ военныхъ дѣйствій. Т. Каменевъ, излагая эту схему,

вмѣсто термина „пріостановка“ — употребилъ то же выраженіе: „перемиріе“. И въ этихъ двухъ „перемиріяхъ“, длительномъ и короткомъ, нѣмцы безнадежно запутались. Увѣренный, что здѣсь что-то „не-спроста“, что въ этой туманной и логически необъяснимой схемѣ кроется какой-то подводъ, ген. Гофманъ чувствовалъ себя такъ же растерянно, какъ, во время оно — Фридрихъ Великій въ періодъ его операцій противъ фельд-маршала Салтыкова. Какъ извѣстно, Фридрихъ говаривалъ, что онъ можетъ воевать съ кѣмъ угодно, кромѣ Салтыкова, потому что въ маневрахъ любого военачальника быстро можно вскрыть идею его операцій, а въ Салтыковскихъ передвиженіяхъ сколько ни думай, никогда не отгадаешь, что онъ собственно хочетъ сдѣлать. Генераль Гофманъ штудировалъ военную исторію; и въ оговоркѣ Каменева ему почудился Салтыковскій маневръ: эта ошибка стоила намъ почти цѣлаго дня праздныхъ по существу разговоровъ... Германцы боялись соглашаться на этотъ двойной „armistice“; стоило намъ вечеромъ указать, что дѣло идетъ въ одномъ случаѣ объ armistice, а въ другомъ о „suspension d'armes“ какъ лица сразу прояснились. Капитанъ Гай, составлявшій протоколъ и никакъ не могшій изложить толково всю эту путаницу — долго послѣ этого не могъ успокоиться, и все повторялъ: „зачѣмъ же мы цѣлый день потеряли“!...

Въ конечномъ счетѣ условились на 28-дневномъ, для обѣихъ сторонъ одинаково удобномъ, перемиріи; въ вопросѣ же о порядкѣ перерыва перемирія (за сколько дней предупредить о перерывѣ) русская делегація уступила. Для насъ — выгоднѣе былъ короткій срокъ предупрежденія, такъ какъ при нашихъ сообщеніяхъ и неналаженности войсковыхъ перевозокъ, — соотношеніе силъ на „ударномъ“ участкѣ неизбежно должно съ каждымъ „лишнимъ“ днемъ измѣняться къ худшему. Къ тому же и активныя войска наши находятся всѣ на одномъ фронтѣ — и далекихъ перебросокъ для насъ не видится. Поэтому мы настаивали на трехдневномъ срокѣ. Для германцевъ — напротивъ: въ шесть дней они могутъ перебросить войска съ любого фронта на противоположный; и такъ какъ краткосрочное и притомъ сепаратное перемиріе не гарантировало имъ пассивности ни одного фронта, они естественно, старались создать условія, оперативно безопасныя для всѣхъ фронтовъ. Они выдвигали, въ силу этого, срокъ семидневный, при которомъ въ случаѣ возобновленія активныхъ дѣйствій на востокъ, они имѣли бы возможность сложить необходимую для продолженія операцій на русскихъ театрахъ группировку — путемъ соотвѣствующихъ перебросокъ съ западнаго театра, къ которому въ данный моментъ прикованы главные ихъ силы. Конечно, германцы ни звукомъ не обмолвились объ *этихъ* мотивахъ: свою настойчивость въ опредѣленіи 7-дневнаго срока они объяснили „необходимостью снестись послѣ рѣшенія возобновить военныя

дѣйствія — съ союзниками, что при удаленіи союзныхъ квартиръ требуетъ нѣсколькихъ дней“.

Наша военная комиссія не сочла необходимымъ создавать на этомъ пунктѣ конфликта, по той простой причинѣ, что практически „русскій срокъ“ имѣлъ бы значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы мы предполагали черезъ двѣ-три недѣли повести наступленіе. Поскольку объ этомъ и рѣчи быть не могло, — „гарантія“, на которой настаивали германцы, не представляла для насъ *реальныхъ* неудобствъ; она носила, такъ сказать „академическій“ характеръ. Правда, уступкой этой, русскіе лишній разъ подчеркивали свое „миролюбіе“, свидѣтельствовали о томъ, что у нихъ на ближайшій, по крайней мѣрѣ, періодъ „воинственныхъ“ намѣреній нѣтъ. Но, думается, германскій штабъ достаточно освѣдомленъ о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ на нашемъ фронтѣ, чтобы не нуждаться въ такого рода „подтвержденіяхъ“.

По пункту второму — генераль Гофманъ резонно указалъ, что русская редакція его текста приковываетъ къ мѣсту вооруженныя силы четырехъ державъ на всѣхъ театрахъ, на всѣхъ территорияхъ. „Это, конечно, категорически неприемлемо: не потому только, что перемиріе на Востокѣ нимало не предопредѣляетъ еще перелома военныхъ дѣйствій на Западѣ, но и потому, что такое условіе обрекло бы на безплодныя и безцѣльныя лишенія окопной жизни людей, среди которыхъ многіе уже четвертую зиму проводятъ въ траншеяхъ. Германцы въ теченіе всей войны держались системы постоянного перевода пострадавшихъ или вообще утомленныхъ частей съ активныхъ фронтовъ на „тихіе“ участки: при иной системѣ они не могутъ сохранять боеспособность нынѣшнихъ, невѣроятной протяженности, фронтовъ. И отказатьсѣ отъ этой смѣны, равно какъ и отъ вывода войскъ съ передовыхъ линій въ тылъ, на отдыхъ, — они, конечно, не могутъ ни въ какомъ случаѣ. Германцы и ихъ союзники могутъ дать Россіи гарантіи лишь въ томъ, что никакихъ перегруппировокъ, которыя могли бы грозить русскому фронту они производить не будутъ. Да и вообще — прибавляетъ для вящей убѣдительности Гофманъ — при краткосрочномъ перемиріи не можетъ быть и рѣчи о крупныхъ, армейскаго масштаба, переброскахъ съ Востока на Западъ: вѣдь и здѣсь, на русскихъ операціонныхъ путяхъ боевыя дѣйствія могутъ въ любой срокъ возобновиться: это обязываетъ германское верховное командованіе сохранить основную группировку на востокѣ неизмѣнной — впредь до того, какъ опредѣлится окончательно обстановка.

И еще, послѣдній — рѣзкой обидой прозвучавшій доводъ: „Вѣдь и для васъ“ — говоритъ Гофманъ спокойно и увѣренно глядя глаза въ глаза Иоффе — „прикрѣпленіе войскъ къ фронту едва ли выгодно. Вамъ пришлось уже взять съ фронта часть

войскъ внутри страны для несенія полицейской службы (Polizei Dienst): возможно, что и въ будущемъ представится такая же необходимость...”

Ввиду того, что вопросъ о переброскахъ — для насъ русскихъ, является *основнымъ*, и въ этомъ пунктѣ мы уступать не можемъ, а съ другой стороны — оборвать переговоры на этомъ пунктѣ, не вызвавъ остальныхъ предложеній германцевъ — нецѣлесообразно, председатель делегаціи предлагаетъ временно отказаться отъ окончательнаго редактированія этого пункта и вопросъ о переброскахъ оставить открытымъ. вмѣстѣ съ тѣмъ — въ интересахъ ускоренія переговоровъ онъ предлагаетъ ген. Гофману — огласить до конца весь германскій контръ-проектъ, не открывая преній по отдѣльнымъ пунктамъ, съ тѣмъ, чтобы дать русской военной делегаціи обсудить детально эти германскія контръ-предложенія, и представить свои возраженія на нихъ, въ окончательной и точно отредактированной формѣ. Этотъ порядокъ принимается конференціей и генераль Гофманъ оглашаетъ проектъ: въ общемъ и цѣломъ — въ немъ мало „непріемлемаго“; рѣзкое разхождение — отмѣчается лишь въ пунктѣ о Моонзундѣ. Говоря о требованіи очистки его, ген. Гофманъ опять на мгновение становится мрачнымъ — и бросаетъ отрывисто и глухо: „Для германской арміи — вопросъ этотъ не подлежитъ даже обсужденію (Für die deutsche Armee ist die Frage nicht discutable)...“

Около трехъ часовъ дня — засѣданіе закрывается, съ тѣмъ, что на слѣдующее утро русская делегація представитъ свой окончательный отвѣтъ.

Увѣренности въ томъ, что это удастся сдѣлать, впрочемъ, у насъ нѣтъ. До окончательнаго отвѣта необходимо снестись съ Петроградомъ по прямому проводу, а сообщеніе все еще не установлено. До передовой нѣмецкой линіи — сообщеніе установлено еще вчера къ вечеру, но прокладка по русской территории задерживается.

Спрашиваемъ штабнаго офицера: нѣтъ ли новостей. Пожимаетъ недоумѣнно плечами. „Нѣтъ, все еще связь не установлена“.

„Въ чемъ же дѣло? Можетъ быть — предполагаемъ мы — тамъ, въ Двинскѣ, не оказалась проволоки?“

„О, нѣтъ! — отвѣчаетъ германецъ. — Проволоку мы дали?...“

„Ну тогда, столбовъ, шестовъ...“

„Нѣтъ, мы и столбы дали...“

И, замѣтивъ впечатлѣніе, которое произвели на насъ его слова, онъ быстро и предупредительно добавляетъ: „вѣроятно тамъ, на линіи, заносы. Говорятъ, сильно мететъ.“

VIII. Третій день.

Военная комиссія проработала всю ночь, до утра. Только около шести часовъ закончено было редактированіе послѣднихъ пунктовъ и весь „отвѣтъ“ сданъ былъ переводчику для подготовки нѣмецкаго текста.

На утреннемъ собраніи делегаціи т. Іоффе сообщилъ, что за ночь — Юзъ сталъ работать и изъ Петербурга получено категорическое предписаніе перемирія не подписывать, на уступки въ пунктѣ о переброскахъ не идти, — а подѣ соотвѣтственнымъ предлогомъ прервать совѣщанія и, закрѣпивъ лишь пріостановку военныхъ дѣйствій до новой встрѣчи, черезъ недѣлю — выѣхать обратно. Въ связи съ этимъ мы ограничили очередную работу лишь обсужденіемъ принимаемаго военной секціей текста, и никакихъ дальнѣйшихъ вопросовъ не обсуждали. Предложенный т. Іоффе текстъ „заключительной“ по данному поводу деклараціи былъ принятъ почти безъ поправокъ.

Засѣданіе конференціи было назначено на 2 ч. 30 мин., такъ какъ раньше не могъ быть изготовленъ и размноженъ переводъ русскаго „отвѣта“. Вслѣдствіе этого, мы встрѣтились съ германской делегаціей еще до засѣданія, на завтракъ въ Собраніи, и т. Іоффе счелъ необходимымъ предупредить ген. Гофмана о предстоящемъ перерывѣ. Сидя насупротивъ, я видѣлъ черезъ столъ, какое непріятное впечатлѣніе произвело на Гофмана это сообщеніе. Но — какъ и въ предшествовавшихъ, аналогичныхъ, случаяхъ — онъ очень быстро овладѣлъ собой и сказалъ флегматично: „Впрочемъ, я былъ почти увѣренъ, что такъ оно и случится.“

Видимо въ связи съ этимъ сообщеніемъ — открытіе засѣданія нѣсколько замедлилось: представители „4-хъ державъ“ имѣли сепаратное совѣщаніе. Зато на самомъ засѣданіи, они съ совершенной невозмутимостью выслушали наше заявленіе, „доводившее до свѣдѣнія ихъ о необходимости перерыва для нѣкоторыхъ совѣщаній въ Петербургѣ, въ связи съ обнаружившимися разногласіями по отдѣльнымъ пунктамъ проекта перемирія и различія въ характерѣ полномочій делегацій.“ Декларація предлагала возобновить переговоры черезъ недѣлю, уже на нашей территоріи, причемъ пунктомъ встрѣчи намѣчался Псковъ.

Генераль Гофманъ отвѣтилъ, что союзнымъ делегаціямъ хотя и съ искреннимъ сожалѣніемъ — приходится подчиниться рѣшенію делегаціи русской. Онъ находитъ, однако, необходимымъ настаивать, чтобы вторая встрѣча состоялась опять таки въ Брестѣ. Псковъ непріемлемъ, такъ какъ никто изъ представителей „4-хъ державъ“ не можетъ оставить главной

квартиры, пока война не прервана на *всѣхъ* фронтахъ. Россія же можетъ безъ ущерба для себя — выслать въ германскую главную квартиру необходимыхъ для переговоровъ лицъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предложилъ сейчасъ же выдѣлить изъ состава делегаціи специальную комиссію, которая занялась бы выработкой условій пріостановки военныхъ дѣйствій на восточномъ фронтѣ — до слѣдующей встрѣчи уполномоченныхъ и — чтобы использовать остающееся время (такъ какъ поѣздъ раньше вечера не можетъ быть предоставленъ делегаціи) заслушать замѣчанія нашей делегаціи на германскій контръ-проектъ.

Предложеніе было принято. Адмиралъ Альтфатеръ огласилъ составленную военной комиссіей „записку“.

Непріятельскія делегаціи выслушали ее — не только съ сосредоточеннымъ вниманіемъ — но, я сказалъ бы, съ видимымъ „профессіональнымъ“ удовольствіемъ. Послѣ „политическихъ“ разговоровъ — разговоровъ „изводившихъ“ штабныхъ профессіоналовъ, сидѣвшихъ противъ насъ, они видимо „отдыхали“ на близкой имъ, профессіональной темѣ. Наши „военные эксперты“ — не даромъ провели ночь. Впечатлѣніе оглашеннаго Альтфатеромъ, документа, было несомнѣнно: германцы оцѣнили до достоинству — и его дѣловитость, и „профессіональную“ военно-техническую отдѣланность его. Ген. Гофманъ — почти что ласкаво глядѣлъ на читавшаго Альтфатера, несмотря на то, что „отвѣтъ“ — пунктъ за пунктомъ, — задѣвалъ германцевъ... вплоть до оставагося во всей неприкосновенности пункта о Моонзундѣ.

Онъ счелъ, однако, своимъ долгомъ — снова принять строгій и непріязненный видъ, какъ только адмиралъ закончилъ чтеніе. „Онъ съ сожалѣніемъ долженъ констатировать, что весь контръ-проектъ русской делегаціи проникнуть глубокимъ недовѣріемъ къ тѣмъ обѣщаніямъ и обязательствамъ, которые германское и союзныя главные командованія включили въ пункты своего проекта. При отсутствіи такого явного недовѣрія — естественно отпали бы многія возраженія, которыя теперь фигурируютъ въ русскомъ отвѣтѣ. Противъ такого подозрѣнія, и вообще противъ мысли о томъ, что германское командованіе заключаетъ перемиріе съ тѣмъ, чтобы его нарушить, онъ, Гофманъ, считаетъ необходимымъ рѣзко и настойчиво протестовать.“ Тѣмъ не менѣе онъ полагаетъ полезнымъ — пересмотрѣть еще разъ русскую записку по пунктамъ, дабы установить окончательно предѣлы возможныхъ взаимныхъ уступокъ.

Первые два пункта — не дебатироваться: о нихъ говорилось достаточно на предыдущемъ засѣданіи. И если *тогда* второй пунктъ (о переброскѣ войскъ и т. д.) остался открытымъ, то тѣмъ менѣе данныхъ прійти на немъ къ соглашенію — теперь; именно въ этомъ пунктѣ Гофманъ усмотрѣлъ (и не безъ основаній) максимумъ „недовѣрія.“ Послѣ бѣглой реплики Гофмана

конференція переходить къ обсужденію 3-го пункта. Военно-техническая часть его не встрѣчаетъ существенныхъ возраженій; но въ немъ имѣется и „политическая“ часть: разрѣшеніе „организованныхъ сношеній между войсками обѣихъ сторонъ“ — то есть, по просту говоря, „братаніе“.

Германцы категорически противъ братанія; они настаиваютъ на томъ, чтобы на время перемирія солдатамъ строжайше было запрещено переходить линію проволочныхъ загражденій. Гофманъ подчеркиваетъ, что перемиріе — еще не миръ, и несеніе войсками службы должно продолжаться съ неослабной строгостью. Онъ оспариваетъ, помимо того, и самую цѣлесообразность братаній: по его мнѣнію, сношенія, которыя велись и ведутся — несмотря на запреты, — солдатами обѣихъ сторонъ за послѣдніе мѣсяцы, отнюдь не способствуютъ установленію тѣхъ дружескихъ — а тѣмъ паче „братскихъ“ — связей, о которыхъ говоритъ русская „записка“. На практикѣ — взаимныя посѣщенія чаще всего заканчиваются ссорами, нерѣдко даже драками. Бывали случаи, что драки эти принимали характеръ настоящихъ побоищъ, такъ что дерущихся приходилось разнимать... пулеметами. Въ силу этого — въ обоюдныхъ интересахъ — отказаться, до начала *мирныхъ* переговоровъ — отъ всякаго общенія“.

Съ русской стороны, — Каменевъ не менѣе категорически заявляетъ, что запретить братаніе русское командованіе не можетъ: оно входитъ — входило и раньше — въ систему революціонной борьбы за миръ. И если это допускалось русскими даже во время военныхъ дѣйствій, то — тѣмъ паче — не можетъ оно быть воспрещено во время перемирія. Необходимо только принять рѣшительныя мѣры къ искорененію установившейся на передовыхъ линіяхъ „мѣновой торговли“, и вывести алкоголь изъ обихода братанія.

„Мѣновую торговлю“ — Гофманъ обходитъ молчаніемъ; что же касается алкоголя, то онъ отмѣчаетъ, что въ Германіи воспрещенія спиртныхъ напитковъ нѣтъ, что германскій солдатъ привыкъ къ „умѣренному употребленію“ спирта — и лишить его обычной винной порціи не представляется возможнымъ; въ особенности же — на передовой линіи, гдѣ для солдата не малымъ облегченіемъ суровости обстановки траншейной жизни — является возможность подлить въ чай нѣсколько капель рома или коньяка. Въ этомъ отношеніи — не видится возможности установить какой-либо общей нормы для обѣихъ армій, такъ какъ... „въ Россіи вѣдь строжайше и совершенно запрещено употребленіе спирта въ какомъ-бы то ни было видѣ“.

Пренія о братаніи затягиваются надолго, т. к. обѣ стороны на уступки не идутъ. Тщетно пыгается генераль Гофманъ побудить Каменева „отступиться“ — ссылкой на то, что приказъ, запрещающій братаніе — на практикѣ все равно не будетъ

соблюдаются войсками. „Опытъ показываетъ! — Ужъ на что строго мы запрещали — а на дѣлѣ, наши пытаются брататься даже тамъ, гдѣ ваши солдаты встрѣчаютъ ихъ выстрѣлами“. — Но Каменевъ не сдается: и въ концѣ концовъ — германская делегація соглашается на „организованное общеніе“ — съ тѣмъ только ограниченіемъ, чтобы оно происходило не по всему фронту, а лишь въ заранее опредѣленныхъ, точно установленныхъ пунктахъ.

Слѣдующимъ спорнымъ пунктомъ — снова надолго занимающимъ делегацію — является пунктъ о демаркаціонной линіи на Балтійскомъ морѣ. На Черноморскую линію военная комиссія согласилась, не проявивъ особаго упорства, хотя она и открываетъ противнику возможность свободного подвоза угля изъ Зангулдакскихъ копей — какъ къ Босфору, такъ и на Болгарскій театръ. Для Балтійскаго же моря — германское предложеніе было признано совершенно неприемлемымъ — и даже несомѣстимымъ съ достоинствомъ русскаго флага.

Такая постановка вопроса — заставила капитана Горна представлявшаго на конференціи германскій Морской Генеральный Штабъ, заявить немедленно, что „дѣйствительно чрезвычайная суженность“ полосы, предоставляемой германскимъ проектомъ для свободного плаванія русскаго флота — объясняется исключительно — присутствіемъ на Балтійскомъ морѣ англійскихъ подводныхъ лодокъ, нейтралитетъ которыхъ не можетъ быть гарантированъ русскимъ правительствомъ, ввиду... „неполученія отъ англійскаго правительства точнаго отвѣта на предложеніе присоединиться къ переговорамъ“.

Между тѣмъ — линія, избранная русской военной комиссіей въ качествѣ демаркаціонной, „по какой-то случайности“ почти точно совпадаетъ съ базой англійскихъ подводныхъ лодокъ. Поэтому-то она совершенно неприемлема для нѣмцевъ: Германіи необходимо безопасить свой торговый флотъ отъ покушеній англійскихъ субмаринъ.

Генераль Гофманъ добавилъ къ этому, что нейтрализація англійскихъ лодокъ — если она не будетъ рѣшена *англійскимъ* правительствомъ, можетъ представить крупнѣйшія затрудненія даже при самомъ искреннемъ желаніи русскихъ прекратить подводное крейсерство. Онъ опирается, въ данномъ случаѣ, на опытъ Испаніи, принимавшей — по отношенію къ нѣмецкимъ лодкамъ — самыя энергичныя мѣры, но безо всякаго маломальски замѣтнаго результата. Вопросъ о демаркаціонной линіи на Балтійскомъ морскомъ театрѣ — разрѣшимъ. поэтому, полностью въ зависимости отъ того, какъ станетъ вопросъ объ англичанахъ.

Пунктъ этотъ также остается открытымъ.

По окончаніи обсужденія „отвѣта“ — т. Каменевъ внесъ дополнительное — „не военное“ — предложеніе — о разрѣшеніи

германцами пропуска нашей литературы въ Германію и — транзитомъ — на французскій, англійскій, итальянскій фронты. Гофманъ, какъ всегда, забронировался „отсутствіемъ полномочій“ и обѣщалъ сообщить своему правительству. Отвѣтъ нашего правительства — прибавилъ онъ, улыбаясь, — я впрочемъ, и теперь уже могу предугадать: на французскій, и англійскій фронты, мы, конечно, разрѣшимъ провозъ — съ полной готовностью; что-же касается Германіи, то предложеніе Ваше навѣрное будетъ отклонено“.

Каменевъ указалъ, что литература, о которой идетъ рѣчь, направлена къ пробужденію стремленія къ миру и братства народовъ и потому ему неясно, почему Германія могла-бы воспретить распространеніе ея — если Германія дѣйствительно такъ искренно желаетъ мира, какъ здѣсь завѣряютъ.

„Именно потому — отпарировалъ Гофманъ, — что мы и такъ готовы къ миру. Для насъ — такая литература не нужна. А вотъ ваши союзники — другое дѣло... Имъ проповѣдь мира была бы какъ нельзя болѣе кстати. Возьмите хотя бы нашу конференцію. Германія и ея союзники — здѣсь, всѣ до одного... А ваши союзники?..

На этомъ — пунктъ о литературѣ, естественно, былъ исчерпанъ.

Этими указаніями, фактически, закончились нѣмецкія соображенія на русскій „отвѣтъ“ — и конференція перешла къ обсужденію условій десятидневной пріостановки военныхъ дѣйствій, выработанныхъ комиссіей, о которой упоминалось выше.

Въ основу этого соглашения — фактически, легли пункты „длительнаго перемирія“, только-что разработанные нами. Ввиду этого, особыхъ споровъ, „десятидневное соглашение“ не вызвало: пришлось продебатировать только тѣ параграфы, которые „остались открытыми“ въ предшествующихъ переговорахъ: главнымъ образомъ, опять-таки, параграфъ о переброскахъ и о демаркаціонной линіи на Балтійскомъ морѣ. Отчасти былъ затронутъ и вопросъ о братаніи, такъ какъ германцы ссылаясь на краткосрочность пріостановки — еще упорнѣе отказывались допустить его — въ какихъ-бы то ни было формахъ.

Въ конечномъ счетѣ — установленъ былъ текстъ удовлетворившій русскую военную комиссію въ важнѣйшемъ пунктѣ — т. е. о переброскахъ на Западъ. Въ редакціи, на которую согласились германцы — онъ обезпечивалъ въ достаточной мѣрѣ отъ массоваго отвлеченія силъ германцевъ на Западъ; большаго — въ сложившихся условіяхъ — достичь, конечно, не представлялось возможнымъ.

Подписаніе этого соглашения состоялось послѣ обѣда, въ Собраніи, безъ всякой торжественности. Черезъ часъ послѣ подписанія — мы были уже на станціи.

ІХ. Списокъ членовъ Русской делегаціи для переговоровъ о перемиріи и состоящихъ при ней лицъ.

І. Уполномоченные.

Члены Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета Совѣтовъ Крестьянскихъ, Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

1. Іоффе, Адольфъ Абрамовичъ (предсѣдатель делегаціи).
2. Каменевъ, Левъ Борисовичъ.
3. Масловскій, (Мстиславскій) Сергѣй Дмитріевичъ.
4. Биценко, Анастасія Александровна.
5. Сокольниковъ Григорій Яковлевичъ.
6. Оличъ, Федоръ Владимировичъ (матросъ).
7. Бѣляковъ, Николай Кузьмичъ (солдатъ).
8. Сташковъ, Романъ Илларионовичъ (крестьянинъ).
9. Обуховъ, Павелъ Андреевичъ (рабочій).

ІІ. Члены Военной Консультациіи.

10. Адмиралъ Альтфатеръ, Василій Михайловичъ (старшина делегаціи).

11. Капитанъ 1-го ранга Доливо-Добровольскій, Борисъ Іосифовичъ.

12. Полковникъ Шишкинъ, Владимиръ Ивановичъ.
13. Полковникъ Станиславскій, Андрей Васильевичъ.
14. Полковникъ Морозъ, Феликсъ Антоновичъ.
15. Подполковникъ Берендсъ, Константинъ Юльевичъ.
16. Подполковникъ Суховъ, Василій Гавриловичъ.
17. Подполковникъ Фокке, Иванъ Григорьевичъ.
18. Прапорщикъ Вединъ, Карлъ Яновичъ.

ІІІ. Состоящіе при делегаціи.

19. Секретарь делегаціи: Караханъ, Левъ Михайловичъ.

Переводчики.

20. Соколовъ, Владимиръ Петровичъ.
21. Поручикъ Щуровскій, Андрей Владимировичъ.
22. Вольноопредѣляющійся Штукгольдтъ.

Юристы.

23. Герберсонъ, Карлъ Антоновичъ.
24. Ивановъ, Василій Петровичъ.
25. Артарьянъ, Иванъ Павловичъ.

Переписчикъ.

26. Войшвилло, Брониславъ Іосифовичъ.

Ординарцы.

27. Ивановъ.
28. Коршуновъ.

**Ж. Списокъ членовъ делегаціи воюющихъ съ нами
государствъ.**

1. Германская.

1. Генераль-маіоръ Гофманъ (предсѣдатель делегаціи).
2. Генеральнаго Штаба маіоръ Бриккманъ.
3. Капитанъ 1-го ранга Горнъ.
4. Генеральнаго Штаба капитанъ Гай — переводчикъ.
5. Ротмистръ въ резервѣ фонъ Розенбергъ — секретарь.
6. Поручикъ фонъ Бюловъ — помощникъ секретаря.

2. Австро-Венгерская.

7. Генеральнаго Штаба подполковникъ Германъ Покорный
8. Генеральнаго Штаба маіоръ Францъ фонъ Мирбахъ.
9. Секретарь мисіи Эмерихъ графъ Чакій фонъ Кережехъ
и Адорьянъ.
10. Ротмистръ фонъ Бергеръ.

3. Болгарская.

11. Генеральнаго Штаба полковникъ Гатчевъ.
12. Совѣтникъ Анастасовъ.

4. Турецкая.

13. Генераль отъ кав. Цекки-Паша.
14. Ротмистръ фонъ Шмидтъ, прикомандированный къ ге-
нералу Цекки-Паша.
15. Совѣтникъ Эдемъ-Бей.

Д. Лучникъ.

Брусиловъ.

Было дѣло! На Карпатахъ
пушки грохотали;
тамъ-то русскіе ребята
какъ орлы лѣтали.
Полетѣли перья, хлопья
съ Австрійца, Венгерца;
Русь вонзила мечи, копы
въ задорнаго Нѣмца.

Встрепенулся врагъ лукавый,
нѣмецкій „Рейнеки“¹⁾;
завязался бой кровавый,
памятный во вѣки.
Хитрая лиса-германка
чуя смерть и муки
показала всѣмъ поганка
свои лисьи штуки:
Заманила удалого
Самсона²⁾ въ болота;
погубила не одного
храбраго салдата;
тучей двинулася съ Прусскихъ³⁾,
разразилась градомъ⁴⁾,
наводнила поля⁵⁾ Русскихъ
удушливымъ ядомъ⁶⁾.
Тутъ-то русскіе бойцы
повернулись задомъ.
не привыкли молодцы
воевать со смрадомъ.
Всколыхнулось, взволновалось
море русской рати,
дрогнуло, вспять откатилось
къ берегамъ Припяти⁷⁾.
Видя это вождь ратей
зычно крикнетъ было:
„Стой, ребята, не робѣй!“ —
„Генераль Брусиловъ!“ —
„Слушаюсь, отецъ родной!“ —
„За народъ постой ты мой;
ты, Брусиловъ, мечъ бруси⁸⁾,
враговъ нашихъ въ пень коси!“ —
Ухъ! какъ началъ нашъ Брусиловъ
бить, громить нѣмчуру,
еле⁹⁾ Михель¹⁰⁾ имѣлъ силу
спасти свою шкуру. —
Вдругъ громъ: „Тррахъ!“ — на радость Вили¹¹⁾ —
съ неба голубого¹²⁾:
свои дѣти нисложили
батюшку родного. —
Совершилось! „Что же дѣлать? —
думаетъ Брусиловъ —
давай, братцы, защищать
Матушку-Россію!“ —
Эй, какъ началъ нашъ Алѣшка¹³⁾
сыпать пули мѣтки,

заплакала нѣмчурошка
и нѣмкины дѣтки...
Снова горе: надъ Россіей
разорвалась бомба:
прилетѣла съ Швейцаріи
нѣмецкая „пломба“¹⁴⁾.
Изъ той „пломбы“ высыпались
горе-патріоты;
Русь святую разтерзали;
сстались сироты.
Гой! несчастныя сироты
загнаны ехидно
на дно ада, гдѣ просвѣта¹⁵⁾,
ни конца¹⁶⁾ не видно.
Разбрелись полки на горе¹⁷⁾,
рынулись сермяги:
кто за лѣса¹⁸⁾, кто за море,
кто спасать очаги¹⁹⁾.
За сермягами степями
поплелся Брусиловъ
страдать вмѣстѣ съ сиротами
на родинѣ милой. —
Говорили братья, сестры,
друзья, добры люди:
„Бѣги, бѣги“²⁰⁾, Алѣшенька!
лихо тебѣ будетъ“. —
„Нѣтъ, родные“ — отозвался
Брусиловъ съ слезами —
вмѣстѣ съ вами я родился,
умру вмѣстѣ съ вами“.

1) Reinecke Fuchs, т. е. „Коварная лиса“ знаменитое сочиненіе Гете.

2) Самсонова, командовавшего II-ой арміей. Самсоновъ, увлекшись первыми успѣхами своей арміи, выдвинулся черезчуръ впередъ, потерялъ связь съ своей арміей и былъ взятъ Германцами въ плѣнъ. 3) владѣній восточныхъ. 4) пуль. 5) сраженій. 6) газами. 7) рѣки. 8) точи брусомъ. 9) едва. 10) Михель — синонимъ нѣмца, какъ Иванъ — русскаго. 11) имп. Вильгельма II-го. 12) печально, какъ громъ съ безоблачнаго неба. 13) Алексѣй Алексѣвичъ Брусиловъ, Алешка сказано интимно а не тривиально. 14) Нѣмецкая „пломба“ это запломбированный вагонъ съ большевиками, которыхъ Нѣмцы пропустили изъ Швейцаріи. 15) на улучшеніе. 16) страданіямъ. 17) свое. 18) Сибири. 19) родные. 20) въ заграницу, гдѣ друзья общали Брусилову виллу въ Италіи и пожизненное жалованье. ДИК.

В. Р. Ваврикъ.

КАРПАТОРОССЫ

ВЪ Корниловскомъ походѣ и Добровольческой арміи.

Предисловіе.

Помѣщаемый здѣсь очеркъ исторіи „Карпаторусскаго Военнаго Добровольческаго Отряда“ на югѣ Россіи, составленный В. Р. Ваврикомъ, является цѣннымъ вкладомъ въ исторію освободительнаго движенія всего карпаторусскаго племени, доказывая лишній разъ, что карпатороссы всегда мыслили себя едиными со всѣмъ остальнымъ русскимъ народомъ. Очеркъ этотъ, какъ произведеніе современника, принимавшаго участіе во всѣхъ описываемыхъ имъ событіяхъ, конечно, даетъ въ извѣстной степени, быть можетъ, небезпристрастное освѣщеніе событій даннаго времени. Но это неизбѣжный недостатокъ, ибо каждый современникъ находится въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ всего происходящаго вокругъ него и обыкновенно при освѣщеніи современныхъ ему явленій становится на какую нибудь изъ существующихъ точекъ зрѣнія. Всестороннее и безпристрастное изображеніе нашихъ дней принадлежитъ грядущимъ за нами поколѣніямъ. Но и для насъ многое изъ того, что пережито нами нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сегодня кажется въ иномъ свѣтѣ. Даже нѣсколько лѣтъ отдѣляющихъ насъ отъ прошлаго позволяютъ намъ быть историкомъ этого прошлаго. Съ этой точки зрѣнія очеркъ В. Р. Ваврика, представляетъ систематически собранный матеріалъ, относящійся къ исторіи участія и отношенія карпатороссовъ, которые не могли остаться равнодушными наблюдателями событій русской освободительной войны, почему и становились на сторону тѣхъ, въ зародышѣ своемъ патріотическихъ попытокъ, цѣлью которыхъ было спасти Россію отъ тѣхъ проявленій и послѣдствій революціи, которыя создавались опредѣленно врагами русскаго народа на его гибель. Не становясь на сторону какой нибудь изъ русскихъ политическихъ партій, карпатороссы шли за тѣми, къ которымъ ихъ располагало здоровое

чувство націонализма. Естественно они не могли стать на сторону тѣхъ, которые въ жертву интернаціоналу отдавали все русское. Что въ данномъ случаѣ карпатороссовъ не обмануль этотъ здравый національный инстинктъ, косвенно подтверждается хотя бы тѣмъ, что даже тѣ, которые въ 1917—1918 г. г. разложили русскую армію проповѣдями „мирнаго“ интернаціонала, уже 1919—1920 году обращались къ офицерамъ и солдатамъ „бѣлыхъ армій“ и вообще ко всѣмъ чинамъ бывшей русской арміи съ призывомъ защищать „матушку - Россію“ не интернаціональную а національную. Кромѣ того исторія Карпато-русскаго боевого отряда, черезъ ряды коего прошло много лучшихъ представителей Прикарпатя, учить насъ тому, что въ народѣ нашемъ жива глубокая любовь къ Руси, любовь, которая заставляетъ приносить на алтарь самое дорогое — жизнь. Пусть примѣръ беззавѣтныхъ, сѣрыхъ героевъ, погибшихъ за дѣло освобожденія Родины — будетъ скромнымъ памятникомъ для потомковъ.

Очеркъ В. Р. Ваврика есть въ значительной долѣ выполненный долгъ передъ павшими соратниками. Этотъ очеркъ кла- деть фундаментъ того нерукотворнаго памятника не только незамѣтнымъ павшимъ героямъ, но и всему дѣлу нашей борьбы за освобожденіе.

Д. Яблонскій.

Мы смѣло въ бой пойдемъ

За Русь святую,

И какъ одинъ прольемъ

Кровь молодую.

Пѣсня Добровольцевъ.

І. Карпато-русскій отрядъ.

Въ 1917 году стряслось надъ русской землей ужасное бѣд- ствіе. Въ кульминаціонной точкѣ войны съ Германіей и Австріей, не исключая Турціи, внутри русскаго государства вспыхнула революція, вонзившая ножъ въ спину русской арміи, которая вслѣдствіе того принуждена была оставить добытые жертвами крови Карпаты. Съ отступающей арміей потянулись на востокъ длинныя вереницы подводъ и ряды пѣшихъ русскихъ галичанъ. Они какъ и въ 1915 году уходили съ русскими, чтобы спасти свою жизнь, ибо у нѣмцевъ и мадьяръ для нихъ не было пощады.

Революція разшатала устои, величіе и славу русской имперіи. Строительство новой, единой Руси начала Добровольческая армія во главѣ съ извѣстными патріотами — генералами Але- ксѣевымъ, Корниловымъ, Марковымъ и Деникинымъ.

Вѣря тогда въ возможность побѣды надъ большевиками, Совѣтъ Прикарпатской Руси въ Ростовѣ н/Д. счелъ необходимымъ

имѣть въ рядахъ Добровольческой арміи свой собственный отрядъ.

Формированіе Карпато-русскаго добровольческаго отряда принялъ на себя добровольно Григорій Семеновичъ Малець, совмѣсто съ Л. Ю. Алексевичемъ, оба товарищи предсѣдателя „Русскаго Народнаго Совѣта Прикарпатской Руси“, который достигъ соглашенія съ ген. Алексѣевымъ на нѣкоторыхъ условіяхъ, какъ :

1. Совѣтъ имѣетъ право выбрать себѣ командира для отряда.

2. Офицеры-галичане сохранять чинъ, какой они имѣли въ рядахъ Австрійской арміи.

3. Добровольческая армія и затѣмъ русское правительство будутъ поддерживать Совѣтъ въ его стремленіяхъ.

4. Вольноопредѣляющіеся будутъ приниматься въ военныя училища на правахъ русскихъ подданныхъ.

5. Отрядъ будетъ подчиняться Командованію Добровольческой арміи и уставамъ, которыя обвязывали русскую армію до революціи.

Января 21-го дня 1918 года, организаторами выпущено было воззваніе къ землякамъ съ призывомъ записываться въ Карпаторусскій отрядъ. Одновременно на-соро было созвано собраніе студентовъ въ помѣщеніи о-ва „Червоная Русь“. Малець объяснилъ цѣль отряда, его значеніе въ случаѣ освобожденія Россіи отъ большевиковъ и первый записался въ добровольцы. Изъ студентовъ записались: Александръ Журавецкій, Александръ Канинъ, Александръ Пелехъ, Василій Колдра, и Василій Ваврикъ; изъ крестьянъ: Пѣтръ Пыжь, Андрей Хома, Влад. Сѣрантъ и Ив. Бубнякъ. Всего больше было гимназистовъ: Евгеній Гошовскій, Николай Діаковскій, Владиміръ Гнатикъ, Озодосій Демковъ, Иванъ Загайко, Евстахій Ивановичъ, Миронъ Ковалишинъ, Василій Колодѣй, Оеодоръ Купецкій, Ромуальдъ Лопускій, Ярославъ Мацанъ, Иванъ Мацелюхъ, Осипъ Моцко, Николай Лѣщишинъ, Левъ Пелехъ, Романъ Лагола, Зиновій Процькъ, Владиміръ Охничъ, Степанъ Химичъ, Игорь Филипчакъ, Семень Худоба, Григорій Фитію, Иванъ Сушкевичъ, Левъ Цымбалистый, Владим. Сойка, Григорій Якимецъ. Кромѣ того въ отрядъ пришли еще Туркестанскаго полка прапорщикъ Богданъ Яцевъ и офицеръ Австрійской службы Николай Воловчукъ и студентъ Григорій Цыбикъ.

Такъ какъ послѣ 21-го января 1918 г. большевики начали врываться уже въ Донскую область, а 9-е февраля Корниловъ съ Добровольцами долженъ былъ оставить Ростовъ н/Д., то наборъ Добровольцевъ для Карпаторусскаго отряда могъ ограничиться только на среду галицкихъ бѣженцевъ, пребывавшихъ въ Ростовѣ. Тѣмъ и объясняется, что въ Добровольческую армію поступило всего пока 41 человекъ, а кромѣ этого многие

не будучи въ состояніи оставить на произволъ судьбы свои безпомощныя семьи, дабы большевики не выместили на нихъ своей злобы, были принуждены отказаться отъ поступленія въ Добровольческую армію. Вслѣдствіе небольшого количества галицкихъ добровольцевъ они не могли во время составить самостоятельной боевой и хозяйственной единицы, а пришлось войти въ соглашеніе съ начавшимъ было нѣсколько раньше формироваться съ чехо-словацкимъ инженернымъ полкомъ, въ составъ котораго Карпаторусскій отрядъ съ оговоркой нѣкоторыхъ условій вошелъ отдѣльной ротой. Чеховъ въ этомъ полку насчитывалось около 100 человекъ.

Такъ за Корнилова, за Родѣну, за вѣру
Мы грянемъ громкое ура!

Пѣсня Добровольцевъ.

III. Первые бои.

Февраля 9-го дня Корниловская армія была принуждена оставить гор. Ростовъ н/Д. Этотъ злосчастный день, одинъ изъ печальнѣйшихъ въ исторіи Добровольцевъ. Вся лучшая, сознательная Русь, вытѣсненная изъ главныхъ городовъ Россіи, какъ Москва, Кіевъ, Петроградъ, и нашедшая свое прибѣжище при Корниловѣ, очутилась за стѣнами Новочеркасска и Ростова въ степи, среди снѣговъ, холодныхъ вѣтровъ и морозовъ. Части, веденныя Корниловымъ, отступили съ боемъ въ ночной темнотѣ. На станціи Зарѣчной сбились въ кучу всѣ роды оружія. Ген. Марковъ сказалъ къ отступающимъ слѣдующія памятные слова: „За вами — городъ, постель, жизнь, — передъ вами — степь, походъ, смерть. Кто куда желаетъ — свободная дорога“. Добровольцы избрали вторую, крестную дорогу и въ молчаніи потянулись вдоль тихаго Дона. Добровольцы-галичане до послѣдняго момента охраняли мостъ на Дону и защищали отъ большевиковъ обходъ отряда по льду, послѣ чего всѣ ушли съ Корниловымъ.

Одолѣвъ 18-ти верстное разстояніе, въ снѣгахъ по колѣни, Корниловъ съ отрядомъ вошелъ въ Ольгинскую, станицу Донскихъ козаковъ. Три дня понадобилось для того, чтобы отдохнуть, собрать лазареты, привести въ порядокъ изтерзавшіяся въ бояхъ части.

На другой день, когда немного высохли обмотки, сапоги и одежда, Г. С. Малець собралъ всѣхъ Галичанъ за станицей у мельницы и предложилъ избрать комитетъ, долженствующій вѣдать дѣлами отряда, чтобы имѣть отвѣтственныхъ лицъ за тѣхъ, которые пошли въ походъ. Избранными оказались Г. С. Малець предсѣдателемъ, В. А. Колдра его помощникомъ, В. Р. Ваврикъ секретаремъ, а Охничъ и Хома

членами. Сейчас-же было постановлено отправить нѣсколько человѣкъ для вербовки карпатороссовъ, проживающихъ въ станицахъ и городахъ. Колдра, Коверданъ и Цымбалистый уѣхали окольнымъ путемъ, черезъ Ростовъ и Харьковъ, въ Москву, Охничъ отправился въ станицы.

Сдѣлавъ смотръ, ген. Корниловъ оставилъ станицу Ольгинскую и началъ рядъ неустанныхъ боевъ среди ужасныхъ страданій, скитаній и поисковъ за Русью, т. е. за пріобрѣтеніемъ уголка, гдѣ можно бы было выдвинуть русское знамя и найти опору для дальнѣйшаго дѣйствія. Оказалось, что такого уголка уже не было. Большевики залили всю Россію. Ген. Корниловъ съ лазаретами, женщинами, дѣтьми и гражданскими чинами находился въ сжатомъ кольцѣ и постоянно, безъ отдыха, ему приходилось обороняться со всѣхъ сторонъ и очищать Добровольцамъ путь выхода ожесточеннымъ боемъ.

Вслѣдствіе того, что ген. Корниловъ всегда пробивался успѣшно, духъ въ его арміи росъ съ каждымъ днемъ. Куда онъ только не появился, мгновенно всѣ замирали отъ умиленія а затѣмъ отъ восторга выливали свои чувства въ громкую пѣсню въ самомъ тяжеломъ и безвыходномъ положеніи. „Бѣлый крестикъ на груди, то Корниловъ впереди“ — была любимая пѣснь Добровольцевъ.

Почему едва 2.000 Добровольческая армія побѣждала несмѣтныя полчища большевиковъ? Потому, что въ ней отъ перваго до послѣдняго солдата была вѣра въ святое дѣло и побѣду. Ген. Корниловъ ѣхалъ впереди, ген. Марковъ бросался первымъ въ рукопашный бой и никакая сила не могла остановить тѣхъ, которые шли за ними. У всѣхъ было только одно желаніе: спасти Россію, а выразителемъ того желанія и всѣхъ чаяній былъ ген. Корниловъ, человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненный и воинъ безъ страха и сомнѣнія. Подходя къ рѣкѣ, онъ сразу бросался въ ея холодныя волны и офицеры тогда не задумывались. На полѣ сраженія онъ былъ превосходнымъ стратегомъ. Осмотрѣвъ поле, онъ вдругъ рѣшалъ, что дѣлать, или куда итти. Его присутствіе устраняло всякое сомнѣніе, страхъ, отчаяніе и вселяло духъ бодрости въ сердца изнывающихъ въ неравномъ бою.

Замѣчательный былъ человѣкъ Корниловъ!

Послѣ снѣга и мороза пошелъ дождь и въ станицахъ раскисло непроходимая грязь. Отступивъ съ боемъ отъ Хомутовской, армія застряла, въ полномъ смыслѣ этого слова, въ грязи станицы Мечетинской. Опять понадобились два дня, чтобы собрать нечеловѣческія усилія для предстоящаго похода. Отдыхъ былъ обыкновенно такой: часть войскъ сушила необходимые вещи, а другая стояла на заставахъ.

За станицей Егорлыцкой, на границѣ Донской области и Ставропольской губерніи, на рѣчкѣ Егорлыкѣ, произошелъ

первый крупный бой. Большое селеніе Лежанка была взята Корниловымъ послѣ двухчасового сраженія. Когда Марковцы переплыли рѣку и заняли село съ правой стороны, галичане съ чехами пройдя мостъ вошли въ самую середину села. Ген. Корниловъ вошелъ почти въ пустую Лежанку. Это было 21-го февраля, когда съ юга подулъ первый теплый, точно весенній вѣтерокъ. Какая-то новая надежда на спасеніе Руси воспрянула въ сердцахъ Корниловцевъ, смотрѣвшихъ на своего вождя не иначе, какъ на сказочнаго богатыря.

Двѣ станицы Кубанской области, Незамаевская и Плоская, были взяты безъ боя; всѣ прочія до самаго Екатеринодара были добыты штыками Добровольцевъ. Большевики старались за всякую цѣну разбить Корнилова и насѣдали на его маленькую армію, какъ свора собакъ на матерого волка. Бывало такъ, что арьергардъ арміи не успѣлъ еще отвязаться отъ насѣдающаго противника а передовыя части принуждены были пролагать путь остальнымъ частямъ штыками подъ градомъ вражескихъ пуль и снарядовъ, сыпавшихся со всѣхъ сторонъ на Добровольцевъ.

Для лучшаго изображенія Корниловскаго похода пусть послужатъ даты сраженій: 27 го февраля съ боемъ была взята станица Новолеушковская; подъ вечеръ того-же дня пала станица Славянская; 1 го марта была занята станица Березанская, 4-го марта Корневская, 6-го Усть Лабинская, 8-го Некрасовская. Девятого марта закипѣлъ ожесточенный бой у Филипповскаго хутора.

Горы, вершины
Я васъ вижу вновь;
Кавказа равнины —
Кладбище бойцовъ!

Салдатовская пѣсня.

III. Бой при селеніи Филипповскомъ.

Во II-омъ томѣ „Очерковъ Русской смуты“, изложенныхъ ген. Деникинымъ, цѣлая XXII глава посвящена походу въ Закубанье, гдѣ много вниманія удѣлено бою при Филипповскомъ. На 264-ой страницѣ находится слѣдующее описаніе этого сраженія: „Едва только за Корниловскимъ полкомъ успѣли пройти партизаны и чехо-словаки, развернувшись вправо и влево отъ Корниловцевъ, какъ большевики вновь широкимъ фронтомъ перешли въ рѣшительное наступленіе на наши линіи... И, тѣмъ не мѣнѣ, нашъ несчастный обозъ вынужденъ былъ переходить рѣку и идти именно туда, навстрѣчу, подъ склонъ высотъ, на гребнѣ которыхъ вотъ-вотъ могъ появиться прорывающійся противникъ. Ибо съ сѣвера на Филипповское давили уже наши

вчерашніе враги, ихъ батарея обстрѣливала село и переправу, и Боровскій съ юнкерами, оставленный въ арьергардѣ, съ трудомъ сдерживалъ ихъ напоръ.

А переправа по одному мосту протекаетъ убійственно долго. Удержатъ ли гребень?

Уже начинаютъ отходить чехо-словаки, разстрѣлявъ всѣ свои патроны; отдѣльныя ихъ фигуры стали спускаться съ высотъ. Къ нимъ поскакалъ конвой Корнилова. Тамъ — замѣшательство. Командиръ баталіона капитанъ Нѣмечекъ легъ на землю, машетъ неистово руками и прерывающимся голосомъ кричить:

— Дале йсемъ немохль уступоватъ. Я зустану zde до-
целя самъ*). —

Возлѣ него въ нерѣшительности мнутъ чехо-словаки, нѣкоторые остановились и залегли...

Я нарочно привожу длинный цитатъ, ибо изъ него можно себѣ уяснить, что „чехо-словаки“ въ самомъ дѣлѣ въ бою при Филипповскомъ сыграли большую роль. Справедливость однако требуетъ представить сказанное ген. Деникинымъ на пересмотрѣ исторіи, ибо то, что онъ приписываетъ вообще „чехо-словакамъ“, сдѣлала Карпаторусская рота, а лавры пожали одни чехо-словаки, хотя въ бою не потеряли ни одного своего земляка. Никто изъ нихъ не былъ даже раненъ. Правла. Нѣмечекъ самъ отличался храбростью, но чехи-солдаты вовсе не проявляли доблести своего командира. О скромныхъ галичаныхъ, самоотверженно исполнявшихъ свой долгъ передъ Родиной, мало кто зналъ не только въ арміи, но даже въ штабѣ, потому что они не составляли самостоятельной боевой единицы, а сражались подъ знаменемъ чехо-словаковъ, къ которымъ были присоединены по поводу недостаточнаго количества бойцовъ. И такимъ образомъ лавры, добытые Карпатороссами достались не справедливо однимъ чехо-словакамъ.

Бой у Филипповскаго врѣзался въ память галичанъ-Добровольцевъ, оставшихся еще въ живыхъ: они могли бы рассказать, въ какой обстановкѣ протекалъ бой, продолжавшійся съ ранняго утра до поздняго вечера. Съ ночи Филипповское окружили тѣснымъ кольцомъ большевики, расположившіеся вокругъ на холмахъ въ хорошо приготовленныхъ окопахъ. Нужно было сверчеловѣческихъ усилій, чтобы выйти живо изъ этой западни: перейти рѣку Бѣлую, взять возвышенности съ большевикскими укрѣпленіями и одновременно отбивать въ тылу и по сторонамъ атаки непріятеля. Критическое положеніе сознавалъ самый недалекій салдатъ. Ген. Корниловъ съ разсвѣтомъ повелъ наступленіе въ лобъ большевикамъ. Станувъ на единственной кладкѣ, (мосты были взорваны) Кор-

*) Дальше я не могъ уступать. Я останусь здѣсь совершенно одинъ.

ниловъ пропустилъ лучшую свою часть, Корниловскій полкъ не болѣе 100 человекъ за рѣку и велѣлъ имъ занять возвышенности. Большевикскіе пулеметчики сосредоточили свой огонь на кладку, но не смотря на то Корниловъ не оставилъ мѣста, пока не прошли чехо-словаки вмѣстѣ съ галичанами. Холмы были взяты Корниловцами, но позади нихъ, на ровной степи, разгорѣлся опять кровопролитный бой, продолжавшійся на одномъ и томъ же мѣстѣ около 8 ми часовъ. На поле подѣхали подводы съ ранеными, ибо рѣку сзади перешли большевики. Большевикскія орудія били залпами въ сѣзвившійся кругъ и казалось, что ни одинъ Доброволецъ не уйдетъ гибели.

Карпаторусской ротой командовалъ прапорщикъ Богданъ Яцевъ. Рота образовала правсе крыло Корниловскаго полка. День былъ почти жаркій, тихій, безъ вѣтра. Надъ степью колыхались волны теплаго воздуха.

Въ полдень былъ раненъ прапорщикъ Яцевъ и командование ротой пришлось обнять пишущему эти строки. Нынѣ, когда вспомню этотъ бой, дрожу; до конца вечера и затѣмъ всю ночь я былъ въ какомъ-то до сихъ поръ для меня непонятномъ бреду: я бѣгалъ, кричалъ, плакалъ, приказывалъ, поучая и увѣщивая. Когда рванулась наша рота впередъ, Корниловцы открыли ураганный огонь. Большевики были сбиты и отброшены. Но собравъ свои части, они начали опять наступать. Подъ ихъ напоромъ дрогнула вся армія. Тогда стоявшій на стогу соломы Корниловъ послалъ противъ нихъ своихъ Текинцевъ. Большевики оставили наступленіе.

Подъ вечеръ поднялось правое крыло, а затѣмъ весь фронтъ сталъ наступать на большевиковъ. Этотъ моментъ описанъ ген. Деникинымъ весьма вѣрно: „Въ горячемъ сраженіи бываютъ минуты, иногда долгіе часы, когда между двумя враждебными линіями наступаетъ какое-то странное и неустойчивое равновѣсіе. И достаточно какого-либо ничтожнаго толчка, чтобы нарушить его и сломить волю одной изъ сторонъ, психологически признавшей себя побѣжденной. Такъ и въ этотъ день: по приказу или безъ приказа передъ вечеромъ наши войска на всемъ лѣвобережномъ фронтѣ перешли въ контръ наступленіе — и противникъ былъ отброшенъ...“

Ген. Деникинъ утверждаетъ, что лѣвое крыло начало контръ наступленіе; однако это не совсѣмъ вѣрно, ибо раньше еще начало наступать правсе крыло, т. е. галицко-русская рота. Конечно мои слова врядъ ли когда-либо прочтетъ ген. Деникинъ; тѣмъ не менѣе я чувствую нравственную обязанность сказать правду. Не я одинъ изъ галичанъ призывалъ, бѣгая по цѣпи, отстаивать Корнилова а тѣмъ самымъ и русское дѣло; молоденькіе гимназисты 16-ти и 17-ти лѣтъ, неудержимо рвались впередъ, а смертельно раненый студентъ Журавецкій пѣлъ, умирая:

Горы, вершины
Я васъ вижу вновь,
Кавказа равнины —
Кладбище бойцовъ.

Такъ умирали за Русь лучшіе ея сыны съ надъ сребролентыхъ водъ Карпатъ. Въ Кубанскихъ степяхъ остались непохороненными 5 русскихъ галичанъ, сложившихъ свои юныя головы за „Единую-Недѣлимую“. Въ сгустившихся сумеркахъ пришлось ощупью искать раненыхъ, между которыми оказались уже холодные трупы гимназистовъ: Евгенія Гошовскаго, Николая Діаковскаго, Николая Лѣщишина и Феодора Купецкаго. Тѣла ихъ нельзя было похоронить, такъ какъ армія стала спѣшно продвигаться впередъ. Что-то случилось съ ними: расклевали ли ихъ вороны, или растерзали волки, или разнесли большевики? Какъ ни жаль убитыхъ, все таки нельзя имъ не позавидовать ихъ чистой, возвышенной замоотверженной любви для несчастной матери Руси. Въ бою получили тяжелыя раненія, кромѣ прапорщика Яцева, Петръ Пыжъ, Миронъ Ковалишинъ, Зиновій Процыкъ, а Иванъ Сушкевичъ былъ контуженъ.

За смерть и раны Карпатороссовъ досталась честь и похвала чехо-словакамъ. Такова ужъ безталанная доля Карпатороссовъ!

„Да, были люди въ наше время!“

Бородинно. *Лермонтовъ.*

IV. Педяной походъ.

Сраженіе у Филипповскаго на долго сломало большевиковъ и до 25. марта они не смѣли вступать съ нами въ бой ограничиваясь только на незначительную артилерійскую перестрѣлку изъ дальняго разстоянія, тѣмъ болѣе, что съ ген. Корниловымъ соединился ушедшій изъ Екатеринодара вмѣстѣ съ полковникомъ Покровскимъ ген. Эрдели. Не смотря на то что половина арміи лежала больной на подводахъ, всѣ стали отдыхать какъ-то отраднѣе. Кромѣ того за пригорками черкесскихъ ауловъ стало какъ то уютнѣе и веселѣе. Черкесы встрѣтили Корнилова, сплошъ да рядомъ отъ мала до велика и накормили изголодавшихся бойцовъ мясомъ буйволовъ. Умершіе были похоронены по человѣчьему и божьему, а раненые были обмыты, перевязаны и согрѣты.

Въ Абукаѣ, Несушкаѣ и въ другихъ черкесскихъ аулахъ армія Корнилова изцѣляла свои раны и готовилась къ дальнѣйшему крестному походу. Бои закалили у каждого Кориловца душу, но плоть обезсилили невзгоды, лишенія и сама природа.

Кубанское небо запасмурилось, заволокло сѣрыми тучами, изъ которыхъ повѣяло холодомъ и брызнуло дождемъ. Не смотря на это, 14-го марта Корниловъ сѣлъ на свою гнѣдопѣгую кобылицу, накинулъ на себя черную черкесскую бурку и вывелъ свои части на широкую дорогу по направленію станицы Калужской и Дмитріевской. Дождь не переставалъ идти. Люди двигались въ грязи очень тихо. Подводы отстали. Около полудня подулъ ледяной вѣтеръ, превратившій дождь въ снѣгъ и гоголедицу. Части находились въ чистомъ полѣ, гдѣ не было ни одной постройки, ни одного дерева, какъ пошелъ сильный дождь съ градомъ. Балки и долины наводнились мутной, холодной водой. Наконецъ поднялась снѣжная метель, и казалось, что не только природа но всѣ силы ада выступили противъ Корниловскихъ героевъ. На нихъ замерзла одежда; ихъ лица заносило снѣгомъ. Они, теряя въ грязи и водѣ сапоги, разбрелись, ища мѣста посуше.

На подводахъ замерзали и умирали больные. Корниловъ слѣзъ съ лошади, по всей вѣроятности дабы размять оковѣвшія члены, но не будучи въ состояніи бороться со стихіей, опять сѣлъ на лошадь. Подводы съ провіантомъ, орудія и кухни застряли. Лошади падали, откинувъ головы и ноги.

Было невыносимо, но идти все таки было необходимо, чтобы не погибнуть въ полѣ. На половинѣ дороги армія раздѣлилась на двѣ части. Одна часть съ ген. Корниловымъ пошла въ Дмитріевскую, чтобы выбить оттуда большевиковъ. Станица была взята позднимъ вечеромъ. Въ руки Добровольцевъ досталось девять орудій. Случилось это слѣдующимъ образомъ:

Большевики, имѣвшие хорошія прикрытія, защищающія ихъ отъ дождя, выстрѣлили по Корниловцамъ нѣсколько разъ, но затѣмъ пальба ихъ замолкла. Корниловцы шли, не стрѣлая, шли, чтобы только войти въ теплыя жилища. Большевики не выдержали и бѣжали. Многіе изъ нихъ застрянувъ въ грязи, промокшіе, иззябнувшіе отъ холода, мороза и гололедыцы, сдались вмѣстѣ съ комисарами и агитаторами. Корниловцы захватили то, что было приготовлено противъ нихъ. Это произвело на Добровольцевъ сильное впечатлѣніе и ихъ отчаяніе превратилось въ восторгъ.

Вторая часть направилась въ Калужскую. Въ пяти верстахъ отъ станицы балка превратилась въ широкую рѣчку. Ее нужно было пройти во что-бы то ни стало. На встрѣчу выѣхали козаки изъ Калужской и стали перевозить больныхъ. Всѣмъ прочимъ пришлось идти водою вбродъ по поясъ. Салдаты борясь съ волнами кричали, махали руками, а нѣкоторые падали въ воду. Послѣ этого на всѣхъ одежда замерзла и стала какъ лубъ. До поздней ночи подходили оставшіе, наполняя биткомъ козачіе дома. Въ этой части находился тоже Карпато-русскій отрядъ.

Необходимо было отдыхать цѣлую недѣлю.

Григорій Семеновичъ МАЛЕЦЪ, организаторъ
Карпаторусскаго Добровольческаго Военнаго
Отряда.

— Отецъ салдатамъ,
Но жаль его, сраженъ булатомъ.
Бородино. *Лермонтовъ.*

V. Смерть ген. Корнилова.

Какъ только стало чуть теплѣе, часть находящаяся въ Калужской, перешла въ Дмитріевскую, послѣ чего 25 го марта произошелъ бой при станицѣ Георго-Афипской, а 26-го у хутора Полтавскаго. Приближаясь къ рѣкѣ Кубани, выступившей въ то время изъ береговъ, войска тонули въ болотѣ. Чгобы ночью солдаты и подводчики не блуждали и не отставали, ген. Корниловъ высылалъ впередъ знающихъ мѣстность козаковъ, которые зажигали костры соломы. Въ ночной темнотѣ огни казались пожарами, охватившими нѣсколько станицъ. Почему-то печально и жутко было смотрѣть на круги огненнаго свѣта.

Корниловъ обошелъ городъ Екатеринодаръ вокругъ и рѣшилъ взять его приступомъ со стороны станицы Елизаветинской. Но чтобы войти въ Елизаветинскую, нужно было перейти широкую и глубокую Кубань. Мостовъ на ней не было, а построить ихъ на скорую руку было невозможно. Поэтому Корниловъ велѣлъ сдѣлать огромный паромъ и на немъ почти два дня перевозились войска, снаряженіе, орудія, лошади.

Настала чудная погода. Солдаты ходили въ одной рубашкѣ. Кубань покрылась лодками, на которыхъ козаки перевозили войска. Возлѣ лодокъ плыли лошади, поднявъ высоко головы. Теченіе воды уносило лодки и лошадей, такъ что только искусство лодочниковъ и сила козаковъ спасли ихъ отъ гибели.

Елизаветинская была взята безъ затрудненій. Ожесточенный бой, не прекращавшійся днемъ и ночью, закипѣлъ подъ стѣнами Екатеринодара. Большевики собрали значительныя подкрѣпленія, насчитывавшія около 30-ти тысячъ бойцовъ. Корниловская армія вмѣстѣ съ новоприбывающими козаками могла имѣть приблизительно четыре до пяти тысячъ человекъ.

Могъ ли Корниловъ съ такими силами вступать въ бой съ противникомъ? По человѣческому уму-разуму нѣтъ, а по Корниловски — да, и побѣда была почти обезпечена, ибо какая-то паника, суматоха, броженіе и страхъ передъ ген. Корниловымъ овладѣли большевиками, ибо всѣ вездѣ, отъ Ростова до Екатеринодара, вѣрили въ непобѣдимость Корнилова. Кромѣ того со всѣхъ сторонъ росъ постоянно приливъ козаковъ. Наконецъ каждый Корниловецъ уже давно былъ лишенъ всякаго страха, ибо его девизомъ было: побѣда или смерть, *memento* которой было нашито на его лѣвомъ рукавѣ.

Три дня и три ночи, стойко и мужественно, держали Корниловцы свои позиціи. Три дня и три ночи рѣяли русскія знамена между Елизаветинскій и Екатеринодаромъ. На четвертый

день, когда Корниловцы уже ворвались въ предмѣстье города, а большевики спѣшно эвакуировали Екатеринодаръ, стряслось надъ Добровольцами ужасное горе: Корниловъ, находившійся въ небольшомъ домѣ, откуда руководилъ боемъ, былъ замѣченъ большевиками и засыпанъ орудійными ядрами. Друзья молили Корнилова, чтобы оставилъ опасное мѣсто, но было поздно. Одной изъ многихъ, попавшихъ въ домъ гранатъ, былъ въ немъ убитъ богатырь русской земли, генераль Корниловъ.

Смерть Корнилова была пораженіемъ для его богатырской арміи, которая потерявъ своего вожда осталась точно тѣло безъ души. Солдаты и офицеры узнавъ про смерть Корнилова, сразу оставили свои позиціи и пошли въ разсыпную не собирая и не зная куда и зачѣмъ. Поневолѣ вспоминается *Анѣзисис*, во время которой погибъ Киръ-младшій съ тѣмъ однако различіемъ, что Корниловская армія очутилась въ болѣе печальномъ положеніи чѣмъ древнія фаланги Кира.

Подъ Екатеринодаромъ погибъ цвѣтъ Корниловской арміи. На полѣ сраженія остались командиръ Корниловскаго полка полковникъ Нѣженцевъ, командиръ конныхъ частей полковникъ Корниловъ, много офицеровъ и солдатъ. Число раненныхъ значительно увеличилось. Потери большевиковъ были въ три раза численнѣе, но будь они въ три миліона разъ больше еще не могли бы возмѣстить потери одного Корнилова.

Галицкая рота не принимала участія въ штурмѣ Екатеринодара, такъ какъ она третій ужъ день вздерживала напоръ большевиковъ, наступающихъ отъ Мариинской. Ранеными были только тѣ, которые находились въ Корниловскомъ полку: прапорщикъ Романъ Мацанъ и Иванъ Бойко. Первый умеръ отъ ранъ въ Елизаветинской, гдѣ послѣ смерти Корнилова рѣшено оставить часть лазарета съ тяжело-ранеными, чего Корниловъ никогда не дѣлалъ. Въ Елизаветинской остались также и врачи и сестры-милосердія, которые вмѣстѣ съ больными подверглись ужаснымъ пыткамъ. Бойку удалось попасть на подводу. Кромѣ нихъ, изъ галичанъ въ бояхъ по пути къ Екатеринодару были ранены тяжело: студентъ Александръ Канинъ, Евстахій Ивановичъ, Иванъ Мацелюхъ, Владиміръ Гнатикъ и Иванъ Бубнякъ; легко: студентъ Александръ Пелехъ, Владиміръ Охничъ и Андрей Хома.

Потерявъ Корнилова, остатки его арміи въ однѣ сутки прошли нѣсколькодесятъ верстъ. Трудно себѣ представить, какъ тяжелое было это отступление. Какъ бы на зло, въ добавокъ дулъ противный холодный вѣтеръ и пыль засыпала очи отступающимъ. Трудно было кого-либо узнать, ибо грязь, образовавшаяся отъ смѣшенія пыли съ потомъ, покрывала ихъ лица. Очи покраснѣли. Ноги двигались механически и до того болѣли, что нужно было ступать то на пальцахъ, то на боку, то на пяткахъ. Остановиться и отдохнуть было немыслимо, потому

что за отступающими гнались большевискіе бронированные автомобили.

Только въ Гнучбау, нѣмецкой колоніи, ввиду смертельной усталости людей, была сдѣлана передышка. Вповалку ложились воины подъ соломенные заборы или кизяки, засыпая непробудимымъ сномъ.

Ночью тайкомъ былъ похороненъ ген. Корниловъ и полк. Нѣженцевъ, о чемъ знали только ген. Деникинъ, Алексѣевъ, священникъ и колонистъ нѣмецъ.

На второй день собрался военный совѣтъ для рѣшенія вопроса: сдать ли большевикамъ, разойтись, или продолжать борьбу до послѣдняго издыханія. Было принято рѣшеніе: бороться до послѣдняго.

Между тѣмъ большевики окружили колонію, чтобъ покончить съ „бѣлыми“, какъ называли Корниловцевъ, потому что послѣдніе носили на папахъ бѣлыя повязки, ибо случалось, что въ рукопашномъ бою по ошибкѣ убивалъ свой своего. Потому ген. Алексѣевъ приказалъ носить бѣлыя повязки. На большевискіихъ фуражкахъ появились красныя тряпки.

Большевики обстрѣливали весь день колонію, такъ что взрывы гранатъ опрокидали повозки съ ранеными, убивали столпившихся солдатъ и едва не убили ген. Алексѣева. Подъ вечеръ началось дальнѣйшее отступленіе такимъ образомъ, что ген. Марковъ пошелъ впередъ въ наступленіе, дабы очистить путь хотя съ одной стороны. Наступилъ темный и довольно холодный вечеръ. Для боя сдѣлано каре, т. е. квадратъ. Слышалось ура и раздавались крики, но никакъ нельзя было различить, чья сторона кричитъ, кто наступаетъ, кто отступаетъ.

Меня застываетъ до сихъ поръ одинъ фактъ: какъ могли въ такъ тяжелую минуту нѣкоторые солдаты спать и храпѣть стоя на ногахъ? Ихъ нужно было будить и они не просыпаясь стрѣляли, куда попало. Когда-же они шли впередъ, то держались за руки и громко кричали.

Въ полночь не осталось ни одного Добровольца въ полѣ. Они всѣ ушли, а большевики думали, что умѣютъ перед собою окопы съ войсками. Только днемъ, убѣдившись въ отсутствіи Добровольцевъ, они вошли въ колонію, разграбили ее, и вырывъ тѣло Корнилова, завезли его въ Екатеринодаръ, гдѣ возили его нагаго по улицамъ, бросали объ землю и вконцѣ сожгли его, а пепелъ розметали по вѣтру.

Такова была кончина одного изъ лучшихъ сыновъ русскаго народа! На пѣго-гнѣдую лошадь сѣла его дочь Татьяна. Обоженатели Корнилова разобрали всѣ его вещи себѣ на память. Шапка досталась мальчугану-гумназисту, галичанину Скамаю, бѣжавшему изъ пріюта къ Корнилову и служившему при немъ.

посыльнымъ. Въ послѣдствіи Будиловичъ показывалъ въ музеѣ им. Корнилова „шапку“ великаго вождя, однако это была не эта шапка. Та, которую носилъ Корниловъ въ послѣднее время, осталась у галичанина Скамая.

Вѣрьте, что Родина будетъ опять
великой и могучей!

Предсмертныя слова ген. Маркова.

VI. Ген. Марковъ.

Сухой, степной, холодный вѣтеръ не переставалъ дуть и отступление Добровольческой арміи стало невыносимо. Больныя, измученныя ноги не могли двигаться. Уныніе, не смотря на то, что изъ Гючбау всѣ ушли благополучно, было безграничное. Не страхъ за жизнь овладѣлъ Добровольцами, ими овладѣла печаль по томъ, что погибло олицетворіе идеи освобожденія Россіи отъ большевиковъ.

Въ такомъ положеніи могло лишь чудо спасти остатки арміи и вернуть ей прежнія силы. Эго сознавалъ всякій военачальникъ, это чувствовалъ каждый рядовой солдатъ Ген. Марковъ, ничего никому не говоря, взялъ съ собою двѣ сотни офицеровъ, помчался съ ними въ станицу Медвѣдовскую и занялъ ночью желѣзнодорожную станцію. По телефону онъ затребовалъ эшалонъ большевистскихъ войскъ съ бронированнымъ поѣздомъ будто для „разбитія вновь собирающихся Корниловцевъ“, т. е. на самого себя.

На первой зарѣ слышался свистокъ, гулъ и пыхтѣніе паровоза. Большевики, думая, что пришли на подкрѣпленіе своимъ противъ убѣгающаго ген. Маркова, лежали въ теплушкахъ раздѣтые. Ген. Марковъ далъ знакъ машинисту, чтобы задержалъ поѣздъ. Одновременно онъ приказалъ находящейся вблизи батареи дать залпъ по паровозу. Колеса рухнули. Офицеры ворвались въ вагоны и обливъ таковые керосиномъ зажгли ихъ. Раздалась ружейная пальба и трескъ пулеметовъ по выбѣжавшимъ изъ теплушекъ большевикамъ. Трупы ихъ падали на одну кучу. Въ завершеніи дѣла офицеры стали работать саблями и кровь людская потекла ручьями.

Ужасная картина вырвала Добровольцевъ изъ оцѣпенѣнія. Подошедшія къ станціи части увидѣвъ передъ собою кучу валавшихся труповъ, большой запасъ продовольствія и воинскаго снаряженія воспрянули духомъ еще болѣе, когда разнесся слухъ, что въ Кавказкомъ отдѣленіи Кубанской области возстали козаки. Разпыленные части Добровольческой арміи стали опять собираться въ отдѣленія и потрясать оружіемъ. Опять раздалась пѣсня, необходимая для поддержанія духа солдатъ. Деникинъ промчался галопомъ съ трехцвѣтнымъ знаменемъ,

которое текинцы носили при Корниловѣ. Слезы засіяли въ очахъ выстроившихся ротъ.

Армія вышла изъ кольца и была спасена, когда достигла станицъ Ильинской и Успенской. Ген. Деникинъ стануль во главѣ ея. Къ большому горю арміи „шпага Корнилова и Деникина“ — ген. Марковъ былъ вскорѣ убитъ. Это случилось въ бою при станціи Шабліевкѣ. Марковъ былъ убитъ также, какъ и Корниловъ, гранатой уже при концѣ боя. Сознаніе онъ сохранилъ до послѣдняго дыханія и все время говорилъ о Россіи. На заупокойной по немъ панихидѣ церковь была биткомъ наполненна и непрерывный рядъ отдающихъ честь покойному, начиная ген. Деникинымъ, цѣловаль чело неутомимаго борца за „Русь святую“.

Ой, матушка! гдѣ ты?
А ты бы насъ похолила,
Пока не оперились мы.
Какъ крылья отростимъ,
Въ долины, въ роща тихія
Мы сами улетимъ.

Н. А. Некрасовъ.

VII. Ген. Деникинъ.

Новый вождь Добровольческой арміи очутился въ такомъ же положеніи, какъ былъ раньше ген. Корниловъ. Онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ большевиками. Только Корниловъ, шедшій на выручку Донцамъ, былъ встрѣчаемъ равнодушно, а возвращающійся Деникинъ — восторженно. Несмотря на то Добровольцы должны были пробиваться впередъ посредствомъ ожесточенныхъ боевъ у Горной Балки, села Лежанки и Лопанки, и какъ разъ на Пасху 1918 года пришли съ Деникинымъ въ станицу Егорлыцкую. Старики вернулись изъ степи. Козачки нарядились въ стройныя одежды. Пройдя Егорлыцкую Деникинъ остановился въ Мечетинской, кругомъ которой пришлось ему вести бои у Маныча, Выслокъ и Кагальницкой, гдѣ въ бою съ отрядомъ анархистки Маруси Никифоровой былъ раненъ пишущій настоящія строки.

Въ Мечетинской Добровольческая армія отдыхала и пополняла свои пробѣлы. Тамъ присоединился къ ней пришедшій изъ Румыніи полковникъ Дроздовскій, въ отрядѣ которого нашлось тоже около десятка добровольцевъ-галичанъ, гимназистовъ изъ Бердянска.

Карпаторусскій отрядъ сталъ приводить себя въ порядокъ. Находясь вблизи Ростова, онъ получилъ нѣкоторое пополненіе. Раненные оправились. Число отряда возросло до 100 человекъ. Между новоприбывшими были: судья Исидоръ Худко; офицеры австрійской арміи студенты: Александръ Брояковскій, Владимиръ Застырецъ, Дмитрій Семанюкъ, Н. Дмитровскій; гимна-

зисты: Коцко, Литвиновичъ, Курдыдикъ; крестьяне: Креховецъ, Юрковскій, Куртякъ, Куликъ, Цесликъ и другіе. Какъ сестра милосердія явилась студ. Александра Воловчукъ. За боевыя отличія 16 человекъ галичанъ, вольноопредѣляющихся 1-го разряда, были произведены въ первый офицерскій чинъ. Такимъ образомъ отрядъ окрѣпъ.

Крупный, успѣшный бой у села Гуляй-Борисовки закрѣпилъ Донскую область за Добровольческой арміей. Въ бою участвовалъ нашъ отрядъ. Молодые офицеры, иногда безъ необходимости, щеголяли своей бравурой. Какая то неудержимая сила толкала каждого въ самую гущу боя. Необъяснимое веселье охватило цѣпь, не смотря на то, что тутъ же рвались гранаты и шрапнели. Мнѣ стоило большого труда, чтобы подчинить цѣпь необходимому въ бою спокойствію.

Послѣ этого памятнаго дня послѣдовалъ рядъ кровопролитныхъ боевъ у Лопанки, Песчанокопскаго, Бѣлой Глины, Медвѣжья въ Ставропольской губерніи, у станицъ Терновской, Кавказкой, Гулькевичъ, города Армавира, нижняго Егорлыка, Татарки, города Ставрополя и на горѣ Недреманной. Всюду большевики были сбиты. Добровольческая армія разправляла свои крылья. Когда Донъ и Кубань были очищены отъ большевиковъ, умеръ вдохновитель ген. Алексѣевъ. Также умеръ отъ ранъ полк. Дроздовскій.

Нашъ отрядъ несъ довольно значительныя жертвы, которыя убѣдительно говорятъ за то, что галичане не щадили себя. Въ бояхъ пали: прапорщики: Долгій-студентъ, Загайко, Лопусскій и Альтштадтъ гимназисты; солдаты: Кравецъ, Золотунъ, Курдыдикъ, Тимковъ, Волкунъ и много другихъ. Раненія получили: прапорщики Семанюкъ, Ковалишинъ, Воловчукъ, Бойко, Моцко, Демко и Коверданъ; солдаты: Коцко, Оленюкъ, Литвиновичъ, Оренчукъ, Цѣсликъ и прочіе.

Вокругъ Ставрополя разыгрались жестокіе бои и нашему Отряду пришлось вынести ужасныя лишенія. Непредвидѣнныя переброски съ одного конца на другой, переходы, весьма холодный вѣтеръ и появившаяся болѣзнь, зовимая испанкой, вырывали изъ строя какъ рядовыхъ такъ и офицеровъ. Въ бояхъ у Малой и Большой Джалги, Пелагіады, станицъ Барсуковской и Невиномысской положили свои головы прапорщикъ Александръ Пелехъ, очень дѣятельный студентъ и солдаты Юрковскій, Никита Пыжъ, а Сливчукъ и Куртякъ были тяжело ранены. Прапорщикъ Демковъ заболѣвъ испанкой, умеръ въ Ставрополѣ. По случаю болѣзни мнѣ пришлось уйти изъ отряда, которымъ временно сталъ командовать пор. Матоглина, будучи подъ руководствомъ генераль-маіора Ушака.

Деникинъ шелъ успѣшно впередъ. Донская, Кубанская и Терская области и вся Ставропольская губернія были осво-

бождены. Добровольческая армія вошла въ Малороссію, быстро продвигаясь на западъ и сѣверъ. Восточнымъ фронтомъ командовали два выдающіеся генерала: ген. Врангель и ген. Покровскій, наступавшіе на Царицынъ и Волгу.

Ужъ стоимъ мы головою
за Родину свою.

Бородино. *Лермонтовъ.*

VIII. Славянскій стрѣлковый полкъ.

Карпаторусскій отрядъ, отдохнувъ въ Новороссійскѣ, переѣхалъ въ Таганрогъ а затѣмъ въ Волноваху. Въ то время имъ командовалъ штабсъ-капитанъ Піаццо, а потомъ подпоручикъ Александръ Емиліановичъ Брояковскій. Сразу пришлось ему вступить въ бои, завязавшіеся вокругъ Волновахи, Еленовки, Валеріановки, Благодатнаго и города Мариуполя, который въ скоромъ времени большевики отрѣзали отъ Донской области. Желѣзнодорожныя станціи Волноваха, Великоподолье, Кальчикъ были ими заняты. Въ городѣ осталось незначительное число Добровольцевъ. Чехи ушли въ пристань къ появившимся здѣсь французамъ. Галичане остались вѣрными ген. Деникину.

Только теперь, по приказу ген. Ельчанинова, Карпаторусскій отрядъ былъ переименованъ въ отдѣльный Карпаторусскій баталіонъ, которымъ сталъ командовать капитанъ Усковъ.

Находящійся въ осадѣ городъ защищался всѣми силами, надѣясь на помощь отъ Ростова. Она не приходила и Добровольцы, бросивъ въ море бронированные паровозы и много оружія, на параходахъ отплыли по направленію Керчи.

Карпаторусскій баталіонъ и здѣсь понесъ большія жертвы. Приватъ-доцента московскаго университета прапорщика Александра Мусселиуса, большевики посѣкли саблями. Старшій унтеръ-офицеръ Патроникъ, студентъ, получивъ тяжелое раненіе въ голову, умеръ въ больницѣ; младшій унтеръ-офицеръ Цесликъ былъ взятъ въ плѣнъ и убитъ, а старшаго унтеръ-офицера Креховца раздавилъ поѣздъ. Вслѣдствіе ранъ изъ строя выбыли прапорщики Бродскій и Фитіо и вольноопредѣляющіеся Гренякъ и Кузьмичъ, оба гимназиста. Прапорщикъ Застырецъ умеръ отъ тифа.

Карпаторусскій баталіонъ переѣхалъ въ Таганрогъ, гдѣ замѣнившій кап. Ускова полковникъ Писаренко изъ-за своего безнравственнаго поведенія по предложенію предсѣдателя Галичанъ былъ устраненъ отъ командованія баталіономъ и замѣненъ генеральнаго штаба генераль-маіоромъ Павломъ Кузьмичемъ

Вицентьевымъ, которому въ помощники былъ назначенъ полковникъ Ярошевскій. Баталіонъ развернулся въ полкъ, получившій согласіе на наименованіе его „Карпаторусскимъ“. Не малое было его удивленіе и недовольство, когда показалось, что въ штабѣ придумали ему странное названіе: „Славянскій полкъ“. Галичане запротестовали противъ такого наименованія, однако протестъ ихъ остался безъ послѣдствій по какимъ-то „вышшимъ“ соображеніямъ. За то Деникинъ принялъ безъ оговорки всѣ предложенныя ему предсѣдателемъ Галицко-русскаго Комитета Г. С. Мальцемъ требованія въ другихъ областяхъ и отдалъ по этому случаю надлежащія приказанія министру иностранныхъ дѣлъ Сазонову и военному министру генералу Вязьминитову.

Между тѣмъ Добровольческая армія взяла Кіевъ, Полтаву, Харьковъ и Царицынъ. Возможность соединенія съ адмираломъ Колчакомъ была неисключена. По крайней мѣрѣ тогда всѣ вѣрили въ это.

Добровольцы взяли даже Проскуровъ. Галицкая Русь сдѣлалась ихней сосѣдей. Какія надежды, какіе порывы обуяли Славянскій стрѣлковый Полкъ! Въ его ряды явились присяжный повѣренный д-ръ Юліанъ Сьокало, инженеръ Андрей Кметъ, студенты: Юліанъ Еднакій, Борсукъ, Гайдучокъ, Баранъ, М. Бачинскій, Б. И. Давидовичъ и другіе. Въ полку закипѣла работа: изучались пулеметы, шли упражненія и приготавливалось все нужное для похода.

Славянскій полкъ ушелъ изъ Таганрога 9-го августа 1919 г. и быстро понесся по равнинѣ. Неописуемое веселье царило въ поѣздѣ. Добровольцы играли на инструментахъ пѣли пѣсни, плясали, веселились и радовались, ибо осуществлялась завѣтная ихъ мечта!

На нѣкоторое время полкъ остановился въ гор. Александровскѣ надъ Днѣпромъ, гдѣ пополнился русскими и галичанами, прибывшими изъ Кіева и Галичины. Между прочемъ пришли сюда студенты: Пашкевичъ, Мельникъ, Мельникъ 2-й, Матіашъ, Проскурницкій, Крушельницкій, Крышталъ, Долгій, Иваськовъ, Герасимчукъ, преподаватель гимназіи Галиковскій и о. Лука Ольховый, который былъ назначенъ полковымъ священникомъ.

Славянскій стрѣлковый полкъ насчитывалъ тогда около 2.000 человекъ съ нестроевой ротой. Принято мѣры для того, чтобы его развернуть въ бригаду, при чемъ второй полкъ непременно долженъ былъ получить названіе Карпаторусскаго Полка. Выслано тоже нѣсколько человекъ въ украинскую армію, чтобы оттуда изъять русскихъ галичанъ.

Василій Романович ВАВРИКЪ*)

*) Авторъ настоящаго Очерка, изображеніе котораго Редакція помѣщаетъ отъ себя. ДИК.

А у нашей деревушки
нова новина.

Народная пѣсня.

ІХ. Гибель Славянскаго полка.

Когда ген. Вицентьевъ приготовилъ все необходимое для передвиженія полка въ Елизаветградъ и поэтому случаю давалъ прощальный вечеръ русскому обществу Александровска за его сердечныя симпатіи къ чинамъ полка, 17-го августа имъ была получена телеграмма о появленіи Махно. Это извѣстіе было прнято среди веселыхъ возгласовъ. Въ залѣ бала раздалось стройное и торжественное пѣніе: „Пора за Русь святую“. Русскіе, впервые слышавшіе нашъ гимнъ, сдѣлали восторженную овацію нашимъ офицерамъ. Въ 5. ч. утра баталіоны пошли по улицамъ Александровска, напѣвая пѣсеньку но не зная, что ждетъ ихъ впереди.

А ждала ихъ ужасная участь: У Кичкаскаго моста и возлѣ станціи Мировой произошло сраженіе съ Махновцами, въ которомъ Славянскій полкъ былъ разбитъ въ пухъ и прахъ. На 1.200 штыковъ нагрянуло неменѣе 20.000 Махновцевъ. На полѣ сраженія были изрублены: помощникъ командира полка полковникъ Ярошевскій, командиры 4-хъ баталіоновъ полковники: Алексѣевъ, Жолтеръ, Медвѣдевъ и Поротовъ, командиры ротъ штабсъ-капитаны Піяццо, Еждикъ и Юхтъ. Такая же судьба постигла многихъ галичанъ, изъ которыхъ непогребленными остались надъ Днѣпромъ поручики Вас. Вен. Бойко, Якимецъ, Юшакъ и Фитію; вольноопредѣляющіеся Цымбалистый, Пашкевичъ, Мельникъ, Матіашъ, Проскурницкій, Крышталъ, Крушельницкій, Иваськовъ и много другихъ. Избитый врачъ Евгений Мельникъ умеръ отъ ранъ. „Славянскій Полкъ“ почти цѣликомъ былъ взятъ въ плѣнъ. Подпоручику Еднакому удалось бѣжать изъ плѣна; прапорщикъ Кметъ пропалъ безъ вѣсти.

Махновцы прижали остатки полка къ Днѣпру. Ген. Вицентьевъ съ женой спасся на лодкѣ. Солдаты бросались въ Днѣпръ, но не каждому изъ нихъ было суждено увидѣть другой берегъ. Махно вошелъ въ Александровскъ и цѣлый мѣсяцъ дѣлалъ жестокія расправы съ бѣлыми.

Всѣ тучки, тучки повисели,
а съ поля палъ туманъ.

Народная пѣсня.

Х. Гибель Добровольческой арміи.

Ген. Деникинъ взялъ еще Орелъ, послѣдній этапъ къ Москвѣ, однако его орлы-добровольцы послѣ того опустили свои крылья. Не суждено имъ было достать „Бѣлокаменную“, какъ Карпато-

россамъ престольный городъ Льва и Осьмомысла, подпиравшаго своими желѣзными полками Карпатскія горы.

Здѣсь я долженъ сказать, что не бои сломими армію Деникина. Весьма много было причинъ ея гибели, но главнѣйшія, помоему, слѣдующія: Ген. Деникинъ шелъ на Москву слишкомъ рано, ибо въ русскихъ умахъ былъ еще хаосъ, неясность, сбивчивость. Русское общество въ тылу не представляло изъ себя ничего отраднаго. Большевизмъ не отжилъ, онъ былъ въ самомъ разгарѣ. Общество интеллигентовъ тормозило дѣло освобожденія. Еще большевики не были совсѣмъ выбиты изъ Кубанской области, какъ „самостійники“ пошли походомъ противъ Добровольческой арміи. Въ тылу разжигались страсти всякаго рода партіями, вслѣдствіе чего паденіе было неизбѣжное. Въ тылу не было на что-либо опереться. Русская интеллигенція упоивалась утопіями, которыя она лелѣяла цѣлое столѣтіе въ своей душѣ. Ей было стыдно и невозможно отказаться отъ нихъ. Армія возстанавливала Россію, а тылъ разрушалъ ее безъ пощады и зазрѣнія совѣсти. Къ партійнымъ раздорамъ присовокупились: жажда легкой наживы, спекуляція, хищеніе общественной имуществы, грабежъ, болѣзнь и постоянно возрастающая дороговизна, влекущая за собою голодъ. Хазяйничаніе, которое мнѣ приходилось видѣть въ разныхъ учрежденіяхъ, лазаретахъ, питательныхъ пунктахъ и присутственных мѣстахъ, производило на меня впечатлѣніе, что честныхъ людей съ фонаремъ искать на Руси въ бѣлый день. Нѣсомнѣнно они были, но видя безобразіе, они ушли, и Деникинъ не могъ подобрать себѣ подходящихъ помощниковъ.

Когда Деникинъ взялъ Орель, Кубанская Рада рѣшила отозвать пластуновъ будто для защиты Кубани. Появленіе Махно въ тылу разстроило планы дальнѣйшей борьбы. Кромѣ того въ самой арміи нашлось множество не-добровольцевъ, т. е. такихъ, которые вовсе не думали о благѣ русскаго народа. Частыя пьянства и буйства подрывали престижъ власти. Вдобавокъ армія была неодѣта и необута, когда съ сѣвера подуло сильнымъ холодомъ.

Много говорилось, что Деникинъ медлилъ съ земельной реформой, но это обвиненіе безпочвенное. Деникинъ передалъ земельный вопросъ въ руки проф. Билимовича, сторонника Столыпинской реформы. Къ этому запуганному вопросу Деникинъ подходилъ весьма осторожно и окончательно съ взятіемъ Москвы рѣшилъ бы его въ пользу крестьянъ.

Отвѣтственность за отступленіе не можетъ пасть на одного Деникина; два его поступка краснорѣчиво говорятъ за то, что онъ благо отечества ставилъ выше своихъ личныхъ интересовъ, именно: Во-первыхъ онъ передалъ всю власть въ руки адмирала Колчака, а во-вторыхъ назначилъ своимъ преемникомъ ген. Врангеля, когда увидилъ, что командиры полковъ скло-

няются болѣе на сторону послѣдняго. Какъ человѣкъ чести, горячій патріотъ онъ счелъ нужнымъ уйти съ занимаемаго имъ поста главнокомандующаго.

Въ партійныхъ спорахъ онъ всегда былъ великодушенъ. Донцамъ онъ сказалъ: „Насъ разсудитъ Богъ и исторія“. Призывъ: „Единая и недѣлимая Русь“ онъ проводилъ на дѣлѣ честно, смѣло и непоколебимо. Въ Карпаторусскомъ дѣлѣ онъ проявлялъ всегда самое горячее желаніе помочь ему. Соединеніе съ Петлюрой онъ считалъ недопустимымъ и позорнымъ. Нужно сказать правду, что причиной гибели Добровольческой арміи было русское общество интеллигентовъ своей недалёковидностью, безпросвѣтной безъидеальностью и анархистскими стремленіями. Не будь этого, имя Деникина было бы записано на страницахъ русской исторіи золотыми буквами.

Пора гремѣтъ могучимъ хоромъ:
на Руси русская земля.

Галицко-русскій гимнъ.

ХІ. Ген. Врангель.

Большевики закупорили остатки Добровольческой арміи въ Крыму. Ген. Врангель принялся за ея переформированіе. По гражданской части онъ подготовлялъ земельную реформу. Кто знаетъ, что случилось бы съ Россіей, если бы Поляки не заключили перемирія съ большевиками. Русскій народъ въ своей массѣ понималъ, что такое большевизмъ. Онъ былъ задѣтъ за живое и населеніе, которое нападало на отступающихъ Деникинцевъ, добровольно шло въ ряды Врангельцевъ. Оно перестало смотрѣть на большевиковъ, какъ на власть русскую. Большевиковъ спасли, повторяю, Поляки, заключившіе съ большевиками перемиріе, послѣ чего у большевиковъ развязались руки для борьбы съ Врангелемъ.

Борьба Врангеля была лишь эпилогомъ грандіозной Деникинской борьбы съ большевиками. Ни въ коемъ случаѣ она не могла прекратиться съ уходомъ Деникина, ибо чѣмъ дальше на югъ отступала Добровольческая армія, тѣмъ ярче обнаруживался у нея патріотизмъ. Инстинктивно всѣ оглядывались вокругъ себя и искали такого человѣка, который, одинъ сильною рукою, подчинилъ бы себѣ солдатскія массы. Этимъ самымъ объясняется фактъ, выдвинувшій Слащова въ Крымскаго героя, не допускавшаго сужденій и колебаній.

Такъ какъ ген. Врангель отличался очень сильной энергіей и волей, онъ былъ избранъ офицерскимъ корпусомъ на постъ главнокомандующаго. Періодъ его борьбы былъ рядомъ отчаянныхъ и сверхъ-человѣческихъ усилій на фронтѣ и въ тылу,

засвѣдѣтельствовавшихъ не только желаніе, но и святѣйшій порывъ жертвы во имя свободы Россіи. Боями впервые запечатлѣнъ русскій обликъ, который потерялъ свои черты въ революціи. Впервые поняли русскіе люди, что такое русская земля и зачѣмъ она имъ дана предками. По моему „бѣлое“ движеніе имѣетъ глубокій смыслъ въ возрожденіи Россіи, какъ бы о немъ теперь ни говорили.

А на той калинѣ
пташечка сидѣла,
и напѣвала
жалобную пѣсню.

Народная пѣсня.

ХІІ. Чаша страданій выпита до дна.

Славянскій стрѣлковый полкъ былъ въ Крыму расформированъ. Ген. Вицентьевъ умеръ отъ сыпнаго тифа. Оставшимися и новоприбывшими изъ Чехіи и Италіи галичанами сталъ командовать полковникъ Марковичъ. Въ это время они могли уѣхать изъ Крыма, однако долгъ передъ Родиной велѣлъ имъ притти къ другимъ выводамъ: уѣзжать изъ Россіи, пока продолжается борьба съ большевиками, нельзя. Думалось, что переворотъ наступитъ непременно, отрезвленіе охватитъ народныя массы, раньше или позже водворится порядокъ въ великой странѣ — Россія станетъ опять могучимъ въ Европѣ факторомъ. Прикарпатская Русь воспрянетъ вмѣстѣ съ ней.

Оправивившійся послѣ тяжелой болѣзни Григорій Семеновичъ Малецъ созвалъ на совѣщаніе комитетъ. Рѣшено оставаться при Врангелѣ. Малецъ, Бачинскій и Гнатикъ отправились къ нему съ докладомъ въ Севастополь. Нужно съ удареніемъ подчеркнуть, что ген. Врангель не разбирался въ Карпаторусскихъ дѣлахъ такъ, какъ его предшественникъ. Онъ смотрѣлъ на Карпатороссовъ сквозь очки всего русскаго общества, не имѣющаго точнаго понятія, что такое есть Прикарпатская Русь. Онъ зналъ, что у Карпатъ живутъ какіе-то славяне, но кто они, это былъ для Врангеля темный лѣсъ. Въ штабѣ все таки были люди, которые знали Карпатскую Русь. Таковыми были министръ П. Б. Струве, ген. Вязьмитиновъ и мин. Кривошеинъ. Ген. Врангель обѣщалъ поддержку. Галичане были переведены въ Сводно-стрѣлковый полкъ и образовали 2-ой Карпаторусскій отдѣльный баталіонъ, командиромъ котораго былъ назначенъ поручикъ и скоро затѣмъ штабсъ-капитанъ Владиміръ Гнатикъ.

Баталіонъ переѣхалъ изъ Феодосіи по Арбатской Стрѣлкѣ на позиціи противъ города Геническа, гдѣ пополнился прибывшими изъ Новороссійска студентами-галичанами. Между прочими сюда пришли: Яблонскій, Богонось, Оленичъ, Гресюкъ,

Войцѣховскій, гимназ. А. Кобылецкій и другіе. Скоро, послѣ расформированія Сводно-стрѣлковаго полка, Карпаторусскій баталіонъ былъ влитъ въ 49-й Брестскій полкъ, входившій въ 13-ю дивизію 2-го корпуса. Здѣсь однако баталіонъ былъ сведенъ въ 4-ю Карпаторусскую роту съ тѣмъ же командиромъ Гнатикомъ и начальникомъ пулеметной команды поручикомъ Львомъ Пелехомъ.

20 го мая 1920 г. Феодосія наполнилась всѣхъ родовъ войсками. Раннимъ утромъ, едва взошло солнце, въ гавани передъ пароходами, нагруженными солдатами, явился генераль Врангель. Грянулъ оркестръ, грянуло ура и 42 парохода выплыли на Черное море. Уѣхали и Галичане.

Дессантъ былъ весьма удаченъ, не смотря на то, что войска бросались въ море и приплывали къ берегу. Кирилловка была взята безъ боя, но уже въ сосѣднихъ деревняхъ завязались сильные бои, результатомъ которыхъ было взятіе Давыдовки, города Мелитополя, Константиновки, Мордвиновки, станціи Федоровки. Эти успѣхи опять подняли духъ арміи. Передъ Врангельцами роскинулась роскошная, широкая, малорусская степь. Ихъ обласкала очаровательная южная весна. На этой роскошной степи и въ такую очаровательную весну происходили бои каждый день и каждую ночь, бои до сихъ поръ небывалые съ большевиками, которые подъ руководствомъ опытныхъ генераловъ и офицеровъ императорской арміи приобрѣли воинскій видъ, дисциплину и необходимыя на войнѣ приемы.

Походы и бои продолжались. Карпаторусская рота шла впереди Брестскаго полка, командуемаго полковникомъ Хаджи. Подъ Кизиаркой развѣдчики-галичане отбили у латышскаго большевическаго полка знамя. Въ бою подъ Лѣснымъ, называемымъ нѣмецкими колонистами Вальдгеймомъ, они взяли въ плѣнъ взводъ большевиковъ. Кромѣ этого принимали участіе при взятіи города Большого Токмака.

Въ бою подъ Вернерсдорфомъ, на рѣчкѣ Токмачкѣ, авторъ настоящей статьи былъ раненъ и ушелъ изъ строя разъ навсегда, потому что вскорѣ былъ назначенъ въ распоряженіе генераль-квартирмейстера при главнокомандующемъ въ помощь Г. С. Мальцу. Дальнѣйшая судьба Карпаторусской роты въ точности мнѣ неизвѣстна. Знаю только, что она продолжала сражаться и принимала участіе при разгромѣ огромныхъ силъ Жлобы корпусомъ ген. Кутепова. Затѣмъ она перешла было на Днѣпръ на Каховскую переправу, оказавшейся ловушкой и гибелю Врангелевскаго наступленія. Когда войска ген. Врангеля уже взяли городъ Александровскъ и станцію Синельниково, то Каховская переправа, почти у самаго Перекопа, была въ большевическихъ рукахъ. Слѣдовательно тылъ арміи былъ постоянно угроженъ и наконецъ, когда большевики, заключивъ перемиріе съ Поляками, стянули всѣ свои силы, тогда отрѣзали

ген. Кутепова отъ Крыма именно отъ Каховки. Можно себѣ представить напряженіе большевиковъ съ одной стороны, чтобы уничтожить прогивника, и стремленіе ген. Кутепова съ другой, чтобы пробиться въ Крымъ.

Войска ген. Кутепова, быть можетъ, были бы погибли, если бы не пришли имъ на выручку крестьяне. Они помогли также ген. Врангелю вывести съ честью полки изъ Крыма на далекую чужбину.

Въ бояхъ при ген. Врангелѣ Карпаторусская рота оставила на степяхъ Малороссіи нѣсколько офицеровъ и солдатъ. Подъ Кизіаркою у Мелитополя былъ убитъ подпоручикъ Галиковский, подъ Каховкой погибли поручики Сойка, Процыкъ, Кмицикевичъ, Бокало. Почти каждый офицеръ былъ раненъ: Гнатикъ, Бачинскій, Бродскій, Яблонскій, Долгій, Пелехъ, Стефчакъ, Юшакъ, Брояковский, Богонось. Поручикъ Сьокало былъ взятъ въ плѣнъ во время налета большевиковъ на село Чаплинку и спасся такимъ образомъ, что прятался у одного крестьянина въ сѣнѣ, пока опять не явились войска Кутепова. Штабсъ-капитанъ Моцко, оставшійся въ Крыму, былъ зарубленъ большевиками въ Симферополѣ. Неизвѣстно, что случилось съ оставшимися у большевиковъ Гаевишинымъ и Гнѣздуромъ.

Вотъ таковъ краткій очеркъ военныхъ дѣйствій Карпатороссовъ въ составѣ Добровольческой арміи, сражавшейся за лучшее будущее русскаго народа, а тѣмъ самымъ и за нашу тѣснѣйшую Родину — Карпатскую Русь.

Нѣсколько словъ въ заключеніе.

Работа галицко-русскихъ студентовъ и гимназистовъ не ограничивалась однѣми военными дѣйствіями. Послѣ прекратившейся — вслѣдствіе революціи — дѣятельности „Совѣта Прикарпатской Руси“ въ Ростовѣ н/Д., галицко-русскій Отрядъ защищалъ дѣла Карпатской Руси посредствомъ своего представителя, какимъ былъ Г. С. Малець.

Очень жаль что у меня нѣтъ протоколовъ Комитета по организаціи Карпаторусскаго Отряда; изъ нихъ можно бы убѣдиться, какъ неусыпно и съ какимъ самопожертвованіемъ работалъ Григорій Семеновичъ Малець. Не имѣя абсолютно никакихъ средствъ, онъ три года бился съ трудностями въ штабѣ и въ разныхъ вѣдомствахъ, чтобы проводить успѣшно Организацію. Цѣлыми днями ему приходилось выстаивать по разнымъ вѣдомствамъ и канцеляріямъ. Записки, меморандумы, карты, широкое устное ознакомленіе дѣлались имъ съ большой аккуратностью и прилежностью. Кромѣ всего этого онъ все время, когда былъ въ отрядѣ, бралъ оружіе и шелъ въ мѣстѣ съ другими въ бой.

Добровольцы Карпаторусскаго Отряда шли къ генералу Корнилову, Деникину, Врангелю и отдавали свою жизнь не по личнымъ соображеніямъ а во имя той идеи, которая столько проповѣдывалась и лелѣялась среди галицко-русскаго народа и за которую столько лучшихъ сыновъ нашей тѣснѣйшей Родины томилось и страдало по тюрьмамъ и Талергофамъ. Вѣдь лучше было бы сидѣть имъ въ городѣ, чѣмъ погибать отъ ранъ, дѣлать походы, переправы, дозоры, строить ночами мосты и дороги, выносить холодъ, дождь, грязь, воду, морозъ, снѣгъ, невыспанные ночи, насѣкомыя и всѣ тяжести войны.

На знамени Отряда было написано: Освобожденіе Родины и единство русскаго народа. Онъ боролся за величіе русскаго народа, за тысячелѣтнюю его исторію, вѣру и культуру. Каждый доброволецъ-галичанинъ старался не запятнать грязью своего имени, каждый былъ преданъ чести, долгу, былъ въ самомъ дѣлѣ рыцаремъ въ бояхъ, а въ тылу защитникомъ русскаго имени, достоинства и порядка. Каждый несъ отъ Кавказа по Днѣпръ рассказы о своей несчастной Родинѣ. Поэтому нравственною обязанностью cadaго русскаго галичанина должна быть память о погибшихъ на поляхъ сраженій.

Для нѣкотораго изображенія того, чѣмъ были и что представляли изъ себя Карпаторусскіе Добровольцы пусть послушать нижеслѣдующее письмо Начальника Арбатскаго Отряда отъ 8-го мая 1920 года, за № 682, урочище Счастливцево, ген.-маіора Гравинскаго, данное на имя командира Карпаторусскаго баталіона, В. Г. Гнатика:

„Ввѣренный Вамъ баталіонъ, будучи влитъ въ Сводно-Стрѣлковый полкъ, раздѣлилъ съ нимъ всю тяжесть обороны Генической позиціи, являя собою примѣръ доблести, мужества и стойкости. Внутренняя спайка между офицерами и стрѣлками, дисциплина, безукоризненно-добросовѣстное отношеніе къ дѣлу, подтянутость, — вотъ что сразу обратило мое вниманіе и заставило меня сохранить баталіонъ отдѣльнымъ, не нарушая сложившагося въ немъ внутренняго порядка.

Правильное пониманіе баталіономъ національнаго единства и общности съ нашей Родиной, неразъ съ гордостью высказываемыя Вашими чинами слова, что „мы такіе-же русскіе, какъ и вы“, что „у насъ одна Родина Россія“, доставляли глубокое нравственное удовлетвореніе и вселяли вѣру, что въ борьбѣ за справедливость и Славянскую культуру шовинизмъ родныхъ сыновъ одной матери исчезнетъ и Россія найдетъ своихъ потрясанныхъ когда-то, но дорогихъ ей дѣтей.

Мое горячее „Спасибо“ за доблестную, безукоризненную службу Карпаторусскому баталіону“.

Въ послѣдствіи съ Карпаторусскимъ Отрядомъ и его идеологіей познакомились болѣе широкіе круги; въ него, кромѣ галичанъ, угророссовъ и буковинцевъ, охотно поступали уроженцы Россіи какъ Юга и Сѣвера такъ и Бѣлороссіи, между ними студенты Московскаго университета: Яковлевъ, Б. Ивановъ, Зворыкинъ, С. Альтштадтъ, приватъ доцентъ А. Муселиусъ, поручикъ І. Бродскій, крестьяне Извошиковъ, Калмыковъ и др.

Осенью 1919 года прибыло въ отрядъ около десятка галичанъ изъ военноплѣнныхъ въ Италіи, которымъ удалось исключительнымъ образомъ освободиться изъ плѣна. Предпринимавшіяся отрядомъ усилія, чтобы среди многочисленныхъ плѣнныхъ Карпатороссовъ въ Италіи произвести широкую вербовку добровольцевъ не имѣли успѣха вслѣдствіе разныхъ постороннихъ причинъ и соображеній.

Въ концѣ 1919 года прибылъ изъ Чехо-Словакии въ Одессу а затѣмъ въ Крымъ „Русскій добровольческій отрядъ“, въ составѣ котораго находилось около 20 офицеровъ и 70 рядовыхъ добровольцевъ галичанъ и угророссовъ. Отрядъ этотъ дѣйствовалъ отдѣльно и самостоятельно отъ Карпаторусскаго отряда. Карпатороссы поступали добровольцами также и въ другія части вооруженныхъ силъ Югороссіи даже въ казачія части.

Обстоятельнѣе и обширнѣе о дѣйствіяхъ Корнилова написалъ Борисъ Суворинъ: „Ледяной походъ“. Очень цѣннымъ историческимъ матеріаломъ является книга генерала Деникина: „Очерки русской смуты“. Объ организаціи Карпаторусскихъ отрядовъ въ Сибири написалъ очеркъ В. А. Саврукъ: „Карпаторуссы въ Сибири“, появившійся 1922 г. въ Календарѣ Американской газеты „Правда“. Тамъ-же помѣстилъ нѣсколько статей о Карпаторусскомъ отрядѣ въ Италіи С. С. Пыжъ. Отсутствуютъ цѣликомъ данныя о Карпаторусской ротѣ въ Чехіи и свѣдѣнія о тѣхъ, которые принимали участіе въ бояхъ въ украинской арміи.

Карпаторусскіе богатыри.

Ген. Павелъ Кузьмичъ
ВИЦЕНТЬЕВЪ,
ком. Слав. стр. полка, умеръ
отъ тифа.

Капитанъ Г. С. МАЛЕЦЪ,
организаторъ
Карпаторусскаго отряда.

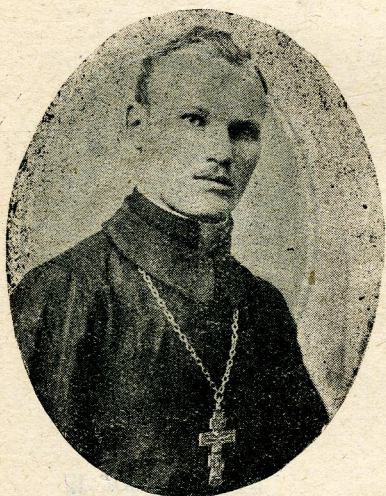

Поручикъ В. Ю. СОЙКА,
убитъ въ бою подъ
Каховкою.

Подпоручикъ
О. В. ГАЛИКОВСКІЙ,
преподаватель гимназій.
Убитъ въ бою подъ
Кизіяркою.

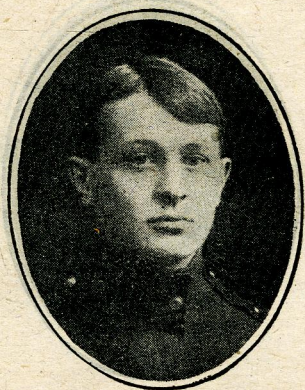
Карпаторусскіе богатыри.

Полковой священникъ о. Лука
ОЛЬХОВЫЙ,
(уроженецъ Прикарпат. Руси).

Поручикъ
Ю. И. СЬОКАЛО,
докторъ правъ.

Подпоручикъ
В. В. ОХНИЧЪ,
раненъ въ бою на Кубани.

Подпоручикъ
В. М. КОЛОДЪЙ,
раненъ два раза.

Карпаторусскіе богатыри.

Капитанъ В. Р. ВАВРИКЪ,
раненъ два раза.

Подпоручикъ
В. И. ВОЛИЦКІЙ.

Подпоручикъ
М. М. БАЧИНСКІЙ,
раненъ два раза.

Подпоручикъ
И. С. МАЦЕЛЮКЪ,
раненъ два раза.

Капнаторусскіе богатыри.

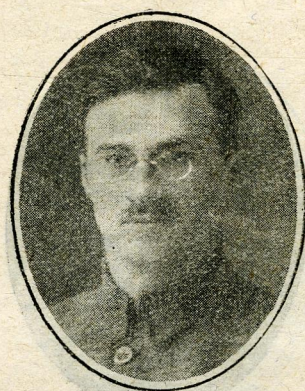
Подпоручикъ
Д. ЯВЛОНСКІЙ,
раненъ въ бою подъ
Каховкою.

Поручикъ Л. Е. ПЕЛЕХЪ,
начальникъ пулеметной ко-
манды. Раненъ въ бою подъ
Каховкою.

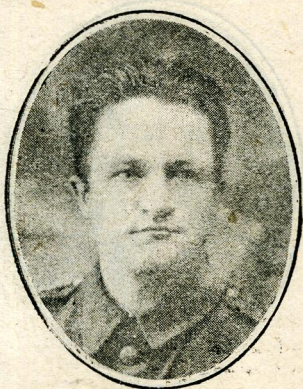

Подпоручикъ
Н. Д. УБОГІЙ,
раненъ въ бою подъ
Каховкою.

Подпоручикъ
Д. О. СЕМАНЮКЪ,
раненъ въ бою подъ Бѣлою
Глиною.

Карпаторусскіе богатыри.

Подпоручикъ
О. И. УРБАНЪ.

Поручикъ
І. А. БРОДСКІЙ,
раненъ два раза.

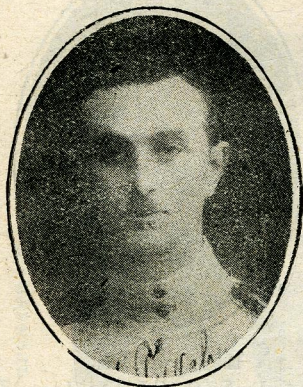

Подпоручикъ
Б. Н. ЯЦЕВЪ,
ротный командиръ. Раненъ
у стан. Филипповской.

Вольноопредѣляющійся
В. В. ТРУШЪ.

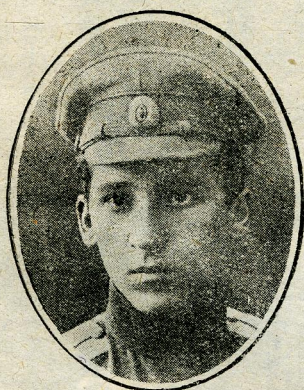
Карпаторусскіе богатыри.

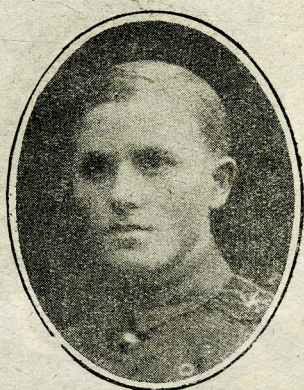
Подпоручикъ
А. В. ГУКЕВИЧЪ.

Подпоручикъ
И. ТИВЗДУРЪ,
раненъ подъ Кахавкою.

Подпоручикъ
В. Д. КОВЕРДАНЪ,
раненъ на Кубани.

Подпоручикъ
С. Я. ХУДОБА.

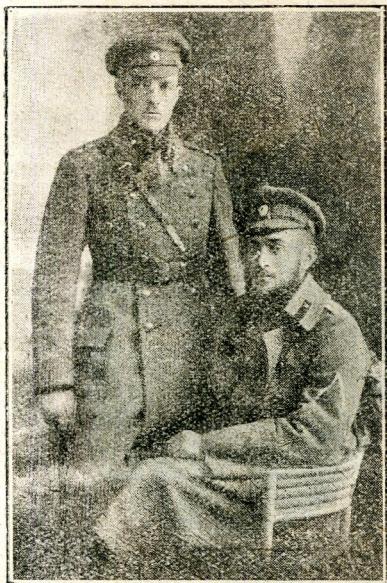
Карпаторусскіе богатыри.

Шт. капитанъ
В. Г. ГНАТИКЪ,
команд. Карпаторус. батал.
Раненъ два раза.

Подпоручикъ
Г. О. СТЕФЧАКЪ,
раненъ подъ Каховкою.

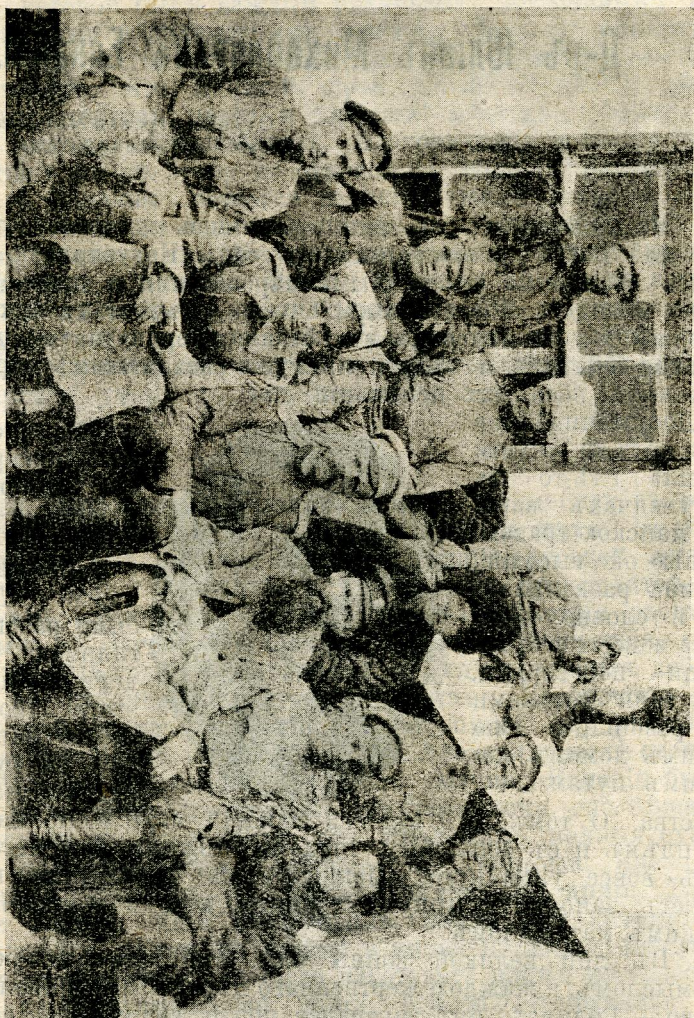
Подпоручикъ И. С. ХОТИНЕЦКІЙ
и прапорщикъ Ю. А. ДУРКОТЪ.

Подпоручики В. ИВАНОВЪ
и ЗВОРЫКИНЪ.

Карпаторусскіе богатыри.

„Корниловцы“.

Г. Д. Якимецъ,
В. М. Когодѣй,
В. Г. Гвиздекъ,
† С. Н. Химичъ,

Н. И. Воловчукъ,
М. Д. Ковалевскій,
Г. С. Малецъ,

Л. Е. Пелехъ,
В. А. Когодра,
† В. Ю. Сойка,

С. Я. Худоба,
Е. В. Охницъ,

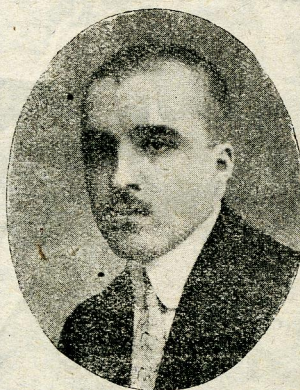
Д-ръ Юліанъ Михайловичъ Еднакій.

Судьба играетъ человекомъ,
Она измѣчлива всегда...

А. С. Пушкинъ.

Въ львовскихъ газетахъ появилось извѣстіе о томъ, что 9-го мая 1923 года скончался въ селѣ Нагуевичахъ отличающійся большими умственными дарованіями и энергіей, выдающійся молодой общественный дѣятель, д-ръ Юліанъ Михайловичъ Еднакій. Въ посмертномъ извѣстіи подчеркнута, что продолжительная болѣзнь и смерть явились результатомъ пережитыхъ, тяжелыхъ, военныхъ испытаній.

Достаточно! Уже двѣ недѣли спустя могила гдѣ-то въ Нагуевичахъ заросла майскою травой; осенью она высохла, могила развалилась — и словно человека вовсе не было. Люди поговорили, покивали головами и разошлись по своимъ домамъ, по своимъ путямъ.

томства. О томъ, что Юліанъ Еднакій былъ взятъ махновцами въ плѣнъ и съ большимъ трудомъ бѣжалъ изъ него, не будетъ вовсе упомянуто. Между тѣмъ одинъ Юліанъ Еднакій можетъ заполнить цѣлую страницу весьма цѣннымъ историческимъ матеріаломъ.

Въ дни великой войны онъ отличался не ремесломъ-промысломъ, а жаждою жертвеннаго дѣла. Выговаривая заветное слово: „Родина“, онъ загорался почти дѣвичьимъ, восторженнымъ взглядомъ очей. Порывистое, неудержимое влеченіе въ борьбу за нее рвалось изъ каждаго высказаннаго имъ положенія. Все это въ настоящее время грубаго матеріализма не имѣетъ значенія. Нынѣ какой-нибудь Махно или крикливый,

Въ исторіи борьбы Прикарпатя за его свободу, быть можетъ, и не будетъ отмѣчено то, что у Кичкасаго моста надъ Днѣпромъ были разбиты части галичанъ. Она пройдетъ, молча, мимо этого событія и имена павшихъ въ бою не будутъ переданы памяти по-

заносчивый, хвастливый, прибіѣгающій къ хитростямъ и уловкамъ демагогъ обращаетъ на себя вниманіе; тихій труженникъ пропадаетъ безслѣдно въ шумѣ кривотолковъ и цинизма.

Современный машина-человѣкъ улыбнется лишь съ недо-вѣріемъ, когда ему расскажутъ, что Юліанъ Михайловичъ, любя русскій народъ, шелъ съ открытой грудью на „недоступную крѣпость“, которой былъ каждый махновець, обвѣшанный на-ганями, пашками и пулеметными лентами. Тотъ же аппаратъ-человѣкъ сочтетъ ілупостью и вычурной сентиментальностью, когда услышитъ, что Еднакій, прошедшій нѣсколько разъ мимо смерти, докторъ правъ и взрослый мужчина искалъ въ Карпатахъ чего-то возвышеннаго, благороднаго и уносящаго въ высъ. Какъ бы къ этому не относились люди съ каменными сердцами, за Еднакимъ остается великій идеалъ добра и красоты. На вытопанной однако тропинкѣ онъ встрѣчалъ, мѣсто ангела, таинственную кикимору, выглядывающую изъ-за сирени, изъ-за винограда и мамоны. Запала думушка въ сердце и безсонныя ночи въ темной, сырой, монастырской комнатѣ обезсилили мужественнаго Еднакого. Пропала жизнерадостность, онъ поблѣднѣлъ, пожелтѣлъ, изсохъ и затѣмъ, переправившись черезъ Карпаты, умеръ въ Нагуевичахъ.

*

*

*

Юліанъ Михайловичъ Еднакій сошелъ въ могилу въ разцвѣтѣ своей жизни. Ему было не выше 30-ти лѣтъ. Будучи еще студентомъ онъ началъ играть въ галицко-русской жизни выдающуюся роль. Въ Вѣнѣ онъ состоялъ предсѣдателемъ студенческаго кружка „Буковина“. Развалъ Австріи засталъ его въ арміи въ Загребѣ. Одолѣвъ тяжести путешествія, онъ пріѣхалъ въ 1918 году въ Новороссійскъ, гдѣ поступилъ добровольцемъ въ кубанскій пластунскій полкъ. Перешедши въ Карпаторусскій отрядъ, Еднакій съ присущимъ ему рвеніемъ принялся за организационную работу. При Александровскѣ отрядъ былъ разбитъ повстанческими отрядами Махно. Еднакій былъ взятъ въ плѣнъ. Воспользовавшись темнотою ночи, онъ бѣжалъ отъ махновцевъ въ подсолнухи, гдѣ пролежалъ полныя сутки и затѣмъ окольнымъ путемъ добрался до Харциска. Казалось бы, что послѣ такого событія Еднакій уйдетъ изъ арміи. Такъ однако не случилось. Онъ не принялъ мѣста при командирѣ полка, отказался уѣхать въ ставку и вновь принялся собирать полкъ. Когда только нужно было изготавить планъ по изытію галичанъ изъ петлюровской арміи, Еднакій отправился въ Одессу, которая въ скоромъ времени была отрѣзана отъ Крыма. Съ новыми надеждами и съ неугасающимъ рвеніемъ къ дѣлу онъ переѣхалъ въ Карпатскую Русь. Въ Ужгородѣ не замѣчали на немъ слѣдовъ военныхъ лишеній. Онъ работалъ въ „Ка-

сино“, „Боянѣ“, „Соколѣ“, „Самопомощи“, „Русской Землѣ“ и „Карпатской Руси“, которой былъ вдохновителемъ и учредителемъ. Всегда и вездѣ онъ былъ жизнерадостенъ, здоровъ и неутомимъ.

*

*

*

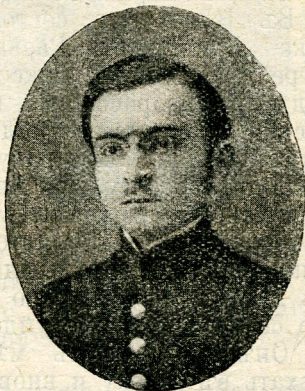
Вдругъ Юліанъ Михайловичъ заболѣлъ. Причина его смерти остается тайной, однако ея начало не въ военныхъ лишеніяхъ, а въ Ужгородѣ. Тайну глубокаго и трогательнаго содержанія онъ унесъ въ могилу, на которой, подобно Пушкинской Татьянѣ на могилѣ убитаго другомъ Ленскаго, печальная Русь уронить тяжелую слезу.

В. Р. Ваврикъ.

Александръ Осиповичъ Пелехъ.

Въ очеркѣ В. Р. Ваврика „Карпатороссы въ Корниловскомъ походѣ и Добровольческой арміи“, на одной изъ страницъ сказано: „Въ бояхъ у Малой и Большой Джалги, Пелагіяды, станицъ Барсуковской и Невиномысской положили свои головы прапорщикъ Александръ Пелехъ, очень дѣятельный студентъ и...“ такіе-то а такіе салдаты.

Очень просто, кратко и ясно. Положили головы „за Русь, святую Русь“. Кажется этимъ сказано все и добавлять ничего. Впрочемъ, развѣ можно въ краткомъ очеркѣ представить все то, что пришлось поодинокому Корниловцу и Добровольцу пере-

нести до рокового дня? Между тѣмъ крикъ боли такъ и вырывается изъ груди, что многое-многое не досказано, не высказано, особенно при вспоминѣ той потери, какую понесла галицкая Русь съ преждевременной смертью Александра Осиповича.

Это можетъ понять даже мало-мальски знавшій юнаго карпаторусскаго богатыря. Видомъ какъ будто невзрачный, но зато какая свѣтлая душа, какой талантъ, какая энергія, сила воли и красота духа! Достаточно сказать, что кончилъ онъ гимназію съ золотой медалью, прекрасно пѣлъ и игралъ на роялѣ и куда только ни появився, повсюду разсѣивалъ грусть, печаль, уныніе, а натомѣсть вно-

силъ своей жизнерадостностью веселіе, бодрость и радость. Вслѣдствіе этого былъ всѣми любимъ и цѣнимъ.

Александръ Осиповичъ ставилъ превыше всего любовь ко всему, что ни есть русское. Во имя этой любви къ Руси оставилъ отца и мать родную, сестру и брата, а быть можетъ еще одно бущее и любящее его сердце, и поступилъ туда, куда звалъ его долгъ предъ Родиной. Когда надвинулись на Русь свирѣпыя, мутныя волны ея враговъ, Александръ Осиповичъ первымъ поспѣшилъ съ горсточкой Карпатороссовъ защищать русскую землю отъ нашествія разнузданнаго большевизма и поступилъ въ грозные ряды Корниловскихъ богатырей, съ которыми раздѣлилъ всѣ тяжести „Ледяного похода“ и радости первыхъ успѣховъ Добровольческой арміи.

Смѣло можно сказать, что Александръ Осиповичъ являлся не только бойцомъ но и Орфеемъ Карпаторусскаго отряда. Своей игрой и пѣсней поддерживалъ онъ бодрость и духъ въ арміи. Бывало на привалахъ и стоянкахъ, гдѣ напелся рояль или пьянино, Александръ Осиповичъ такъ и испѣлялъ игрой и пѣніемъ душевныя раны соратниковъ. Помнитъсѣ, какъ въ Романовскомъ хуторѣ далъ онъ игрой на роялѣ въ сопровожденіи скрипки, заливавшей въ артистическихъ рукахъ И. И. Киричинскаго, настоящий концертъ, къ которому прислушивались за окномъ полпы мѣстнаго населенія.

Во время отступленія Корниловцевъ отъ Екатеринодара, когда уныніе достигло высочайшихъ предѣловъ, Александръ Осиповичъ и тогда съумѣлъ влить духа бодрости въ соратниковъ. Идутъ они бывало понутивъ головы еле передвигая ногами, а Александръ Осиповичъ выйдетъ бывало впередъ и затянетъ пѣсню:

„Засвисталы козаченьки
Въ похидь съ полуночи...“

или:

„Розвивайся ой ты, старый дубе,
Скоро весна будѣ.
Выбирайся молодой козаче,
Завтра похидь будѣ.“

Выбѣгаютъ козачки и восклицаютъ: „Це наши!“ А козакки бросая орлиный взглядъ подтягиваютъ кушаки, какъ будто провѣряя, крѣпко ли держится на нихъ вѣрный другъ-кинжалъ или пашка-подруга. И кто знаетъ, не сдѣлала ли пѣсня Карпатороссовъ больше, чѣмъ всѣ возванія Добровольцевъ къ козакамъ?

Когда-же путь Добровольцамъ заграждали большевики, Александръ Осиповичъ выступалъ однимъ изъ первыхъ противъ нихъ съ винтовкой и пѣсней:

„Мы смѣло въ бой пойдемъ
за Русь святую“...

Что это не были пустыя слова, пусть доказательствомъ послужить одинъ изъ многихъ случаевъ, который всего болѣе вѣзался въ память, потому что произошелъ въ самомъ началѣ Корниловскаго похода:

Въ Ростовѣ н/Д., когда Корниловцы, оставивъ въ февралѣ 1918 г., городъ находились на противоположномъ берегу Дона, ринулись большевики, чтобы разбить, уничтожить отступающихъ. Командиръ чехо-словацкаго полка, къ которому были придѣлены галичане, капитанъ Нѣмечекъ, видя это, обратился къ себѣ подчиненнымъ съ вопросомъ, кто желаетъ dobroохотно охранять и защищать мостъ отъ насѣдающихъ большевиковъ. Никто не откликнулся. Нѣмечекъ повторилъ свой вопросъ. Тишина. Изъ чеховъ никто не вызвался. Положеніе становилось тягостнымъ и неловкимъ. Тогда выступаетъ какой-то студентъ въ очкахъ и говоритъ: „Я“. — То былъ Александръ Осиповичъ Пелехъ. За нимъ пошли и другіе и такимъ образомъ навалѣ большевиковъ былъ данъ отпоръ.

Право, поневолѣ насущается мысль: Были у Римлянъ Колесы, были и у насъ не хуже ихъ!

А можетъ быть одного случая не достаточно? Такъ пусть же знаютъ читатели, что первымъ изъ Корниловцевъ, кто былъ раненъ и пролилъ „кровь молодую“, это былъ тоже Александръ Осиповичъ Пелехъ. Послѣ раненія Александръ Осиповичъ, какъ медикъ, былъ назначенъ фельшеромъ, такъ что могъ не участвовать въ опасныхъ бояхъ, но это дѣло ему не понравилось и онъ въ скоромъ времени опять поступилъ въ первые ряды бойцовъ. Да! — „были люди въ наше время!“

Александръ Осиповичъ совершилъ Корниловскій походъ и первые подвиги Добровольческой арміи. Рожденъ въ 1896 г. въ Сулимовѣ, Жолковскаго уѣзда, въ Галичинѣ, въ священнической семьѣ; убитъ на Кубани 12. X. 1918 года, въ бою подъ Большая Джалга. Тлѣнныя останки его перенесены и погребены съ большою честью въ Ростовѣ на Дону. — ДНК.

Шутовскій миръ или предательство?

Такъ называемые „Украинцы“ много строчать-розмазываются про Брестскіе переговоры, про „Берестейскій мир“, заключенный 9. н. ст. февраля 1918 года между Украиной съ одной и Нѣмцами съ другой стороны. Дѣлается это съ такою серьезностью, что гомерическій смѣхъ беретъ человѣка и жалость къ самодурамъ. Смѣхъ порываетъ, когда слышатся или читаются такіе слова: „Февраля 9. дня 1918 года нововозникшее украинское государство первое заключило миръ послѣ четырёхлѣтней войны. Мирныя точки мирного договора слѣдующія: 1. Германія, Австро-Венгрія, Болгарія и Турція съ одной стороны и Украинская Народная Республика съ другой стороны заявляютъ, что военное положеніе между ими кончилось. Заключая договоръ стороны постановили впредь жить съ собою въ мирѣ и согласіи“. Послѣ этого слѣдуютъ дальнѣйшія точки договора, но это не важно. Достаточно призадуматься надъ пунктомъ первымъ, въ которомъ говорится, что военное положеніе между Украиной и Германіей, длившееся четыре года кончилось. Но спрашивается: Когда это Украина воевала съ Германіей? И какъ могла она воевать вообще, а тѣмъ болѣе четыре года, когда она только что во время Брестскихъ переговоровъ возникла и какъ таковая совершенно не воевала ни съ Германіей ни съ кѣмъ либо другимъ? Правда, быть можетъ кто-либо скажетъ, Украина не воевала, но воевали Украинцы, а это все равно. Нѣтъ, не все равно. Если и воевали нѣкоторые, такъ они воевали не какъ Украинцы, а какъ Русскіе. А потому о войнѣ Украины или даже Украинцевъ съ Нѣмцами и рѣчи быть не можетъ. Напротивъ, если можетъ быть о чемъ либо рѣчь, такъ только о томъ, что нѣкоторые Украинцы воевали сообща съ Нѣмцами противъ Русскихъ, а потому если хотѣли заключать какой-либо миръ, такъ могли заключать не съ Нѣмцами, а съ такъ наз. москалями, относительно съ большевиками. Кромѣ выше приведенныхъ причинъ не могли Украинцы заключать съ Нѣмцами въ Брестѣ мира еще и потому, что въ то время Украины ни реально ни формально еще не было. Не надо смѣшивать понятія „Украина“ и „Украинцы“. Я не утверждаю, что Украинцы не существовали въ то время, только что не существовала Украина. А если кто

скажетъ, что Украинцы и Украина это все равно, такъ это не вѣрно. Ибо существуютъ-же Цыгане, но о какой либо Цыганеріи, какъ государствѣ, ни видомъ видать ни слыхомъ слыхать.

Мирные переговоры начались въ Брестѣ 20. ноября (3. XII.) 1917 года. Въ это время Украина находилась еще во чревѣ Австро-Германіи, а если кому либо желательно, такъ Совдепіи, и потому самостоятельно принимать участія въ какихъ либо переговорахъ не могла. Украина родилась какъ искусственный выкидишъ только черезъ 40 дней т. е. шесть недѣль послѣ начатія Брестскихъ переговоровъ, именно 9. (22) января 1918 г., когда „Украинска Центральна Рада“ провозгласила полную независимость „Украинской Народной Республики“. Совдепія усомнилась въ воплощеніи Украины, а потому еще 18 (31.) января 1918 года протестовала противъ участія ея въ переговорахъ. Дабы устранить всякія сомнѣнія, четвероюкіи союзъ на слѣдующемъ засѣданіи призналъ „Украинську-ю Народну-ю Республику“ самостоятельнымъ сувереннымъ государствомъ, которое въ состояніи заключать самостоятельно унтернаціональные договоры. Вотъ такъ штука! Нѣскольконедельный выкидишъ въ состояніи заключать договоры. И онъ заключаетъ ихъ 9. (20) февраля 1918 года, съ кѣмъ? Со своей родительницей Германіей, съ которой могъ быть въ состояніи войны развѣ во время родовъ. Великолѣпно! Но уже черезъ три дня т. е. 30. января (12. II) новорожденная Украина, это самостоятельное и суверенное государство, хнюкаетъ посредствомъ делегаціи въ Брестѣ къ своему родителю-нѣмецкому народу: „...Врагъ нашей свободы ворвался въ Родной Край... Въ этой тяжелой борьбѣ за наше существованіе мы ищемъ помощи. Мы глубоко убѣждены въ томъ, что любящій миръ и порядокъ нѣмецкій народъ не останется равнодушнымъ, когда онъ узнаетъ про нашу нужду. Нѣмецкое войско имѣетъ достаточно силы, чтобы намъ помочь и мы увѣрены, что нашъ голосъ будетъ услышанъ“. И средне-европейскія государства, т. е. Германія и Австрія поспѣшили съ помощью Украинѣ. Вмѣстѣ съ выпущенными изъ Фрейштадта (въ Австріи) и Рапштата (въ Германіи) плѣнными Украинцами заняли въ непродолжительномъ времени Волынь, а при концѣ новаго стilia февраля 1918 г. продвинулись къ Гомелю и Кіеву. Австро Венгрія приняла тоже участіе въ созиданіи Украины. Февраля 12. (25.) дня 1918 года явился въ командѣ 54 ой австрійской дивизіи комисаръ подольской губерніи д-ръ Степура съ штабнымъ офицеромъ Николаевымъ съ просьбой о помощи. На основаніи этого прошенія австрійскія войска вступили на Украину. Въ группѣ этихъ войскъ находились также „Сѣчевые Стрѣльцы“, которые въ мѣстѣ съ Австро-Венгерцами заняли Хотинъ, Каменецъ-Подольскъ и Проскуровъ. Населеніе Украины приняло Австро-Германцевъ враждебно. Предвидя это „Украинское Министерство“ (В. Голубовича) обра-

тилось еще 10. (23.) февраля къ населенію Украины съ возваніемъ, въ которомъ между прочимъ было сказано: „Они, т. е. Австро-Германцы“, идутъ на Украину, чтобы дать возможность „Радѣ народныхъ министровъ“ творить великое дѣло — строить самостоятельную Украинскую Народную Республику. Эти войска дружелюбны къ намъ и будутъ биться съ врагами Украинской Республики“. Германскія и австрійскія войска неся Украинцамъ помощь, скорымъ маршемъ пошли впередъ и не встрѣчая большихъ препятствій заняли Кіевъ безъ выстрѣла. Тогда приходитъ Семень Петлюра (семинаристъ, публицистъ, бухгалтеръ и прч.) съ „черными гайдамаками“ и „Сѣчевыми Стрѣльцами“ Коновальца и 2. н. ст. марта является какъ триумфаторъ на Софійской площади въ Кіевѣ. Нѣмцы, главнымъ образомъ Саксонцы, стоявшіе подъ городомъ, вошли въ Кіевъ на слѣдующій день. Такъ полагается, что молъ не они заняли Кіевъ, только сами Украинцы, а Нѣмцы пришли только по ихъ приглашенію. Одновременно съ занятіемъ Саксонцами Кіева Австрійцы заняли Николаевъ и Одессу.

Послѣ занятія Нѣмцами Кіева послѣдовало переизбраніе дотеперѣшняго Украинскаго Министерства, во главѣ котораго остался дальше В. Голубовичъ. 7. (20.) марта состоялось въ Кіевѣ засѣданіе такъ наз. „Малой Рады“ по случаю годовщины ея возникновенія. Глава „Рады“ проф. Грушевскій разсказалъ въ своей рѣчи исторію „Рады“, которая организовалась годъ тому назадъ. Въ апрѣлѣ 1917 года переизбрано Центральную Раду. Послѣ включено въ нее Раду крестьянскихъ депутатовъ, Раду рабочихъ депутатовъ и Военный генеральный Комитетъ. Въ такомъ составѣ Центральная Рада сдѣлалась сурогатомъ украинскаго парламента, возникшаго по занятію Нѣмцами Кіева. Для охраны украинскаго парламента т. е. Центральной Рады были „Сѣчевые Стрѣльцы“. 16-ое (29.) апрѣля 1918 г. состоялось засѣданіе „Малой Рады“ (т. е. что-то въ родѣ Гос. Собѣта), на которомъ между прочимъ послѣдовало избраніе проф. Грушевскаго украинскимъ президентомъ. Того же 16. (29.) апрѣля 1918 года состоялось въ Кіевѣ многочисленное собраніе крестьянъ и помѣщиковъ конечно, тоже подъ покровительствомъ Нѣмцевъ. На этомъ собраніи выступили ораторы противъ „Центральной Рады“, какъ къ ничему негодной, и собраніе избрало ген. Павла Скоропадскаго гетманомъ. На слѣдующій день 17. (30.) апрѣля появилась на стѣнахъ Кіева гетманская грамота, въ которой устранялось все дотеперѣшнее украинское правительство со смѣхотворнымъ президентомъ во главѣ.

Гетманская Украина существовала по концъ ноября 1918 г. Когда въ Германіи началась революція, нѣмецкія войска потеряли боеспособность и перестали поддерживать Скоропадскаго, который вслѣдствіе этого принужденъ былъ бѣжать. Тогда Украинцы опять воспрянули и основали такъ наз. Директоріатъ

съ В. Винниченкомъ во главѣ. Въ составъ этого директоріата входилъ между прочимъ также Петлюра, станувшій во главѣ галицкихъ Сѣчевыхъ Стрѣльцовъ, которые находились въ городѣ Бѣлая Церковь. Къ нему присоединились и другія украинскія формациі, съ которыми Петлюра пошелъ на Кіевъ и занялъ его 1. (14.) декабря 1918 года. Одновременно Харьковъ былъ занятъ ген. Волбжаномъ, а Николаевъ и Одессу заняли другіе украинскіе дѣятели. Нѣмцы были возваны оставить Украину къ 1. (14.) января 1919 года. Вмѣстѣ съ Петлюрою перекочевалъ въ Кіевъ также Директоріатъ. Этотъ Директоріатъ созвалъ въ Кіевъ „Трудовой Конгрессъ“, который состоялся между 9 (22) и 15 (28) января 1919 года. Въ этомъ Конгрессѣ приняли участіе также делегаты галицкихъ Украинцевъ, которыхъ дѣло въ то время представлялось такъ:

Во время наводненія нѣмецкими войсками Галичины состоялось во Львовѣ, 6. (19.) октября 1918 года, общее собраніе галицкихъ Украинцевъ. На этомъ собраніи образовалась такъ наз. „Украинска Національна Рада“ во Львовѣ, что то въ родѣ конституанты для русской части Галичины, Угорской Руси и Буковины, которыя были провозглашены собраніемъ какъ „Украинска Держава“ въ границахъ разлагающейся на глазахъ Австро-Венгерской монархіи. „Украинска Національна Рада“ главой которой былъ Кость Левицкій, захватила 19. октября (1. IX) 1918 г., при помощи войска изъ русскихъ жителей Галичины, власть во Львовѣ и другихъ городахъ вост. Галичины. 27. окт. (9. IX.) образовалась украинская исполнительная власть подъ названіемъ: „Тымчасовый Державный Секретаріатъ Захидно-Украинской Державы“, отвѣтственной передъ Украинской Національной Радой. Въ составъ этого Секретаріата вошли: К. Левицкій, какъ предсѣдатель, а какъ члены: С. Баранъ, И. Макухъ, И. Куровець, В. Панейко, Л. Цегельскій, А. Писецкій, Я. Литвиновичъ, А. Барвинскій, Д. Витовскій, А. Чернецкій, И. Миронъ, С. Голубовичъ; это какъ бы галицко-украинскіе министры, которые не долго тѣшились своими портфелями, ибо уже 8. (21.) ноября 1918 года принуждены были подъ напоромъ Поляковъ прекратить свое чинодѣйствіе: Украинская Нац. Рада разлетѣлась. Но уцѣлѣвшіе отъ польскаго разгрома члены „Рады“ и „Секретаріата“ собрались въ г. Станиславовѣ и тамъ составили 3. н. ст. января 1919 г. новую Укр. Нац. Радѣ какъ предпарламентъ Заладно-Украинской Народной Республики, во главѣ которой стануль Е. Петрушевичъ въ качествѣ президента, провозгласившаго въ тотъ же день соединеніе Приднѣстрянской Украйны съ Приднѣпровской Украйной. Былъ передѣланъ тоже прежній Секретаріатъ на новый „Министерскій Кабинетъ“, въ составъ котораго вошли: Баранъ, Макухъ, Миронъ, Артимовичъ, Голубовичъ, Карановичъ, Курмановичъ, Витовскій. Но Станиславовская Украйна не называлась уже теперь „Державою“.

а „Захидна Область Украинской Народной Республики“. Эта-то „Захидна Украинска Республика“ была приглашена на выше упомянутый „Трудовой Конгрессъ“ въ Кіевѣ, гдѣ 9. (22.) янв. 1919 года было провозглашено объединеніе галицкой съ украинской Украиной. На слѣдующій день послѣдовало открытіе Конгресса въ театрѣ. Уморительно описываютъ комедію украинскіе исторіографы: „Въ ложахъ засѣли министры, представители иностранныхъ государствъ, члены Академіи Наукъ и представители университета. Мѣста на галереѣ заняла публика. Въ партерѣ засѣли депутаты, среди нихъ въ первомъ ряду проф. М. Грушевскій. Въ 5 часовъ на сценѣ появляется Директоріатъ. В. Винниченко открываетъ Конгрессъ. Послѣ этого состоялись выборы президіи, въ которую вошли: Д. Ординъ, С. Витыкъ, Т. Старухъ“. Думаю хватить, да и некуда распространяться, ибо.....

Во время совѣщаній „Трудового Конгресса“ поступило сообщеніе, что большевики идутъ скорымъ маршемъ на Кіевъ. „Конгрессъ“ не былъ въ состояніи спокойно совѣщаться и потому 15. (28.) января 1919 г. бѣгомъ бѣжалъ. На Кіевъ наступали украинскіе большевики изъ Харькова подъ предводительствомъ Х. Раковского. Въ связи съ наступленіемъ красныхъ Украинцевъ уступилъ президентъ Винниченко. вмѣстѣ съ нимъ уступили украинскіе министры. На ихъ мѣсто выступилъ въ качествѣ украинскаго диктатора Семенъ Петлюра. Несмотря на это красные Украинцы заняли Кіевъ и присоединили Украину къ „Московщинѣ“. Петлюра очутился со своимъ правительствомъ въ непріятномъ положеніи. То и дѣло былъ принужденъ бѣгать отъ Кіева въ Винницу, изъ Винницы въ Проскуровъ, изъ Проскурова въ Каменецъ-Под., изъ Каменца въ Ровно пока опять не очутился въ Каменцѣ.

Не лучше было и въ Галицкой Украинѣ. Здѣсь тоже бѣгали Украинцы какъ угорѣлые. Изъ Станиславова галицко-украинскій „Секретаріатъ“ бѣжалъ въ Залѣшки. Тамъ през. Галицкой Украины Е. Петрушевичъ былъ произведенъ тоже въ диктаторы. Но и то ничуть не помогло. Несчастные галицкіе Украинцы послѣ многочисленныхъ боевъ съ Поляками и ужасныхъ лишеній принуждены были бѣжать тоже въ Каменецъ. Такимъ образомъ въ Каменцѣ сошлись два диктатора до- и забзбручевской Украины. Одураченные ихней Украиной украинолюбивые воины очутились въ ужасныхъ условіяхъ: голые, босые, голодные, изнуренные, безъ хлѣба и амуниціи, разбѣдаемые вшами, хлестаемые всякими заразительными болѣзнями гибли какъ спасовскія мухи.

Въ это время вспыхнули въ Южной Россіи противъ-большевикскія возстанія. Во главѣ этихъ возстаній станули „Добровольцы“ подъ начальствомъ ген. Деникина. Добровольцы быстро заняли Сѣверный Кавказъ, весной Донскую область, а лѣтомъ

лѣвобережную Украину. Красные войска уступали предѣ Добровольцами на всей линіи и очистили правобережную Украину вслѣдствіе вспыхнувшихъ тамъ тоже возстаній под предводительствомъ Григорьева, Ангела, Зеленаго и прч. Пользуясь этимъ Петлюровцы и Петрушевцы продвинулись быстро къ Днѣпру и заняли Кіевъ, опередивъ на нѣсколько часовъ войска Деникина. Галицкіе Сѣчевики или Стрѣльцы (этого ужъ точно не знаю) водрузили даже надъ Кіевомъ сине-желтое знамя. Эта малчишеская выходка Петлюровско-Петрушевскихъ гайдамакъ, хотѣвшихъ „хитро-умно не великимъ коштомъ“ вырвать съ подъя Деникину убитую нимъ добычу Кіевъ, такъ взбѣсила Добровольцевъ, что они на сто-чертей выбросили незваныхъ гостей изъ Кіева. Получившіе шлепку гайдамаки предложили Добровольцамъ подѣлиться съ ими добычею, но Добровольцы послали ихъ „къ свинямъ“. Опять пошли гайдамаки искать дураковъ. Не нашли.

Не посчастливилось и Добровольцамъ. Они не нашли въ себѣ на столько энергіи, чтобы сломить окончательно большевиковъ, и сами разлѣзлись къ концу 1919 года. Украинскіе диктаторы хотѣли опять завладѣть Украиной, но тутъ-то имъ сказали настоящіе Украинцы: „Волимъ подъ московскаго большевика, чѣмъ подъ германскаго козака!“ и выпырунули „Самостійну Украину видъ Карпатъ по Кавказъ“ туда, откуда пришла. Такъ постыдно кончила недоношенная Австро-Германіей „Самостійна, Суверенна, Украинска Республика“.

И что про нее много говорить, такъ много размазываться! Развѣ такъ наз. Украинцы не видятъ, что возлелѣянная ими Украина это выкидишъ ума враговъ русскаго народа? Развѣ украиноманы не понимаютъ, что ихній „Берестейскій миръ“ это шутовскій миръ, а ихнее возваніе къ нѣмцамъ и совмѣстное ихъ нашествіе на собственный народъ это постыдная измѣна и мерзкое предательство? Да неужели такъ наз. Украинцы на столько тупоумны, что всего этого не понимаютъ, не молчатъ, а кричатъ объ этомъ. Можно считать себя и чортомъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы призывать себя на помощь бѣсовъ для цорабощенія хотя бы собственныхъ чертенятъ. Не помогла измѣна ни Мазепы, ни Грушевскаго, ни Петлюры и прч., не помогли ни Шведы ни даже Нѣмцы, такъ зачѣмъ-же дальше морочить Украиной головы и свои и чужія? И жалко и глупо и смѣшно!

А. Бибичъ.

ПЕРЕПЛЕТНАЯ МАСТЕРСКАЯ

СТАВРОПИГІЙСКАГО ИНСТИТУТА

ЛВОВЪ, Бляхарская ул. домъ № 11, (партеръ)

принимаетъ въ переплеть:

Евангеліоны,

Служебники,

Молитвословы,

Помянники,

Альбомы,

купеческія книги,

папки,

школьныя книги, — брошюрованіе книгъ,
книги канцелярскаго дѣлопроизводства.

Исполненіе работъ самое добросовѣстное.

СПИСОКЪ КНИГЪ

находящихся въ настоящее время въ магазинахъ Ставропігійскаго Института:

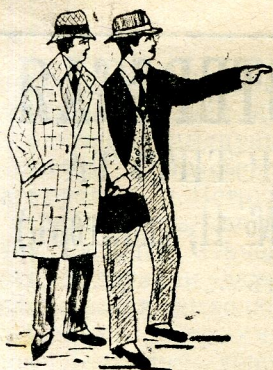
Акафистникъ усопшихъ
Апостолъ и Евангеліе
Апостолъ Великій
Библийная исторія
Богослословіе малый
Молитвословъ Богъ на-
дежда
Молитв. 7 сигнат. для
дѣтей
Молитв. 4½ сигн. для
дѣтей
Молитвословъ Ер. боль-
шой
Молитвословъ Ер. ма-
лый
Молитвословъ Другъ
Души
Молитвословъ Кормъ
Души
Полный молитвословъ
Молитвословъ Госп. пом.
Евангеліе страстное
Евангеліе великое
Изборникъ
Литургія св. І. Золот.

Литург. св. Іоан. Золо-
тууста для Угорщини
Осмогласникъ
Октоихъ
Помянникъ покойн.
Псалтирь малый
Пѣснословъ малый
Служебникъ
Служба розл. намѣрен.
Три Акафисты
Тропаріи воскресныя
Триодъ цвѣтная
Триодъ постаная
Чинъ крещенія и ми-
ропомаз.
Чинъ посѣщенія боль-
ныхъ
Часословъ великій
Чинъ вечерни, избор-
никъ чтеній.
Чинъ парастаса
Часословъ малый
Чинъ вечерни и Утрени
Промологіонъ
Грамота братства тре-
звости

Библиотека О. Бачинскаго.
Святе письмо Т. І. II.
III. IV. V. VI. VII.
Право церковное
Практичный проводн.
Богословіе моральне и
пастырское
Псалтирь
Новый заветъ

Д р у ж и.

Списокъ парохіанъ
До оголош и оповѣдей
Свидѣтельство вѣнчанія
Книга оповѣдей
Метрика рожденія
Протоколъ предбр.
Молитвы „Радуйся Ца-
рице“
Молитвы при умыванью
рукъ
—
Исторія Русн (Дуды)
Грамматика Бендасюка
Зборникъ благожеланій.

РЕГУЛЯТОРЪ

Кооперативъ для товарового обороту
Львѡвъ, ул. Валова 14.

Вѡддѣль кредитовый принимает вклады и платитъ вѡдѣ миллионовыхъ вкладѡвъ высокій процентъ на специальныхъ условіяхъ. Переводитъ на рахунокъ кліентѡвъ купно и продажу всякихъ цѣнныхъ паперѡвъ

Вѡддѣль торговельный поручаетъ свѡй складъ въ Рынку ч. 43 зѣ матеріалами блаватными всякого рода; матеріалы для муштинъ и женщинъ, якѣ для интеллигенціи такъ и для селянъ, готовіи убраня, черевики, чоботы. — **Купуетъ и высылаетъ** своимъ кліентамъ всякіи товары колоніальніи, якѣ рижъ, каву, чай, свѣтло, мыло и т. п. — **Купуетъ и высылаетъ** своимъ кліентамъ всякіи товары галантерейніи. — **Купуетъ и высылаетъ** рѡльничіи машины и знаряды потрѣбніи въ господарствѣ. **Купуетъ, высылаетъ и принимаетъ** въ комѣсъ всякіи рѡльничіи продукты. — **Доставляетъ** въ сезонѣ всякіи штучніи навозы.

Вѡддѣль спедиційный полагоджуе на власный и кліентѡвъ рахунокъ всякіи почтовіи и желѣзничіи посылки.

Вѡддѣль информаційный переводитъ въ дѣлахъ торговельно-кредитовыхъ всякіи запыты. — **Продажа** товарѡвъ детайлично и гуртомъ.

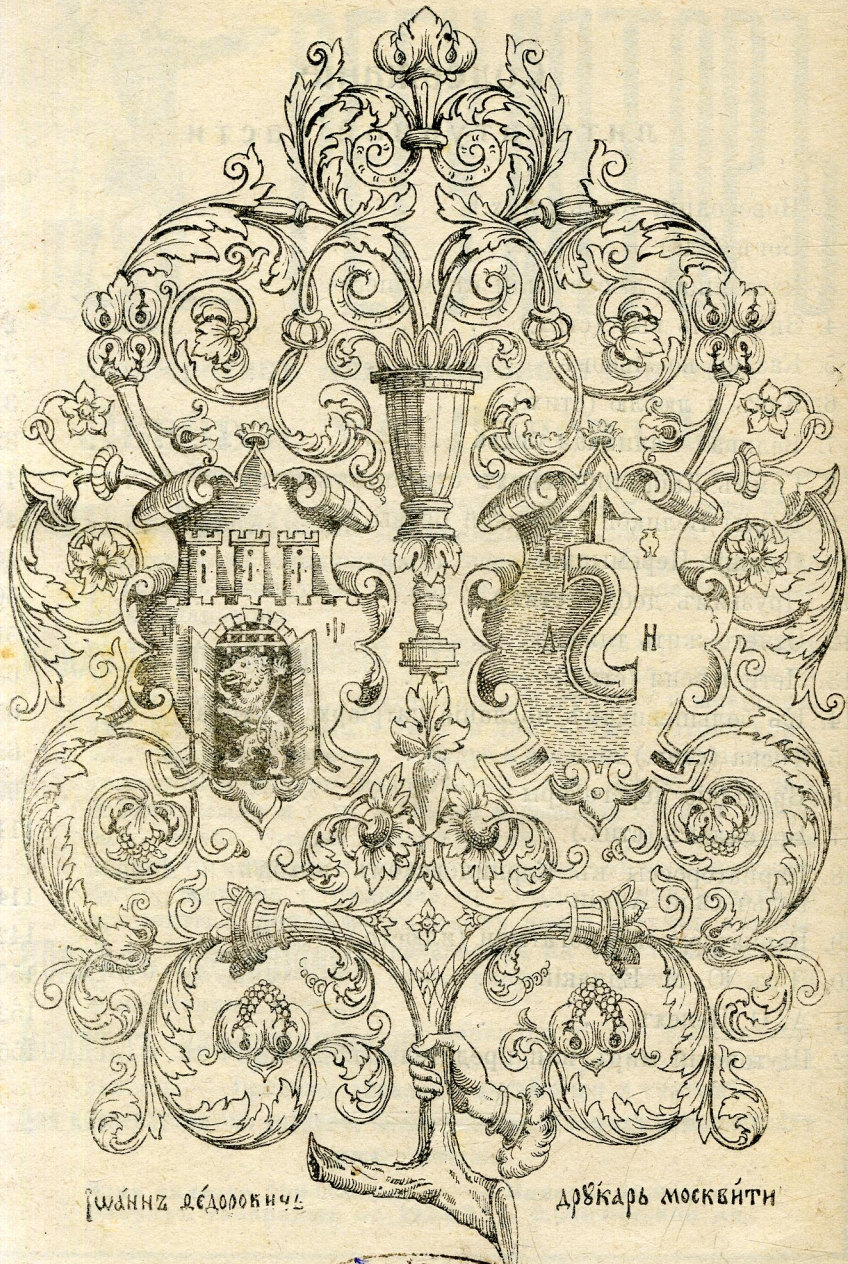
Для кооперативныхъ спѡлокъ, крамницъ при бѡльшихъ замовленьяхъ улегченя.

Одна вкладка 500.000 мп. — — — Вписове 10.000 мп.
Оборотъ товаровый въ 1922/23 р. 2.500.000.000 мп.

Содержаніе

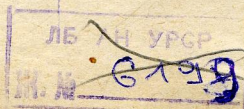
литературной части.

	Стр.
1. Новогодній тостъ (стих.)	2
2. Богъ (ода)	2
3. Настоящая любовь или сѣумашество?	7
4. Знаете-ль вы? (стих.)	24
5. Казаки во Львовѣ	25
6. Какъ я люблю (стих.)	31
7. Великая Галицкая битва	32
8. Гимнъ Карпаторусскихъ студентовъ (стих.)	43
9. Карты Великой Галицкой битвы	44—45
10. Паденіе Перемышля	46
11. Друзьямъ добра (стих.)	50
12. Отчего жить тяжело?	51
13. Лети пѣсня (стих.)	63
14. Къ большевикамъ посланіе патріарха Тихона	65
15. Тоска (стих.)	68
16. Брестскіе переговоры	69
17. Брусилловъ (стих.)	111
18. Карпатороссы въ Корниловскомъ походѣ и Добро- вольческой Арміи	114
19. Карпаторусскіе богатыри (иллюстр.)	142
20. Д-ръ Ю. М. Еднакій	150
21. А. О. Пелехъ	152
22. Шутовскій миръ или предательство?	155

ІВАННЪ ДѢДОВИЧЪ

ДРЪКАРЬ МОСКВИТИ

1924

2 шрб

ПРОВЕРЕНО
С/Ф. 982

РК III
40.118

Благословѣши вѣнѣцъ лѣта благодѣи Твоеѣ,
Господи, и полѣ Твоеѣ исполнѣтѣ тѣка.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ LIV.

ВРЕМЕННИКЪ

СТАВРОПИГІЙСКАГО ИНСТИТУТА

СЪ МѢСЯЦЕСЛОВОМЪ
на високосный годъ

1924.

ЛВОВЪ 1923.

Изъ типографіи Ставропигійскаго Института
подъ управленіемъ А. И. Яськова.